

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра культурологии и социально-культурной деятельности

На правах рукописи

Березина Анна Валерьевна

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МАРИЙЦЕВ УРАЛА

24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Шумихина Людмила Аркадьевна

Екатеринбург – 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	15
1.1.Понятие «культурная идентичность»: варианты интерпретации в культурологическом знании.....	15
1.2.Структура культурной идентичности как отражение сущностных качеств этнокультуры	29
1.3.Исторические трансформации ментальных характеристик и культурной идентичности марийцев Урала	61
Глава 2. СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МАРИЙЦЕВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА.....	77
2.1.Смыслжизненные ценности марийцев Урала в контексте ценностного мира культуры финно-угорских народов	77
2.2.Повседневные культурные практики уральских марийцев.....	88
2.3.Языковое своеобразие и проблема сохранения языка современных марийцев Урала.....	100
Глава 3. КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МАРИЙЦЕВ УРАЛА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ.....	110
3.1.Трансформации культуры марийцев Урала в XX – начале XXI вв.....	110
3.2.Личностная самоидентификация марийцев Урала XXI века как социально-антропологическая проблема.....	119
3.3.Художественная культура марийцев Урала конца XX – начала XXI веков как трансляция культурной идентичности.....	126
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	135
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	140
ПРИЛОЖЕНИЯ	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Сохранение культуры малочисленных этносов неразрывно связано с вопросами этнокультурной идентичности, так как она живая основа культуры и стержневой элемент при становлении личности, ее социализации и дальнейшем развитии. Несмотря на тенденцию современной жизни к некоторой унификации и стандартизации участия в общем социальном процессе, этничность остается востребованной, а угроза нивелирования этнокультурных ценностей выводит представителей различных этнических образований на политическую арену. На фоне процесса постепенной утраты этнокультурной идентичности не может остаться незамеченным рост активности маргинальности и асоциального поведения, так как именно глубинные слои этнической культуры, проявляющиеся на личностном уровне, являются важным ресурсом жизнеспособности общества. Не случайно культуры, развивающиеся в рамках неевропейских цивилизаций, представляют сегодня наибольшую ценность, поскольку несут в себе тот ценностно-смысловой запас, который, возможно, станет источником дальнейшего цивилизационного развития человечества. Для того, чтобы полноценно транслировать особенности и ценности той или иной культуры, необходимо осознание этнокультурной идентичности, прежде всего, ее представителями, так как это поможет им социализироваться в мире современных коммуникаций, сохранив ценности собственной культуры. В этом отношении на примере изучения культурной идентичности марийцев Урала как представителей финно-угорских народов имеет смысл показать острые проблемы ее сохранения, рассмотреть способы и варианты решения этих проблем, понять каковы основания сохранения этой культуры – это вопросы, ответ на которые необходим в условиях глобализационных процессов XXI века.

До сих пор трудно найти исследования, проведенные в культурологическом ключе и касающиеся изучения особенностей культуры марийцев Урала. Кроме того, на современном этапе насущной остается задача выявления наиболее подверженных трансформационным изменениям в условиях глобализации

параметров культуры марийцев Урала. Решение этой задачи необходимо для сохранения и развития данной этнокультуры, а культурологический анализ марийского этнического общества позволит обосновать необходимость организации практической деятельности по возрождению жизнеутверждающих основ ее развития.

Степень научной разработанности проблемы. Теоретико-культурологическое понимание идентичности было заложено при обращении к проблеме типологии культур в трудах О. Шпенглера, М. Вебера, Дж. К. Фейблмана, Ф. Боаса, Ф. Л. Уайта, Э. Сепира.

В данном диссертационном исследовании наиболее ценными стали работы, затрагивающие проблематику культурной идентичности малочисленных народов. В первую очередь, это работы: Р. Бенедикт, считавшей уникальную конфигурацию характеристик, основанную на тех или иных ценностях, определяющей в человеческой культуре; Э. Эриксона, поднявшего концепцию идентичности на уровень научной теории и показавшего в этом направлении значимость дальнейших исследований не только в психологии, но и в социально-политических и экономических науках, философии и культурологии; Э. Фромма, считавшего основой социализации взаимодействие с другой культурой¹; К. Леви-Стросса, придавшего изучению идентичности междисциплинарный характер²; С. Хантингтона, исследовавшего причины кризиса идентичности в современном мире процессов глобализации³. Кроме вышеназванных авторов, основания для рассмотрения культурной идентичности как критерия типологии культуры были заложены в трудах Э. Б. Тейлора, И. М. Анклифа Таккера, Селима Абу, Г. Теджфела. Среди российских исследователей – это труды Э. В. Ильенкова, И. С. Кона, В. А. Ядова, Е. Г. Трубиной.

Следующий блок работ составили научные труды по народной (этнической) культуре, в которых так или иначе затрагивалась проблема этнокультурной идентичности, ее трансформация и специфика проявления. Среди авторов,

¹ Фромм Э. Ситуация человека ключ к гуманистическому психоанализу. М.: Прогресс, 1998. С. 443 – 482.

² Леви-Стросс К. Этнолог перед проблемой национальных идентичностей // Вопросы философии. 2010. №8. С. 111-114.

³ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской идентичности. М.: АСТ, 2008. С. 37.

затрагивающих в этом аспекте проблему этнокультурной идентичности, можно назвать как дореволюционных ученых – П. С. Палласа, К. Коха, так и исследователей XX – XXI веков: Ю. В. Бромлея, В. С. Степина, Г. К. Гирца. Кроме того, публикациям результатов исследований в данной проблематике посвящен ряд российских и зарубежных периодических изданий, среди которых: междисциплинарный научно-практический журнал Чувашского института культуры «Этническая культура», научный журнал Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва «Финно-угорский мир Finno-Ugric World», серия книг Института этнологии и антропологии РАН РФ «Народы и культуры», «Culture, Theory and Critique» (США), *Anthropological Journal of European Cultures* (Англия-Германия).

Так же для данного исследования наиболее интересными оказались работы по истории, социологии и культуре марийского этноса. Основу изучения марийского этноса положили работы российских и зарубежных авторов, начиная с XVIII века: П. С. Палласа, И. Г. Георги, Г. Ф. Миллера, Н. П. Рычкова.

Современные противоречия марийской культуры и актуальные проблемы марийского народа были освещены в трудах Н. Н. Гаврилова и А. В. Маслихина, Н. Н. Глухова, Р. А. Кудрявцева, С. С. Новикова, Г. Е. Шкалиной. Влиянию историко-географического фактора на генезис марийской культуры посвящены работы В. С. Патрушева, Г. А. Сапеева. Традиционную религию марийцев анализировали А. Г. Иванов, В. М. Васильев. Социально-демографический аспект финно-угорских народов, в том числе марийцев, исследован в трудах А. К. Конюхова, С. Лаллукка. Этнические аспекты традиционной культуры марийцев исследованы Г. Е. Шкалиной. Э. М. Колчева уделила внимание художественной культуре, в первую очередь, изобразительному искусству как этнокультурной рефлексии. Этнографические описания марийцев Пермского края представлены в трудах Г. Н. Чагина, Т. Г. Голевой, А. В. Черных. А. А. Бобрихин уделяет внимание анализу народного костюма уральских марийцев. При этом отсутствуют культурологические разработки, посвященные анализу культурной идентичности и культуры марийцев Урала. Поэтому в нашем исследовании необходимо было

обратиться к работам, освещающим проблемы трансформации этнокультуры марийцев Урала, ее лингвокультурологического аспекта, выявляющего особенности менталитета, его развития в ключе языковой культуры и зависимости от регионального фактора.

Труды Л. Н. Гумилева явились основой в понимании процессов этнического взаимодействия. Проблема трансформации культурной идентичности затронута в трудах российских авторов А. В. Костиной, А. Я. Флиера, Е. А. Гавриловой. В. И. Ионесов обращает внимание на исследование множества типов трансформационных процессов, что важно с точки зрения проблемы сохранения наиболее важных культурных ценностей этноса. В работах Л. Ю. Егле исследуются процессы трансформации культуры в ключе образовательного процесса. В исследованиях Е. В. Бочаровой присутствует анализ специфики трансформации ценностных ориентаций сельских жителей в современном мире.

Р. Холтон, А. Виммер, А. Смитт и др. уделяют внимание анализу проблемы этнического взаимодействия на различных уровнях в современную эпоху. Ю. В. Мухлынкиной рассматривается влияние западных норм и прав человека на сохранение самобытности этнических культур.

Проблема сохранения традиционных ценностных ориентаций и передача их от поколения к поколению разрабатывалась Н. А. Моисеевой, Т. Б. Уваровой. Е. В. Дыминой при сопоставлении традиционных ценностей с ценностным миром современности. Способности этноса сохранить свои ценностные ориентации в современном глобальном мире исследовали В. Е. Буденкова, Т. А. Зайцева, Е. Н. Савельева.

Ментальные характеристики культуры весьма важны в анализе культурной идентичности. Поэтому исследованиям этих характеристик уделялось особое внимание. Проблема ментального своеобразия культуры и причины влияния на нее региональных и социально-культурных ориентиров присутствуют в трудах Ш. Монтескье, Д. Юма, Г. Гегеля, Г. Г. Шпета, Н. Я. Данилевского, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, А. С. Ахиезера, А. Я. Флиера. Современное понимание менталитета и методы его анализа разработаны в трудах как зарубежных, так и российских

авторов: Г. Лебона, У. Раульфа, Г. Телленбаха, Р. Бенедикт, Л. Н. Гумилева, С. А. Артюнова, П. С. Гуревича, В. Е. Кемерова, Ю. В. Бромлея и др. В исследованиях Г. Д. Гачева менталитет анализируется на уровне быта, языка, религии, литературы, искусства.

Объект диссертационного исследования: этнокультура локально проживающих на Урале марийцев.

Предмет исследования: культурная идентичность марийцев Урала.

Цель исследования: проанализировать особенности культурной идентичности марийцев Урала.

Данная цель реализуется в решении следующих **задач**:

1. Охарактеризовать смысложизненные ценности культуры марийцев Урала как сущностную составляющую их этнокультурной идентичности в сравнении с ценностным миром культуры финно-угорских народов Западной Европы.
2. Выявить факторы, влияющие на формирование личностной самоидентификации марийцев Урала в XXI веке.
3. На основе лингвокультурологического подхода проанализировать специфику культурной идентичности марийцев Урала;
4. Проследить трансформацию культурной идентичности марийцев Урала в XX – нач. XXI вв., в связи с трансформациями их личностной самоидентификацией;
5. Осмыслить проблему сохранения культурной идентичности марийцев Урала в контексте глобализационных процессов современности.

Хронологические рамки исследования включают период с конца XVIII до начала XXI вв.

Теоретико-методологической основой исследования явился культурологический подход, в рамках которого имели значение труды Л. А. Шумихиной по методологии исследования менталитета и культурных процессов: форм проявления культуры и ее типологии, проблем генезиса и трансформации русской культуры на протяжении ее истории, аккультурации в процессе диалога культур.

Методологические аспекты исследования региональной культуры представлены в трудах В. С. Цукермана, И. Я. Мурзиной, Г. М. Казаковой.

Обращение к лингвокультурологии и семиотике как методологической базе исследования обусловлено традицией рассмотрения языка как кода культуры в трудах Н. Ф. Алефиренко, С. В. Ивановой, Ю. В. Лотмана, В. А. Маслова, Е. В. Ноженко, З. З. Чанышева и др.

Лингвокультурологическое исследование этнокультур разработано В. Гумбольдтом, К. Леви-Строссом, А. А. Потебней, Б. Л. Уорфом, а также – В. В. Воробьевым, М. А. Евдокимычевой, В. А. Тунниковой, (исследования теоретических и прикладных аспектов лингвокультурологии), Л. А. Шумихиной (отражение ментальности в языковых формах и их взаимовлияние).

Методы аксиологии прослеживаются практически в каждом культурологическом исследовании. Их сущность связана с раскрытием такой категории как «ценность» в качестве «культурного ядра».

Проблема сохранения традиционных ценностных ориентаций как ядра этнокультурной идентичности в качестве предмета научного внимания имеет двухсотлетнюю историю, и в неявном виде разрабатывалась в контексте разнообразных методологических подходов и дисциплин. Ценностные ориентации в этнической культуре освещались в трудах Н. Я. Данилевского и П. С. Гуревича. Изучению аксиологических аспектов культуры уделяли внимание К. Н. Леонтьев и П. А. Флоренский. Среди зарубежных авторов – это В. Гумбольдт, А. Г. Маслоу, Х. Ортега-и-Гассет, А. Тойнби, Й. Хейзинга, О. Шпенглер. Религиозно-мифологический аспект культуры исследовался в трудах Е. В. Ивановой, народная религиозность в работах А. А. Мурзина.

Поскольку в специфике повседневности также проявляется культурная идентичность этноса, особое внимание в нашей работе в этом аспекте уделено исследованиям Ж. Бодриера, Ф. Броделя, Г. Гофмана, Э. Гуссерля, В. Дильтея, Э. Левинаса, Ж.-П. Сартра и др. Отцом современного научного понимания повседневности стал А. Шюц. Его идеи получили развитие в трудах П. Бергера и Т. Лукмана. Проблему культурной идентичности в поле повседневности

анализировали А. В. Бабаева, Г. Д. Гачев, А. Я. Гуревич, А. В. Иванов, М. В. Капкан, А. Н. Леонтьев, А. П. Марков. Ценностно-ориентированное поведение личности, включенное в культурную идентичность, исследование личности – А. Г. Маслоу.

Влияние глобализации и массовой культуры на изменение жизни современного социума и человека, рассматриваемое в трудах З. Баумана, было важным в методологическом отношении в решении проблемы современной трансформации этноса уральских марийцев.

Таким образом, в рамках культурологического подхода теоретико-методологическую основу данной работы составили работы по лингвокультурологии, аксиологии, истории и этнографии Урала.

Методология и методы диссертационного исследования. В исследовании применены:

- метод системного анализа, на основе которого рассматривается проблема генезиса культуры марийцев Урала и процессы ее трансформации;
- метод сравнительного анализа, позволяющий проследить трансформацию культуры Уральских марийцев в сравнении с культурой финно-угорских народов Западной Европы;
- в аспекте культурологической методологии осмысливается языковая культура, как представляющая важную составляющую этнокультурной идентичности;
- культурантропологическая методология была задействована при интерпретации ценностного мира культуры Уральских марийцев как личностной самоидентификации;
- использование междисциплинарных методов помогло интерпретировать обряды, повседневный этикет, обычаи, традиции, знаково-символические формы и трактовать алгоритмы поведения чрез выделение аксиологических составляющих;
- типологический подход был использован для обоснования культуры марийцев Урала как регионально-этнического типа культуры. Методологическую помощь оказали работы исследователей Л. А. Закса, И. Я. Мурзиной, Е. Г. Трубиной, Н. В. Розенберга.

– для сбора эмпирического материала были проведены полевые работы, в которых применялись методы социологического исследования: опрос, анкетирование, наблюдение. Результаты полевых исследований анализируются во всех главах диссертации.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

– Культурная идентичность марийцев Урала рассматривается в рамках комплексного подхода при анализе ее структурных компонентов: регионального, аксиологического, языкового, ментального, включающего народную религиозность, а также особенностей повседневной культуры.

– В результате анализа культурной идентичности марийцев Урала делается вывод о принадлежности их этнокультуры к регионально-этническому типу. Основанием для вывода послужили доказательства в нашем исследовании следующего положения: к регионально-этническому типу культуры относятся те культуры, на формирование которых влияют не только фундаментальные основания культуры этноса (религия, мифология, сформированные при этногенезе ценностные доминанты), а также история региона, природные особенности местности, заселяемой представителями этой этнокультуры, особенности культурного взаимодействия с ранее сформированными в этом регионе этнокультурами, что во всех отношениях соответствует генезису культуры марийцев Урала.

– Через исследование включенности марийцев Урала в современную хозяйственную и коммуникативную деятельность, представлен анализ трансформационных процессов их культурной идентичности, включая языковой компонент и повседневность.

– Показано своеобразие культурной идентичности марийцев Урала, проявляющееся в повседневной культуре, художественной культуре, народной религиозности, уникальности ценностных ориентиров, марийском фольклоре.

– Проанализированы особенности культурной идентичности марийцев Урала посредством анализа ментальных характеристик и ценностных ориентиров их

культуры. Выявлена фаза надлома этнокультурных ценностей, объясняемая отсутствием социальных условий для их сохранения.

– При исследовании личностной самоидентификации марийцев Урала выявлена характерная особенность: большая значимость для марийцев такой традиционной смысложизненной ценности как сохранение большой семьи, что актуально не только для современной российской культуры, но и для культур европейских народов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На формирование культурной идентичности марийцев Урала оказали воздействие как сохраняемые ими этнические ценности, так и региональный фактор: особенности природной среды Урала, а также особенности экономического, социокультурного и политического взаимодействия с соседствующими этносами. Процессы трансформации как процессы культурной адаптации марийцев к новым условиям сформировали на Урале новый, по сравнению с «материнской» культурой регионально-этнический тип культуры марийцев Урала.
2. Региональные особенности культуры марийцев Урала формировались не только через традиционные способы сохранения культуры, но и при постоянном обновлении способов их межпоколенной трансляции. С начала XX века ими стали выставочная деятельность, издательское дело, а на современном этапе – использование возможностей Интернета, туристической и фестивальной деятельности.
3. С конца XX – начала XXI веков появляется тенденция забвения марийцами Урала родного языка, причиной чего является отсутствие условий для изучения марийского языка и получения образования в национальных школах.
4. Этническая картина мира марийцев Урала не является неизменной, она трансформируется под воздействием внешнего мира, зависит как от социально-культурного окружения, так и от места географической локализации. При этом важно не столько сохранение этнической картины мира в ее первоизданном виде,

сколько ценностных ориентаций этноса, являющихся основой его культурной идентичности.

5. Сохранение в культуре марийцев Урала такой традиционной смысловой ценности как большая многопоколенная семья и многодетность содействует переходу от фазы надлома этнокультурных ценностей к дальнейшему поступательному развитию последних.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации предложено осмысление культурной идентичности марийцев Урала на основании исследования, в котором марийская культура Урала характеризуется автором как регионально-этнический тип. В работе анализируются межкультурные коммуникации марийцев Урала с жителями близлежащих от мест их проживания башкирских, татарских и русских поселений. В аспекте лингвокультурологической методологии и методов социологического исследования выявлены языковые регионально-этнические особенности марийцев Урала в отличие от луговых марийцев, марийцев Мари-Эл и др., а также уникальность религиозных верований, своеобразие повседневной культуры.

Практическая значимость исследования. Материалы данного исследования могут быть использованы как теоретико-методологическая программа для ведения дальнейшей исследовательской деятельности по этнокультурной проблематике и представлять практический интерес при разработке этнокультурных образовательных, воспитательных программ, а также в социальной и политической, художественной деятельности местных этнокультурных сообществ.

Данные исследования могут быть использованы в учебном процессе: на семинарах как дополнение к лекционному материалу по истории культуры, социальной и культурной антропологии, теории культуры.

Эмпирическая база исследования обеспечивалась сбором фактологического материала (наблюдение, опрос), знакомство с образом жизни марийцев Урала в 12 населенных пунктах сельской местности Артинского, Красноуфимского и Ачитского городских округов Свердловской области и

Суксунского района Пермского края (с. Курки, с. Афонасково, д. Нижний Бардым, с. Малая Тавра, с. Сарсы, с. Юва, с. Бугалыш, д. Мари Карши, д. Васькино, д. Тебеняки, д. Сызганка, д. Красный Луг. Общее количество опрошенных 405 человек).

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается достаточной теоретической базой исследования, представляющей собой совокупность проанализированной культурологической литературы, проведенными социологическими исследованиями и их научной интерпретацией, корректным использованием культурологического категориального аппарата;

Апробация результатов исследования. Основные положения и идеи диссертационного исследования

- а) представлялись для обсуждения на кафедре культурологии и социально-культурной деятельности департамента искусствоведения, культурологии и дизайна ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
- б) апробировались участием в международных и региональных конференциях и семинарах: «Взаимодействие Министерства национальной политики Удмуртской республики с удмуртской диаспорой» (г. Ижевск, 2012); VI – Всемирном конгрессе финно-угорских народов (Венгрия, г. Шиофок, 2012); международных конференциях «Цивилизационные перемены в России» Уральского государственного лесотехнического университета (2016, 2018, 2019, 2020); во всероссийской с международным участием научной конференции «Лики культуры в эпоху социальных перемен» ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, 2018); международной конференции Поволжского государственного технологического университета (г. Йошкар-Ола, 2019 г.); международной научной конференции «Человек в мире культуры: проблемы науки и образования» ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, 2019 г.); международной научной конференции «Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации» ФГАОУ ВО «Уральский

федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, 2020 г.).

в) апробировались в практической деятельности диссертанта при организации этнокультурных дней марийцев в УГЛТУ (2012), этнокультурной встречи швейцарской делегации в УГЛТУ (2012), при разработке программы этнокультурного марийского лагеря на территории УГЛТУ для детей и подростков в 2012 – 2013 г., при участии в приеме венгерской делегации на фестивале «В единстве с природой»), и на «Международных днях УГЛТУ».

г) нашли свое выражение в чтении лекций об особенностях марийской культуры на Урале (на английском языке) для магистрантов и студентов Северо-Западного университета Венгрии (сентябрь 2014).

д) отражены в разработке проекта по сохранению этнических культур на основе гармоничного взаимодействия с природной средой (проект «Сабарский увал») на территории Артинского городского округа Свердловской области). За время работы над данным проектом издано более 20 печатных работ (тезисы, статьи, доклады), организованы презентации на 4 региональных выставках (2012 – 2016 гг.), разработана программа функционирования летней этнокультурной школы для детей и подростков (2017 г.), разработаны экскурсионные маршруты (2012 – 2014 гг.). В январе 2019 г. при поддержке французской организация съемочных конференций «Connaissance du monde» выполнены работы по презентации марийской культуры на Северо-Западе Франции (2019 г.).

е) По теме диссертационного исследования с 2015 по 2020 гг. опубликовано 20 работ, из них 8 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 1 статья в издании, проиндексированном в БД Web of Science.

Структура и объем работы подчинены логике исследования, его цели и задачам. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, библиографического списка, содержащего 436 наименований (из них на иностранном языке 20), приложения. Общий объем работы 201 стр.

Глава 1. КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1. Понятие «культурная идентичность»: варианты интерпретации в культурологическом знании

Проблематика этнокультурной идентичности оформилась ко второй половине XX века. Этому послужило ускорение глобализационных процессов и изменения в стереотипах международных отношений. Тем не менее, небывалая активизация и развитие коммуникаций, с одной стороны, и неодинаковость, различность реакций в разных этнокультурах на всё происходящее, с другой, заставили специалистов обратиться к трудам прошлых лет по типологии культур. Предполагалось, что такой анализ позволит выделить общее и особенное в культуре этносов, выявить уже существовавшие подходы к исследованию этнокультурной идентичности, так как, судя по всему, последняя вырисовывалась в качестве критерия типологизации культур, хотя до этого самостоятельно не анализировалась. Таким образом, обращение к проблеме культурных типов и в нашем исследовании позволит выявить варианты интерпретации культурной идентичности более раннего периода, там, где напрямую этот вопрос не затрагивался, но, тем не менее, присутствовал.

Например, О. Шпенглер не употребляет в своих работах понятия «этнокультурная идентичность», он пишет, что историю человека сложно оторвать от истории ландшафта, так как они прочно соединены множеством крепко связанных нитей, и уяснить без изучения географических особенностей образ мыслей, жизнь, душу народа не представляется возможным⁴. Таким образом, обращаясь к образу мыслей, к душе народа, с которыми себя этот народ связывает, можно предположить, употребляя современную терминологию, О. Шпенглер говорит об культурной идентичности.

⁴Там же. – С. 41.

Опираясь на труды М. Вебера, можно заключить, что в анализе культурной идентичности особое место занимает религия⁵. Как представляется нам, религия, как содержащая ценности этноса, является одним из важных элементов и в этнокультурной идентичности.

Также, не обращая напрямую к проблеме культурной идентичности, Д. К. Фейблман говорит об изменении культур в результате каких-либо катаклизмов, когда ее члены вынуждены принимать другие ценности⁶, что ведет к культурной трансформации и изменению ценностных оснований.

Кроме того, в американской исторической культурной антропологии можно выделить таких авторов как Ф. Боас, Ф. Л. Уайт, Э. Сепир⁷, которые через типизацию культур обращались к проблеме этнокультурной идентичности. Основные работы Ф. Боаса: «Ум первобытного человека»⁸, «История антропологии»⁹, «Раса, язык и культура»¹⁰. В структуре культуры ведущее место он отводил языку.

Л. Леви-Брюль вводит понятие ментальности как общей духовной настроенности, относительно целостной совокупности мыслей, верований членов той или иной культуры.

Вне зависимости от того, что у вышеназванных авторов типология культур сводится к анализу культурной идентичности и ее характеристике, проблематичным остается выделения того или иного маркера, который в качестве её сущностной характеристики предлагается автором.

Понятие идентичности, применяемое для анализа этнокультурного типа и при изучении вопросов, связанных со становлением последнего, произошло от латинского «identitas» – тождество, конгруэнтность, совмещенность, единство. В культурологическом смысле понятие «идентичность» предполагает

⁵ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 308.

⁶ Фейблман Д. К. // Фонд знаний «Ломоносов» [сайт]. URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131342:article> (Дата доступа 13.04.2017).

⁷ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 656 с.

⁸ URL: <https://www.sites.google.com/site/teonomika/teoria-sobstvennosti/ekonomika-dara/boas-f-um-pervobytnogo-celoveka> (дата обращения: 26.04.2018).

⁹ URL: https://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2002/no6/Boas_2002_6.pdf

¹⁰ URL: https://monoskop.org/images/8/8f/Boas_Franz_Race_Language_and_Culture_1940.pdf

конгруэнтность как согласованность и гармонию с самим собой и внешней средой и соразмерность образцам и нормам, обусловленных культурным развитием этноса.

Со второй половины XX века в мире наиболее четко стали обнаруживаться явления, оказывающие воздействие на дальнейшее развитие и становление как этнокультур, так и мирового порядка в целом. В первую очередь, транснациональные компании, повсеместно экспортируя свое производство, инициировали распространение культурных шаблонов трудового поведения, унифицировалась одежда, стиль работы, язык, но при этом за порогом «современной жизни» оказывались те, кто по каким-либо причинам не был вписан в этот производственный цикл, не успевал, не мог или не хотел включиться в данный, но в любом случае чуждый для аборигенной культуры процесс. Ими, как правило, оказались жители «периферии»: от населения стран «третьего мира» до представителей небольших городов и сельской местности¹¹.

Кроме того, внедрение новейших информационных технологий, а с ними и рост скорости обмена информацией позволили распространять информационную культуру, соответствующую интересам тех, кто мог содержать и обеспечивать развитие этих информационных технологий. Остальным оставалось на выбор – принимать или не принимать эту информацию. Данная ситуация провоцировала чувство изолированности, отчужденности и приводила к ещё большей коммуникативной замкнутости.

Распространение в мировых масштабах рекламы, фильмов, музыки, художественной культуры как особых атрибутов статуса также соответствовало идеологии транснациональных компаний и создаваемому таким образом обществу потребления со свойственной ему потребительской психологией и личностным кризисом.

Перспектива всеобщей мировой культурной гомогенизации привела к опасной ситуации потери выработанных тысячелетиями таких этнокультурных ценностей, которые составляют кладезь мирового достояния человечества и могут

¹¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004. – С. 44 – 56.

быть им востребованы в критические моменты его существования в будущем. Сложившаяся ситуация вновь актуализировала проблему этнокультурной идентичности. Хотя изучение данного вопроса началось намного раньше.

На Западе исследование идентичности начинается с работ З. Фрейда. В работе «Психология масс и анализ человеческого "я"» (в некоторых переводах как «Групповая психология и анализ "Эго"»¹²) вводимые понятия идентификации и идентичности рассматриваются в психологическом аспекте.

Но наиболее яркие работы, где уже напрямую говорится о культурной идентичности, принадлежат Э. Г. Эриксону. Э. Г. Эриксон, довольно полно разбирая проблемы идентификации индейцев Южной Дакоты, отмечает присущую каждой культуре свою собственную, сохраняющую в этой культуре согласованность, логику поведения, которая не может быть понята извне: «Историко-географические перспективы и экономические цели, и средства содержат в себе все то, что группа усвоила из своей истории, и поэтому характеризуют концепции действительности»¹³.

Ощущение идентичности, считает Э. Г. Эриксон, предоставляет возможность воспринимать самого себя наделенным «непрерывностью и тождественностью» и, следуя этому, надлежало корректировать свое поведение¹⁴, – пишет он. Одним из своих предшественников по изучению идентичности Э. Эриксон называет Ч. Дарвина, который в своей концепции объединил естественный, физиологический мир человека и его социально-культурные миры. Данная концепция находит свое подтверждение в современных исследованиях, на чем мы остановимся позже.

Этнокультурную идентификацию как процесс становления этнокультурной идентичности обеспечивают значимые как для индивидов, так и для группы в целом ценности, как материальные, так и ментальные, духовные, способы их выражения, передачи следующему поколению и отношение к ним представителей данной культуры, без которых само существование культуры невозможно. Ценности в том случае не прерывают своего существования, сохраняются как само

¹² Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого "я". – М., 2011. – 122 с.

¹³ Эриксон Э. Детство и общество. – СПб., 1996. – С. 74

¹⁴ Там же. С. 74.

собой разумеющиеся, безусловные, не предполагающие альтернатив¹⁵, когда являются присущими как индивиду, так и группе, если они задействованы в повседневной жизни индивида. «Но ценности не могут устоять, если они не работают – экономически, психологически и духовно»¹⁶. «Идентичность и верность <...> должны начинаться с выбора, который включает какие-то окончательные комбинации деятельности и ценностей»¹⁷. Таким образом, по Э. Эриксону: «Идентичность нации производна от тех путей, какими история достигла, так сказать, контрапунктического сочетания определенных противоположных потенциальностей, и от тех способов, какими она возвышает этот контрапункт до уникального типа цивилизации»¹⁸.

Хотя Э. Эриксон почти ставит знак равенства между национальным характером и идентичностью, проблематика культурной идентичности начала конкретизироваться в проблемном поле этнокультурной идентичности.

По мнению Э. Фромма, идентичность, обеспечивая этносу стрессоустойчивость как перед внешними к этносу проблемами, так и внутренними, является всеобщей человеческой потребностью.

Разработку проблемы культурной идентичности в рамках типологии культур продолжили работы С. Хантингтона. История рождения идентичности, по С. Хантингтону, связана с сопротивлением общему врагу. Исследуя американскую «проблему идентичности», он отмечал, что этот вопрос характерен не только для Америки, но и для всех стран мира и решение его необходимо и актуально¹⁹. Таким образом, кризис этнокультурной идентичности носит глобальный характер. По мнению автора, чувство и проявление национальной идентичности имеет вероятность усиливаться или уменьшаться под воздействием опасности извне, но основания идентичности подвластны изменениям в гораздо меньшей степени; они складываются намного медленнее нежели специфичные черты народов формируются из разнообразных, порой сталкивающихся и противоречащих друг

¹⁵ Там же. – С. 201

¹⁶ Там же. – С. 202.

¹⁷ Философские сюжеты Эрика Эриксона. – М., 2017. – С. 211

¹⁸ Эриксон Э. – С. 202

¹⁹ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской идентичности. – М., 2008. – С. 35.

другу социальных, экономических и политических трендов. Современный человек желает, делает вывод С. Хантингтон, быть вместе с тем, с кем совместно разделяет религиозные верования, мифы, традиции, исторический путь развития и антропологические особенности.

Важность национальной идентичности (С. Хантингтон в данных работах не разделяет понятия этнокультурная и национальная идентичность), по С. Хантингтону, неодинаково воспринимается и ощущается в различных культурах мира. У одних народов смысложизненными ценностями является следование религиозным догматам, у других – это преданность государству, у третьих – семье. Хантингтон отмечает, что наличие идентичности столь же необходимо, сколь и неопределенно. Сравнивая идентичность с неотвратимостью человеческой греховности, он подчеркивает ее неизбежность проявления, даже при желании скрыть последнюю²⁰. Он полагает, что идентичность имеет мнимые основания, которые обусловлены представлениями о себе и нашими стремлениями. Еще ранее, определяя идентичность как «самосознание индивида или группы», Хантингтон показывает, что внешнее восприятие другими оказывает влияние на становление идентичности. Идентичность, по Хантингтону, представляет собой продукт понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них. При этом, групповая идентичность, менее податлива изменениям, так как базируется на давно заданных нормах. Таким образом, С. Хантингтон, сведя понимание идентичности к ментальным и социальным характеристикам, отходит от понимания идентичности Э. Эриксоном как единства биологического, социального и ментального в человеке.

В нашем исследовании концепция культурной идентичности С. Хантингтона значима в методологическом отношении тем, что при анализе её оснований он выделяет культурные и территориальные (географические) источники. К культурным источникам ученый относит источники, базирующиеся на семейственности, зависящие от совместного проживания, от общих лингвистических и религиозных характеристик, цивилизационной

²⁰ Там же. – С. 39.

принадлежности. К географическим (территориальным) – непосредственное окружение, сельскую местность, город, периферию, округ, регион, климатическую зону, континент, полушарие. Британский социолог и культуролог Стюарт Холл подчеркивал, что идентичность «всегда остается незавершенной, постоянно находится в процессе, непрерывно формируется»²¹.

В современной науке к проблеме как этнокультурной идентичности, так и вбирающей ее культурной идентичности, все чаще подходят со стороны влияния на нее глобализационных изменений. Так американский исследователь Трайн Квидал сравнивает глобализацию с культурным империализмом. Подобные оценки глобализации присущи работам С. Холла²²; Р. С. Хегде²³, Р. Ли²⁴. Так Р. Ли пишет, что телевидение особенно оказывает влияние на этнокультуры в межкультурном локальном глобальном контексте, представляя собой трансляцию локальных ценностей в мировом масштабе. Исследуя влияние культуры потребления на идентификацию малочисленных народов, автор рассматривает воздействие рекламных текстов на изменение ценностей.

Американские и канадские исследователи отмечают в своих работах низкий уровень «ясности» этнокультурной идентичности у аборигенных народов Америки, ведущей за собой академическое отставание, низкую самооценку, маргинальность и суицид. Наибольшее количество исследований по теме этнокультурной идентичности принадлежит зарубежным психологам. Но учитывая, что выдвигаемые ими идеи имеют междисциплинарный характер, они могут быть применены и для культурологических исследований. Так, Дафна Ойсерман подчеркивает, что культурная идентичность дает представление о том, как быть человеком в мире, как достичь успешности и что это такое, как взаимодействовать с другими²⁵. Д. М. Тейлор обращает внимание на то, что

²¹ Hall, S. (1996). Introduction: Who needs identity? In S. Hall, & P. DuGay (Eds.), Questions of cultural identity (pp. 1-17). London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications

²² Там же.

²³ Hegde, R. S. (2005). Disciplinary spaces and globalization: A postcolonial unsettling. *Global Media and Communication* 7(1). 59-63.

²⁴ Lie, R. (2003). Spaces of intercultural communication: An interdisciplinary introduction to communication, culture and globalizing/localizing identities. Cresskill, N.J.: Hampton Press

²⁵ Oyserman, D., Coon, H., & Kemmelmeier, M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 128, 3-72.

культурная идентификация чрезвычайно сложна и постоянно приспосабливается к требованиям меняющейся реальности²⁶. Но тем не менее, именно этнокультурная идентичность обеспечивает представителей того или иного этноса общей историей, общими целями, отбором усваиваемой информации, и, как следствие, стереотипами поведения.

Если И. М. Анклиф Таккер, считая сохранение этнокультурной идентичности важным делом воспитания и передачи ее потомкам, и рассматривает её формирование через семейные истории, мифы, сказки, говоря, что именно так происходит первоначальное знакомство и усвоение этнокультурных ценностей и их принятие, то Селим Абу ратует за повсеместную аккультурацию и провозглашает существование только общечеловеческих ценностей и общечеловеческой идентичности²⁷. Он пишет, что только гомогенизация может привести к мирному сосуществованию человечества.

В России культурная идентичность стала предметом обсуждения уже в XIX в., хотя терминология использовалась другая, но вопрос, так или иначе, ставился в связи с типологией культур и места в ней культуры России.

Одним из первых обратился к этой проблеме П. Я. Чаадаев, сформулировав ведущие вопросы о культурной идентичности России, о ее типе культуры, о ее месте в историческом развитии²⁸. В первую очередь, он обращает внимание на географический фактор, влияющий на историческое движение народа, на характер этого движения, на политическое и экономическое взаимодействие.

Далее эта проблематика находит свое продолжение у славянофилов и западников как дискурс о месте российской культуры, ее исторического пути в мировой цивилизации. Как отмечает А. Ф. Поломошнов, разногласие славянофилов и западников было в выборе соотношения национального и

²⁶ Taylor Donald M. The Quest for Collective Identity: The Plight of Disadvantaged Ethnic Minorities // Canadian Psychology. - Vol. 38, No. 3. August 1997. Available at: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-391712671/the-quest-for-collective-identity-the-plight-of-disadvantaged> (accessed 23.07.2018).

²⁷ Abou, S. (1997). The Metamorphoses of Cultural Identity. Diogenes, 45 (177), 3-15. <https://doi.org/10.1177/039219219704517702>

²⁸ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. – М., 1987. – С. 139.

общечеловеческого, уподобляемого западной культуре ²⁹, а решаемая ими проблематика дала почву для развития концепций Н. Я. Данилевского.

Н. Я. Данилевский, рассматривая этнические типы культуры, особо выделяет психологию народа, его религиозную систему, историю и язык. На наш взгляд, можно считать, что наиболее важным он считает осознание своей этнической идентичности, хотя и не было еще такого понятия. Он пишет, что народы и народности должны осуществлять свое право на самостоятельный выбор исторического пути, исходя из собственного понимания этого исторического пути и сил к его осуществлению³⁰. По Н. Я. Данилевскому, в основе развития каждой культуры лежат определенные цели культурного созидания.

Здесь мы приходим к проблеме этнокультурной идентичности, осознанию роли своего этноса в ходе исторического развития. Этнокультурная идентичность так или иначе коррелируется с экономической, политической и природно-географической позициями этого этноса и важностью того фактора, с какими другими этнокультурами данный этнос находился в коммуникативных связях. Отсюда вырабатываются традиции, нормы и образ жизни народа. Вырабатывается духовность народа, со всеми ее отличительными и только ему присущими чертами. Л. А. Шумихина отмечает, что основы духовности народа проявляются в следовании традициям, общепринятым нормам поведения и образу жизни, национальном языке, музыкальной культуре, религиозных верованиях, которые вырабатывались в ходе истории народа, его практического взаимодействия с окружающей его действительностью³¹.

В российских исследованиях XX века чаще всего при анализе этнокультурной идентичности использовали понятие «этнического самосознания». Среди авторов, обращавшихся к этой тематике – психологи, социологи, историки. Разрабатывались программы по изучению этнического самосознания в Институте этнологии и антропологии Российской академии наук, Институте социологии

²⁹ Поломошнов А. Ф. Культурная идентичность России: Н. Данилевский против В. Соловьева. – Ростов-на-Дону. 2007. – С. 79

³⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М., 2008. – С. 36

³¹ Шумихина Л. А. Генезис русской духовности. – Екатеринбург., 1998. – С.25

Российской академии. В связи с темой нашего исследования интересны работы Ю. В. Бромлея, В. А. Тишкова, В. В. Степанова, А. А. Сириной. С расширением в XXI веке культурологических исследований понятие этнокультурной идентичности входит и в научный оборот культурологии. В методологическом отношении интересным является определение идентичности, предложенное В. А. Ачкасовым как «символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других»³². Он подчеркивает, что идентичности не возникает там, где нет сопоставления себя с другими. Кроме того, идентичность, как и идентификация, не представляются возможными при отсутствии коммуникации, поскольку лишь в ходе контакта с другими осознаются проявленные особые отличия. Именно поэтому немаловажное значение имеет вопрос о критериях, на основании которых возможно произвести анализ этнокультурной идентичности, а, следовательно, и типа этнокультуры.

Мы же склоняемся к мнению А. М. Монакова, который считает, что «идентификация – это эмоционально оформленный процесс самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей. <...> В самом общем понимании оно означает осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего»³³.

Этнокультурная идентичность, в первую очередь, как результат идентификации, как маркер определенного этнокультурного типа не только характеризует, как говорит М. М. Мchedлова, культурную самобытность цивилизации, но и отражает собой опыт взаимоотношений человека и окружающей его среды, опыт приспособления к этой среде и коммуникации с ней³⁴.

³² Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 2. С. 48 – 58.

³³ Монаков А.М. Этнос и этническая идентичность // Вестник Московского университета. Сер. 12. Философия. М., 2008. № 1. С. 85.

³⁴ Мchedлова М. М. Цивилизационная парадигма в изучении политики // Современная политическая наука: Методология: Научное издание. – М., 2019. – С. 12-37.

К. Э. Разлогов, анализируя подход к изучению идентичности, оспаривает взгляд на возможность свободного выбора идентичности, так как идентичность задается множеством факторов и, также, как и Стюарт Холл отмечает, что она никогда не бывает до конца завершённой³⁵. Тем не менее, он не оспаривает влияния массмедиа, Интернета на формирование культурной идентичности. Более того, автор подчеркивает, что в современном мире идентичность не теряется, а «размножается» в силу того, что представители различных этнокультур имеют доступ к коммуникативным возможностям Интернета и, следовательно, – к расширению своей аудитории. К. Э. Разлогов отмечает, что административное деление часто не совпадает с ареалом границ той или иной культуры. Язык, являясь кодом культуры, также не всегда может использоваться представителями только одной культуры. Поэтому для анализа какой-либо этнокультуры и ее полного понимания следует рассматривать все те аспекты, при помощи и через которые этнокультурная идентичность реализуется. Соглашаясь с К. Э. Разловым, необходимо кратко остановиться на понятии «этнос».

Хотя данное понятие разрабатывалось и дискутировалось многочисленными научными школами и направлениями в общественных науках, своего окончательного определения оно до сих пор не получило.

Традиционно в российской науке придерживаются определения этноса, опубликованного в Новейшем философском словаре: «Этнос (греч. *ethnos* - группа, племя, народ) – межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием»³⁶. Сложность обращения к этому определению выражается в том, что оно лишено конкретики и приводит к рассмотрению того, что допустимо именовать «культурой», «длительным совместным проживанием», «культурной идентичностью», «самосознанием».

Ю. В. Бромлей особо подчеркивал, что «этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от

³⁵ Разлогов К. Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 38.

³⁶ Новейший философский словарь. Этнос. URL:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1431/%D0%AD%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%A1

других аналогичных общностей»³⁷. А. М. Монаков, разбирая понятия «этнос» и «этническая идентичность», обращаясь к определениям этноса Ю. В. Бромлея, С. М. Широкогорова пишет: «Этнос представляет собой культурную целостность. Ни один из элементов культуры, с точки зрения исследователя, не может в отдельности считаться этнодифференцирующим. В различных ситуациях определяющую роль может играть тот или иной элемент. Все зависит от того, какие элементы культуры (понимаемой в широком смысле) являются решающими для возникновения противопоставления типа «мы» – «они»³⁸.

С. В. Чешко, характеризуя понятие этничности, отмечает, что этничность – это принятие идеи о передаваемой по наследству солидарности людей, базирующееся на представлении о едином происхождении, культуре, интересах и исторической судьбе³⁹. Ю. И. Семенов определяет понятие этнос как общность людей, базирующуюся на общности культуры и этнического самосознания⁴⁰.

Мы придерживаемся определения этноса как основного логотипа культуры в совокупности его языковых, историко-культурных, традиционных и повседневно-практических особенностей.

В современном мире, с его требованиями унификации и стандартизации, с распространением массовой культуры, возникли новые исследовательские теории и подходы к изучению культуры этносов, собран обширный антропологический материал в различных концах света. Интерпретируя его, исследователи используют не только разнородный категориальный аппарат, но и дают противоположные сценарии будущего развития этнокультур. Это детерминировано тем, что «культуру» как одну из важнейших универсалий и рабочего понятия для проведения исследовательской работы в социальных и антропологических науках определяют неодинаково, исходя не только из различной предметной интенциональности, но и из выбора различных критериев для анализа, являющихся рабочими для того или иного подхода. В данном диссертационном исследовании

³⁷ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия [Электронный ресурс] // СЭ. 1969. №6; Очерки теории этноса. С. 200 – 211

³⁸ Монаков А. М. Этнос и этническая идентичность. – С. 78

³⁹ Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 40

⁴⁰ Семенов Ю. И. Философия истории. – М., 2003. – 775 с.

исходным стало определение К. Гирца⁴¹. К. Гирц допускает, что особенности культуры проявляются в решающих, определяющих дальнейшую судьбу этноса или человека, исторических событиях. Именно эти проявления дают характеристики фундаментального уровня культуры. Дополняя данное понимание культурных проявлений, выработаем свое рабочее определение культуры для понимания и отличия «живой», ныне действующей культуры, от «археологической». Под культурой мы понимаем систему таких исторически, социально, географически сложившихся способов взаимодействия с окружающим миром, которые обеспечивают адаптацию определенной человеческой общности и передаются следующему поколению. Особенности культуры не только проявляются в решающих, определяющих дальнейшую судьбу этноса или человека, исторических событиях, но и трансформируются, отрабатываются. Таким образом проявляются характеристики фундаментального уровня культуры. Это, в первую очередь, взаимосвязи элементов данной системы, составляющие мировоззренческую основу и определяемые смысложизненными ценностями и ценностными ориентирами. В повседневной жизни они отражены в символах и знаках, реализующихся как в практической деятельности, так и в материальном мире вещей. При этом, только практическая деятельность самих поколений на протяжении веков определяет значимость сохранения этих смысложизненных ценностей и трансляции ценностных ориентиров, и, таким образом и их устойчивость. А отталкиваясь от идей А. Маслоу, подчеркнем, что на гребне филогенетического подъёма, потеряв постепенно все животные инстинкты, человек приобретает культуру в качестве орудия адаптации⁴². Далее А. Маслоу продолжает свою мысль, характеризуя культуру как систему конструирования таких условий, при которых культура становится, в определенном смысле, методом создания способов самосохранения и выживания общностей.

⁴¹ Гирц К. Г. Интерпретация культур. – М., 2004. – 560 с.

⁴² Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб., 1999. – С. 62; Maslow Abraham H. Religions, Values, and Peak Experiences, Columbus, Ohio: Ohio State University Press, 1964. P. 28. – Available at: http://www.bahaistudies.net/asma/peak_experiences.pdf (accessed 08.11.2018).

Таким образом, этническая культура — это совокупность социальных, духовных и материальных проявлений и приспособлений к внешней среде, обеспечивающая принятый данным народом способ жизни. Этническая культура наиболее ярко заявляет о себе в таких областях, как народная религиозность, язык, а также в установленном укладе быта, будничных действиях, обычаях, традициях, типичных психологических и этнических чертах ее носителей. Ее атрибутами становятся свойственные ей типы этнической одежды, пищи, убранства жилища, музыкального и танцевального творчества. Атрибутика призвана сохранять этнические корни и стержневые ценности и передавать их в символическом образе (желательно в неизменном виде) следующему поколению. Поэтому этническая культура несет в себе достаточную долю архаики. Об этом говорит и тот факт, что даже мигрирующим этническим группам присуще сохранение и сбережение их этнокультурных особенностей.

Культура этносов формируется в определенных условиях на территориях, где веками усваиваются и отрабатываются духовные и материальные ценности этого этноса, его традиции и религия. Формируемые в ходе этногенеза идеи и образы, представляющие в совокупности этническую картину мира, свидетельствуют о прежнем и насущном общественно-историческом социокультурном опыте. Народная религиозность, официально принятые религиозные положения, сказки и сказания, отражающие социокультурные ценности, являют о культурной и народной самобытности.

Но, так или иначе, этническое сообщество базируется на осознанном или неосознанном притяжении людей друг к другу, лежащим на основе общего для всех восприятия действительности, оценивания жизненных ситуаций, постоянно сделанного выбора в повседневной жизни, то есть на основе этнокультурной идентичности.

Итак, подведем нашим рассуждениям итог. Идентичность — это вычленение себя как принадлежавшего определенной общности людей от других общностей и составляющих их людей согласно культурным признакам.

В современной научной литературе мы не нашли четкого разграничения понятий культурной и этнокультурной идентичности. Но тем не менее, анализируя представленные выше работы, можно сделать вывод, что культурная идентичность – понятие более широкое, вбирающее в себя национальную культуру, вне зависимости от географического фактора. Культурная идентичность проявляется через представления об общем историческом опыте, смысложизненных ценностях своего этноса, морально-нравственных представлений, через свободное владение языком как кодом культуры, представления о месте своего этноса среди других народов и его роли в мировой истории культуры. Этническая же идентичность является частью культурной идентичности. Таким образом, этнокультурная идентичность – это уже выделение себя как принадлежавшего к определенной этнической общности еще и по географическому признаку. Этнокультурная идентичность как понятие включает следующие составляющие: совокупность эмоций, ощущений, душевного состояния сопричастности с определенным этносом, принадлежности ему. В свете сказанного можно сделать вывод, что этнокультурная идентичность в методологическом отношении востребована при исследовании многих параметров культуры этноса: от ментальных характеристик до специфики разных сфер жизнедеятельности и является общепризнанным критерием, позволяющим относить этнокультуру к определенному типу.

1.2. Структура культурной идентичности как отражение сущностных качеств этнокультуры

Для понимания степени глубины проблематики этнокультурной идентичности чаще всего использовались описательные характеристики этнокультурного взаимодействия, но не анализировалась глубинная причинно-следственная связь происходящего. В. Е. Буденкова, Т. А. Зайцева, Е. Н. Савельева в статье «Коммуникативный потенциал региональных культур: опыт анализа и

развития»⁴³ выделяют «коммуникативный потенциал культуры» – способность культуры к социально-культурному взаимодействию без утраты маркирующих ее ценностных доминант. Авторы отмечают, что коммуникативный потенциал представляет такой механизм социализации представителей той или иной культуры, от устойчивости которого зависит степень развития как межкультурного диалога, так и степень расширения межкультурного пространства и, следовательно, сохранение уникальности ценностных доминант культуры. При слабости коммуникативного потенциала ценностные доминанты могут быть нивелированы и потеряны в общем потоке массовой культуры.

Несмотря на то, что разработанная авторами методология представляет практический интерес, так как позволяет выделить внешние и внутренние факторы и процессы, влияющие на степень устойчивости культуры и сохранения ее внутреннего ценностного ядра, все же является спорной в терминологическом плане. По нашему мнению, вводимый авторами «коммуникативный потенциал культуры» есть не что иное, как степень культурной идентичности. Например, к внутренним факторам коммуникативного потенциала культуры, согласно рассуждениям данных авторов, относятся исторические особенности развития регионально-этнического типа культуры, ее ментальные характеристики, развитие языка, сила традиций, отражающаяся не только в праздничной деятельности, но и в повседневной жизни этноса, демографическая восполняющая культуры как представляющая физическую составляющую этой культуры. Но именно эти составляющие характеризуют устойчивость идентичности того или иного типа культуры и представляют ее структурные элементы, рассмотрение и анализ которых дает возможность проследить их причинно-следственные связи и выделить, в зависимости от существующих социокультурных условий, наиболее значимые для рассматриваемого типа культуры.

⁴³ Буденкова В. Е., Зайцева Т. А., Савельева Е. Н. Коммуникативный потенциал региональных культур: опыт анализа и развития [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 346. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-potentsial-regionalnyh-kultur-opyt-analiza-i-razvitiya> (дата обращения: 21.05.2018).

Но одним из основных элементов, характеризующих этнокультурную идентичность, на наш взгляд, является аксиологическая составляющая. Недаром большинство авторов, исследуя этнокультурную идентичность, останавливаются на данной проблематике. Ценностные ориентации как фиксированные социально-культурные установки при анализе сходства и различия материальной и духовной культуры играют особую роль, показывают сущностные основы выбора направления этнокультурного развития и повседневной деятельности.

Ценности эти непредсказуемо, как считает Е. А. Гаврилова, оказывают влияние на процесс формирования «универсальных ценностных основ»⁴⁴ глобализации. Не оспаривая такого рода влияния, все же следует отметить, что «универсальные ценностные основы», на наш взгляд, не более чем абстракция. Как нет универсальной культуры, так нет, и не может быть универсальных этнокультурных ценностей. И рассматриваться они должны в контексте культурного развития народа. Так основная идея Н. Я. Данилевского заключается в том, что каждый народ (или группа народов) принадлежит к определенному культурно-историческому типу, обладающему только ему присущей системой ценностей⁴⁵. Обращаясь к анализу данной проблемы, П. С. Гуревич называет ценность бытием, вобравшим в себя не только осмысленный, но и чувственный опыт жизни отдельных людей, составляющих определенную этническую общность⁴⁶.

В свете сказанного И. Я. Данилевским и П. С. Гуревичем можно сделать вывод, что каждый народ имеет свое, ему присущее ценностное видение мира. Ценности, из глубин индивидуальной социальной жизни определяют то, что мы называем культурой народа и общества. Именно ценности - ядро культуры⁴⁷. В. В. Розанов отмечал, что различные народы, несмотря на одинаковость своих внешних действий, характеризующую их взаимоотношения (торговля, войны, путешествия),

⁴⁴ Гаврилова Е. А. Трансформация системы традиционных ценностей семейских Забайкальского края в условиях современности. – Чита., 2010. – 185 с.

⁴⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М., 2008. – 816 с.

⁴⁶ Гуревич П. С. Философия культуры. – М., 2007. – С. 127.

⁴⁷ Иванов В. В. Искусство как средство выражения этнической идентичности: дисс. ... канд. филос. наук: Ставрополь, 2006. – 170 с.

не только имеют «несходное» переживание этих внешних событий, но и оказываются неспособными усваивать чужие традиции в «интимном содержании души своей»⁴⁸.

О. А. Шоманбаева, исходя из концепции Д. А. Леонтьева, дает определение ценности как мотива, в основе которого лежат потребности. Однако, О. А. Шоманбаева, определяя этнокультурные ценности как «совокупность культурных традиций этноса», сложившихся в ходе «исторического социального опыта коллективной жизнедеятельности членов этноса»⁴⁹, к сожалению, не раскрывает содержание этого «культурного и исторического опыта», тем самым лишает свою интерпретацию ясности.

В. А. Ядов⁵⁰ и Ю. П. Платонов⁵¹ отмечают, что для развития этнокультуры очень важно сохранить ценностную шкалу. Так, исходя из их концепции, сочетание духовных потребностей, условий среды и деятельности актуализирует установку на создание социума и приводит этническую общность к иному качественному состоянию. По нашему мнению, потеря шкалы ценностей ведет к деградации нации, этноса, его неустойчивости и, следовательно, к деградации индивидов и неустойчивости их социально-культурных качеств, что и произошло с российским суперэтносом в конце XX – начале XXI вв.

Вопрос об этнокультурных ценностях является не только центральным в понимании этнокультур, но и необходимым в сохранении семьи. «В постсоветской России, отмечают Н. А. Моисеева и Т. Б. Уварова, как и в других странах, переживающих эпоху радикальных социальных преобразований, группами, способными выполнять столь необходимые для человека ценностно-ориентационную и защитную функции, оказались межпоколенные общности – семья и этнос»⁵².

⁴⁸ Розанов В. В. Поздние фазы славянофильства. – М., 1996. – С. 252.

⁴⁹ Шоманбаева А. О. Взаимосвязь ценностных ориентаций и этнических предубеждений личности в условиях полиэтнического окружения. – Ярославль, 2008. – С. 29.

⁵⁰ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М., 2007. – 567 с.

⁵¹ Платонов Ю. П. Этнический фактор. Геополитика и психология. – СПб., 2002. – С. 304 – 485.

⁵² Моисеева Н. А., Уварова Т. Б. Этническая идентичность: современные исследования. (реферативный обзор) [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5:

Хотя присутствуют и такие взгляды как, например, в работе Е. В. Дыминой, констатирующей тот факт, что прежние нормы и ценности уже не соответствуют тем реальным отношениям, которые формируются современной ситуацией⁵³. На наш взгляд, здесь следует уточнить, что социальная ситуация, то есть социальная реальность формируется, исходя из существующих норм и ценностей. И если нормы и ценности размываются, то и социальная реальность размывается, не структурируется, индивид оказывается не в состоянии определиться в этом поле деятельности. Проблема стоит не в сохранении прошлых и принятии новых социальных ценностей, а в принятии или отрицании привнесенных извне чуждых ценностей. Этническими маркерами, — отмечается в сборнике «Социальные и культурные дистанции»⁵⁴, — могут становиться ценности, сформировавшиеся как на культурной, так и на биологической, социальной и экономической основе. Например, анализ демографического воспроизводства народа, его экологической безопасности, преодоления социального неравенства, как нам представляется, был необходим для понимания общей специфики развития внутренних культурных интенций жизни этноса.

В выборе ценностной шкалы определенная роль принадлежит религии. Данную точку зрения одними из первых выражали М. Вебер⁵⁵ и Х. Тревор-Роупер⁵⁶. Через религию конструируется особое, духовное восприятие мира, задаются определенные очертания духовного проявления этнокультурной идентичности, выделяются особо значимые для этноса культурные ценности.

Наиболее значимыми из этнокультурных ценностей являются смысложизненные ценности в силу того, что проблема развития, становления и выживания этнокультур связана, на наш взгляд, именно с сохранением

История. Реферативный журнал. 2002. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2002-03-046-051-etnicheskaya-identichnost-sovremennye-issledovaniya-referativnyy-obzor> (дата обращения: 21.05.2018).

⁵³ Дымина Е.В. Мир ценностей и проблема осмысления действительности // Ценности и смыслы. 2009. №2. С. 29.

⁵⁴ Дробижева Л. М. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. — М., 1998. — С. 5.

⁵⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М., 2002. — 352 с.

⁵⁶ Trevor-Roper, H. R. (Hugh Redwald), 1914–The crisis of the seventeenth century / H.R. Trevor-Roper. Originally published: New York: Harper & Row. [электронный ресурс] 1967 Режим доступа: <http://www.ntslibrary.com/PDF%20Books/The%20Crisis%20of%20the%20Seventeenth%20Century%20-%20Religion%20-%20The%20Reformation%20-%20and%20Social%20Change.pdf>

смыслжизненных ценностей, их включенностью в общий процесс современной коммуникации этноса.

В. Е. Гарпушкин, связывая общечеловеческие ценности с девятью важнейшими проблемами человека (сущности человека, истины, смысла жизни, взаимопонимания, свободы, справедливости, идеала, счастья), все-таки признает условность этой связи. Основанием выделения этих проблем у него служит оценка их особой значимости в житейском опыте и гуманистике в силу их особо интегрального характера⁵⁷. Но он не учитывает, что именно житейский опыт ведет к совершенно диаметрально противоположному пониманию таких категорий как свобода, истина, счастье и т.д. Именно отсутствие абсолютной тождественности понимания так называемых «общечеловеческих ценностей» в различных культурах является источником стремлений к межкультурному диалогу, творческому развитию, к развитию совместной деятельности, творению новых и более содержательных социальных форм и т.п.

Любая культура «не только хранит старые ценности, но непрерывно создает новые»⁵⁸. Новые ценности перманентно создаются на основе уже существующих стержневых ценностей и в согласии с ними. Е. А. Гаврилова, исследуя процессы трансформации системы традиционных ценностей пишет, что существующие новые ценности являются «производными ценностями» и имеют значимость лишь как признаки, знаки и символы в силу того, что основой их являются традиционные ценности, которые воспринимаются как смыслжизненные⁵⁹.

В нашем случае смыслжизненные ценности марийцев Урала выражены через традиционные ценности, сформированные в процессе этногенеза, поэтому кратко остановимся на рассмотрении их понимания.

Понимание «традиционных ценностей» имеет расхожее значение не только в различных направлениях гуманитарного знания, но даже в пределах одной науки,

⁵⁷Гарпушкин В. Е. Гуманистический универсализм как парадигма мировоззрения. – Иваново., 2010. – С. 113

⁵⁸Милоков П. Н. Национальный вопрос. – М., 2005. – С. 16.

⁵⁹Гаврилова Е. А. Трансформация системы традиционных ценностей семейских Забайкальского края в условиях современности. – Чита., 2010. – С. 27.

и, более того, при употреблении данного понятия, смысл его зачастую не раскрывается⁶⁰.

Основной и содержательной характеристикой идентичности культуры является представление и принятие представителями этой культуры тех или иных ценностей, которые впоследствии, от поколения к поколению становятся традиционными. В связи с этим М. М. Звягинцева, выступая на Первом культурологическом конгрессе, отметила появление заинтересованности к изучению традиционных культур, к поиску оснований человеческого бытия, к возрождению традиционных культурных констант как следствие создавшихся критических условий истинной реализации культурного бытия человека. При этом она подчеркнула, что осознание, постижение традиционных сюжетов и образов «локального текста поможет выявить исторически обусловленные первоэлементы современной региональной культуры», а это придаст новый импульс поступательному движению российской культуры⁶¹. Таким образом, главной функцией традиционных ценностей является сохранение «уникального своеобразия национальной культуры в ее этнической специфике»⁶², а определяются они потребностями и интересами представителей этой этнокультуры с момента ее существования.

В. Н. Дежнев и О. В. Новикова отмечают, что традиционные ценности детерминировались природно-географической средой, в которой происходило формирование этноса. Кроме того, на формирование традиционных ценностей сказалось своеобразие этнокультурных контактов. В силу своей устойчивости, которая и придает этносу способность, трансформируясь, сохранять свою идентичность, традиционные ценности характеризуются некоторой консервативностью. При этом традиционные ценности связаны как с религиозными, различными духовными ценностями, так и с материальными

⁶⁰ Костина А. В. Традиционная культура: К проблеме определения понятия. [Электронный ресурс] // Культурология. 2009. № 4. / URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/>; Котова С. А. Философский анализ трансформации традиционных ценностей в постиндустриальном обществе. – М., 2014. – 23 с. и др.

⁶¹ Звягинцева М. М. Константы региональной культуры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 2. С. 192-199.

⁶² Гаврилова Е. А. – С. 30.

(бытового и повседневного уровня). Данные ценности выполняют функцию фильтрации от всего ненужного, нецелесообразного для развития этноса, слепого подражания чужому. Поэтому сохранность традиционных ценностей имеет важнейшее значение для исторического развития этноса и формирования его культурной идентичности и самоидентификации представителей этноса. Таким образом, при всей своей консервативности традиционные ценности не только не являются архаичными, но представляют собой постоянно актуализирующийся, прошедший испытания на прочность, уникальный культурный стержень.

Е. В. Дымина, подчеркнув влияние традиционных ценностей на осмысление действительности, на наш взгляд, ошибочно полагает, что прежние нормы и ценности уже не соответствуют тем реальным отношениям, которые формируются современной ситуацией⁶³. Нам представляется, что социокультурная ситуация, то есть социокультурная реальность, формируется, исходя из существующих норм и ценностей. И если нормы и ценности размываются, то и социокультурная реальность размывается, не структурируется, индивид оказывается несостоятельным определить в этом поле деятельности. Вопрос ставится не о сохранении прошлых и выработке новых культурных ценностей, а о ценностях, привнесенных манипуляционными технологиями извне и чуждых данной культуре.

Смыслжизненные ценности транслируются от поколения к поколению посредством языка народа. Именно язык несет в себе культурные коды этноса. Неслучайно многими авторами язык при анализе типологии культур рассматривается как один из основных маркеров этнокультурной идентичности. Культура и язык этой культуры, их взаимосвязь стали предметом обсуждения с эпохи античности. Попытки анализа внутренней языковой формы прослеживаются уже в трудах Платона. В работе В. фон Гумбольдта «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода»⁶⁴ достаточно четко выделяется проблема связи культуры и языка. Он анализирует

⁶³Дымина Е. В. Мир ценностей и проблема осмысления действительности // Ценности и смыслы. 2009. № 2. С. 27-37.

⁶⁴Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. 2000. 400 с.

проблему языкового многообразия, как в языке отражаются и воздействуют на него всевозможные чувства и эмоции. А приведенное положение о том, что для разнообразных мировоззрений свойственна различная специфичность языкового воздействия, обозначило проблематику и дало направленность для изучения следующим поколениям ученых. В. фон Гумбольдт считал, что «тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека»⁶⁵. Так как «язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением»⁶⁶ В. фон Гумбольдт доказывал, что именно язык – «это средостение, в котором, сообщая друг другу свои внешние замыслы и внутренние переживания, сближаются разнообразнейшие индивидуальности, состоит с характером в теснейшем и оживлённейшем взаимодействии»⁶⁷. Он несколько раз подчеркивает, что духовное развитие возможно только благодаря языку. Язык показывает уклад чувственного и интеллектуального восприятия людей, этот уклад формируется эпохами и, доставаясь народу, не может не отразиться на его языке

К проблематике связи национального языка, духовности и человеческой культуры обращались Ф. Ницше, Х. Г. Гадамер, Ф. Ф. Потребня, А. Ф. Лосев. Мартин Хайдеггер отмечал, что язык есть дом бытия, дом духа, способ духовного самовыражения народа. Человеческое бытие, подчеркивал М. Хайдеггер, включено в язык и реализуется при помощи языка⁶⁸.

Язык обнаруживает тот аспект жизни человека, используя и, осваивая который, он в состоянии соответствовать бытию, его требованиям и его изменениям. Через язык отражаются и передаются следующему поколению национальные образы культуры. М. М. Бахтин называл любой язык конкретным

⁶⁵Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. 1985. С. 370, 377.

⁶⁶Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. С. 51.

⁶⁷ Там же. С. 55.

⁶⁸Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие. – М., 1993. – С. 266.

мировоззрением⁶⁹. Через язык и при помощи языка реализуется духовная жизнь этноса, решаются его исторические проблемы, захватывающие как этическую проблематику, так и социально-политическую.

Как заметил К. Леви-Стросс, язык не только важная составляющая часть культуры, созданная в процессе ее развития, но и условие развития самой культуры, один из способов ее существования⁷⁰. Цитируя М. Унамуно: «Язык – это кровь духа», – С. Хантингтон уделяет наибольшее внимание языку как основе общества⁷¹.

Язык воспроизводит мир отношений не только стабильной, систематически повторяющейся жизни той или иной этнокультуры, но и показывает историю заимствований, трансформаций этой культуры и ее ценностного мира как стержневой основы. Каждый язык обладает определенной степенью внутренней независимости и цельности. Мы придерживаемся той позиции, что язык и культура на первоначальном этапе были нераздельны в том смысле, что язык – способ инобытия культуры. Культура отражается в языке, язык посредством языкового взаимодействия, актов коммуникации, становится импульсом для развития культуры, в языке формируются программы и направления культурного развития и его реализации. Язык является основным критерием, на основании которого можно заметить региональные различия между этнографическими поселениями этносов. В языке отражается духовность народа, его менталитет, а менталитет – одна из сущностных характеристик этнокультурной идентичности.

Освоение жизненного пространства народа проходит не только во внешних формах представления о мире, но и в определении своего места в мире. Освоение новой реальности сказывается и на изменениях ментальных характеристик народа. Понятие «менталитет» начинает свою историю от латинского слова *mens (mentis)* – сознание, рассудок, разумение, ум. Но в философской, социально-психологической и культурологической литературе сегодняшнего дня термину «менталитет» придаются различные значения. Отметим лишь наиболее типичные.

⁶⁹Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. 1990. С. 521.

⁷⁰Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. 1985. С. 53 – 63.

⁷¹Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской идентичности. –М., 2008. –С. 249.

В зарубежном научном дискурсе данное понятие обозначает переживания, эмоциональность и проявляющиеся впечатления, представления, которые олицетворяют собой образное отношение человека к миру и его место в этом мире. Менталитет характеризует то, что заложено в подсознании. Он же диктует специфику взаимоотношений с окружающим миром⁷². Целая плеяда зарубежных исследователей: Л. Февр, Ф. Бродель, Жак Ле Гофф, Л. Леви-Брюль, Э. Кассирер, В. Вунд, М. Лацарус, Х. Штейнталь, А. Кардинер, Р. Бенедикт, М. Мид, Р. Липтон и др. – придерживаются взгляда на ментальность, начало которому положил Гюстав Лебон: «Каждый народ, – писал он, – обладает настолько же устойчивым складом ума, насколько прочны его анатомические признаки, откуда и происходят его чувства, мысли, убеждения, верования и искусства <...> жизнь народа, его убеждения, его верования, его искусства являются лишь видимой канвой его невидимой души»⁷³.

Макс Вебер считал, что направляет человека на осуществление социально – экономической деятельности в том или ином направлении именно религия. Ключи судьбы народа - его характер и верования. Основные элементы характера остаются неизменными, а потому история данного народа всегда сохраняет некое его единство. Верования же могут меняться, и вследствие таких изменений, история «заносит в свои летописи множество переворотов»⁷⁴. У. Раульф писал, что это нечто не до конца структурированное, некая предрасположенность, внутренняя готовность человека действовать определенным образом⁷⁵.

Отталкиваясь от способности усваивать определенный образ мысли, немецкий историк Г. Телленбах, трактует менталитет как «всеобщую установку или коллективный образ мысли»⁷⁶. В пределах одного общества менталитет

⁷²Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М., 1904. – С. 5.

⁷³Лебон Г. Психологические законы эволюции народов // Культура в современном мире: опыт и проблемы решения. Вып. 5. М., 2003. С. 44 – 45.

⁷⁴Лебон Г. Психологические законы эволюции народов // Культура в современном мире: опыт и проблемы решения. Вып. 5. М., 2003. – С. 58

⁷⁵История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. С. 38.

⁷⁶Там же. – С. 74.

относительно постоянен, и основывается не на критической рефлексии или спонтанных мыслях, а как нечто, само собой разумеющееся»⁷⁷.

Применяя данную трактовку менталитета к анализу марийской культуры, мы можем видеть, что уральские марийцы, проживающие в сельской местности, и городские марийцы имеют общие установки, трактуют одинаково события внешнего мира, и, следовательно, принимают схожие решения для дальнейшего действия. Относительное постоянство всеобщих установок, существующих в этнокультурах, гарантирует релятивную устойчивость менталитета городских марийцев Урала, которые лишь 30 – 40 лет назад начали массово переселяться в город, и позволяет выделить их в этнокультурную общность.

В российской науке проблема ментальности народов, проживающих на конкретной территории, затрагивалась уже Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского», где он подчеркивал существование «естественных, невольных привычек», которые формирует природная среда. С. М. Соловьев, продолжая мысль Н. М. Карамзина, утверждает, первостепенное значение природы в воспитании характера народа, а значит, и в определении истории его жизни⁷⁸. В. О. Ключевский, а позже И. А. Ильин и Л. Н. Гумилев подтверждали правоту идеи своих предшественников о влиянии природной среды на характер народа и его судьбу.

Сторонники историко-психологического и культурантропологического направления рассматривали менталитет в качестве «психологической оснастки» социума, дающей возможность этому социуму в соответствии со своими представлениями воспринимать и осмысливать мир. Так, Р. Бенедикт подчеркивает изоморфизм культуры и личности, каждое действие в культуре может быть изучено, проанализировано только под углом зрения самой культуры. Таким образом, Р. Бенедикт говорит о связанности всех элементов в этнокультуре,

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Соловьев С. М. История России с Дренейших времен. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/ (дата доступа 15.05.2009)

наличии общего для культуры «стержня»⁷⁹. Б. А. Ахатова продолжает эти мысли об этнической психологии, понимая под «ментальностью» сущностное состояние массового сознания: «ментальность есть внутренняя суть народа, нации. Это состояние духа, опирающееся на традиции»⁸⁰. По словарю А. Я. Гуревича, «менталитет» — это нечто общее, что лежит в основе сознательного и бессознательного, логики и эмоций, некий трудно рефлекслируемый, глубинный источник мышления идеологии и веры, чувств и эмоций»⁸¹. А. Я. Гуревич утверждает, что все, что проявляется в менталитете, людьми не осознается, проявляется представителями этноса помимо их воли, бессознательно, в виде оговорок и ненамеренных действий. Поэтому ментальность, по А. Я. Гуревичу, выражает неличную сторону общественного сознания⁸². А. Я. Гуревич, пишет: «Содержание менталитета, представляет собой некоторый сложившийся образ, внутреннюю картину мира, отражающую культуру общества». Картина мира включает в себя представление о самости человека, об отношении к социуму, к свободе и равенству, к добру и злу, о течении истории, о построении института семьи и брака, прав и трудовых отношений, о хранимых временем ценностях. Эта картина мира наследуется поколениями и лежит в основе поведения людей⁸³.

О. А. Кукоба, продолжая разрабатывать тему менталитета, считает этническую ментальность основой становления культуры любого общества и полагает, что все остальные виды менталитета — лишь модификации этнокультурной ментальности⁸⁴. Соглашаясь с его взглядом на менталитет как на исторически обусловленное, относительно стабильное и неделимое единство социокультурных и психологических качеств и черт⁸⁵, присущих представителям этнокультуры, отметим, что сама этнокультура под воздействием социальных,

⁷⁹ Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США [Электронный ресурс] // Вестник культурологии. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-tipy-v-kulturah-yugo-zapada-ssha> (дата обращения: 09.03.2017).

⁸⁰ Ахатова Б. А. Особенности этнического мировидения через призму языкового сознания // Язык и идентичность: Матер. Междунар. конф. — Алматы. 2006. — С. 23–27.

⁸¹ Гуревич А., Вовель М., Пожанский М. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. — М., 1988. — 459.

⁸² Гуревич А. Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988. № 6. С. 16–25.

⁸³ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993. — С. 45–50.

⁸⁴ Кукоба О. А. Природа и структура этнического менталитета // Философия и общество. 2004. №4. С. 91 – 92.

⁸⁵ Там же, С. 105 – 106.

экономических, геополитических и природных факторов трансформируется, приобретает новые черты и характеристики, а, вместе с ней, трансформируется и менталитет данного этноса. Он проявляется на сознательном и подсознательном (интуитивном) уровнях, что выражается в характерном для этнокультурной общности типе мировоззрения, в принятии ценностных доминант, в поступках и характера их проявления, а также самоидентификации.

Менталитет, формируемый в определенных географических, региональных и исторических условиях, задает при взаимодействии с окружающей средой представителю этноса определенный тип реакций, столь существенный и уже много раз оправдавший себя до него, а поэтому и закрепленный в поведении этих же представителей.

Являясь важнейшим элементом структуры культурной идентичности, менталитет сам сложен и состоит из разных компонентов. В первую очередь, в ментальность включается «духовность». Социально-экономические нововведения приведут «к реальным изменениям и к их закреплению в жизнедеятельности людей лишь при условии соответствия их идейного обоснования, их «духа», позициям, сложившимся у множества людей в интеллектуально-духовных сферах»⁸⁶. Или: «сердцевину народного менталитета образуют культурные прообразы – это «константы национальной духовности», которые выражают и закрепляют фундаментальные особенности этноса как культурной ценности»⁸⁷. И. В. Никитина полностью сводит менталитет к духовному строю, «просвечивающему» «через систему ценностей и лишь отчасти осознаваемому философами, принадлежащими к данной нации и размышляющими над спецификой психического склада и исторического пути народа»⁸⁸. Г. Н. Кулькатова, говоря о том, что функции духовности и ментальности совпадают, считает, что для исследования ментальности лучше всего подходит метод структурно – функционального анализа, который показывает в качестве оценочного эталона качественное

⁸⁶ Минюшев Ф. И. Социология культуры. – М., 2009. – 253 с.

⁸⁷ Кукоба О. А. – С. 98.

⁸⁸ Никитина И. В. Менталитет в цивилизации и культуре Востока и Запада // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2009. №2. С.73.

состояние ментальности: «духовна», «малодуховна», «бездуховна»⁸⁹. На наш же взгляд функции духовности и менталитета не могут совпадать уже по той причине, что духовность является структурным элементом менталитета, занимающим в нем центральное место т.е. его ядром, объединяющим другие присутствующие в менталитете компоненты: нравственный, социальный, психологический, эстетический, политический и т.д.

В данном направлении характеристики менталитета, многие российские авторы также считают, что духовность входит в его структуру. Например, в концепции ментальности, разработанной в трудах Л. А. Шумихиной, обосновывается, что множеством поколений создается атмосфера культуры своего народа, некая «предустановленная гармония». Человек, рожденный в этой атмосфере, перенимает представления о мире, ценности, оценки, социально-психологические установки и идеалы. Автором не случайно выбрано для характеристики ментального качества культуры представление Г. Лейбница о «предустановленной гармонии», так как философ употреблял это понятие как нечто заранее предопределенное. Применительно же к менталитету выражение «preetable» — «предустановленный» означает предопределенность ментальности как гармоничного единства социально-психологических установок, смыслов, оценок, символов⁹⁰. Вероятно, по этой причине и само понятие менталитет имеет и сегодня многозначность, разные толкования и дискурс о ментальности продолжается уже более 100 лет. Как считает И. В. Никитина, окончательной разработки понятие ментальности до сих пор не получило, вероятно потому, что ментальность изменяется под воздействием меняющейся реальности, так как менталитет — это не только психологические (бессознательные) особенности народа, но и духовное своеобразие «исторического пути народа»⁹¹.

⁸⁹Кулькатова Г. Н. Духовность личности как социально-философская проблема [Электронный ресурс] // Вестник РГАЗУ 2013. Ч.3 URL: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155431/kulkatova.pdf (дата доступа 01.02.2018).

⁹⁰ Шумихина Л. А. Генезис русской духовности. – Екатеринбург, 1998. – С. 70 – 71.

⁹¹ Никитина И. В. Менталитет в цивилизации и культуре Востока и Запада // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2009. № 2. С.73.

Обращаясь к предмету нашего исследования, отметим, что менталитет выражает способ реализации культурной самоидентификации представителей этноса, является источником социально-культурного единения, движущей силой, создающей возможность единомыслия и сплоченности на основе культурного наследия людей⁹². Восприятие субъектом себя элементом данной культуры образует чувство социокультурного единения и, как следствие, желание и готовность сохранять внутрикультурные отношения.

Н. И. Ромахи и Т. А. Полякова считают, что характеризовать менталитет только как «глубинный уровень сознания» явно недостаточно⁹³. Они представляют менталитет как исторически сложившуюся устойчивую систему культурных, психологических, умственных установок, при этом данные авторы подчеркивают изменчивость менталитета в разные исторические этапы развития этноса и заявляют, что менталитет – величина переменная. В данной интерпретации, ментальность выступает в качестве внешнего отражения идентичности, с чем согласиться весьма сложно хотя бы по причине несоответствия этих суждений данным последних достижений в психологических и генетических исследованиях. К тому же ментальность этнической группы и способы ее проявления тесным образом связаны с регионом ее проживания. В случае нашего исследования фактор региональности наиболее важен, так как марийцы Урала проживают достаточно далеко (870 – 900 км) от республики Марий – Эл, а это означает, что должны быть различия отражающие особенности регионального проживания, в социально-экономическом и этнокультурном аспектах. Еще О. Шпенглер, отмечал зависимость формирования человека и культуры от восприятия мира, от рода деятельности человека, места его проживания.

В истории развития этнических культур редкий этнос остался неразделенным на мигрирующие группы, которые изменили свой регион проживания, сохранив при этом ценностные основы своей культуры. Мигрирующие группы вынуждены были приспосабливаться к новым природным условиям, осваивать новые виды

⁹² Губанов Н. Н. Менталитет и его функционирование в обществе // Философия и общество. 2006. №4. С. 130.

⁹³ Ромахи Н. И., Полякова Т. А. Феноменология менталитета в культуре // Аналитика культурологии. 2004. №2. С.32.

деятельности, взаимодействовать в другом этнокультурном окружении. Все это неоднозначно сказалось на дальнейшем формировании мигрирующих этнокультур, подчеркнув наименее изменяемое ядро этнокультуры. М. А. Лаппо отмечал, что при исследовании этнокультурной идентичности региональный фактор особо важен, так как он «примыкает» к ней. Территориальная, региональная идентичность, — пишет автор, — «может совпадать либо расходиться» с этнической идентичностью. «Если для человека оказываются важными его «малая родина» и/или постоянное место жительства, он может именовать себя волжанином, сибиряком, уральцем, питерцем, москвичом, новосибирцем, кемеровчанином»⁹⁴. Поэтому выделение влияния географического, точнее, регионального фактора в современной типологии этнических культур представляется нам необходимым для их изучения.

Региональное влияние на особенности формирования этнокультур было отмечено многочисленными исследователями, начиная с эпохи Просвещения. Например, Ш. Монтескье не раз обсуждалась роль географического фактора в этногенезе культур. В XIX веке Н. Я. Данилевский отмечает разделение цивилизаций согласно их географическому положению и выделению Запада и Востока, Европы и Азии. Говоря о формировании культуры народа, еще В. О. Ключевский обращает внимание на специфические географические факторы, которые в их уникальном сочетании порождают для формирующейся культуры благоприятные условия⁹⁵. В. О. Ключевской подчеркивает, что речь идет о формировании бытовых условий, духовных особенностей, которые складываются в народе под явным влиянием природной среды. Народный темперамент образуется с учетом их совокупности. Окружающая среда, по мнению В. О. Ключевского, представляет собой «неоспоримую силу», действующую на духовный склад людей⁹⁶.

⁹⁴ Лаппо М. А. Лексические средства описания идентичности [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sredstva-opisaniya-identichnosti> (дата обращения: 29.10.2018).

⁹⁵ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция четвертая. [электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/4.htm> (дата доступа 14.12.2018).

⁹⁶ Там же.

Л. Н. Гумилев более детально обращается к географическому фактору жизни этноса, подчеркивая отличия формирования этнокультур от особенностей приспособления к ландшафту. Как бы отвечая ему, П. А. Сорокин предостерегает от интерпретации любой социальной системы как игрушки «внешних условий»⁹⁷. Но, тем не менее, говоря о четырех типах взаимодействия культур, уделяет особое внимание этому внешнему фактору. Как видно из вышесказанного, выделение особенностей этнокультурного развития логически приводит к вопросу типизации этнокультур и их взаимодействия.

При явном и усиливающемся влиянии регионального фактора на отделившиеся от основного этнического ядра мигрирующие группы в другие географические районы, вполне правомерно говорить о регионально-этническом типе культуры. Данная характеристика подобного вида этнокультур как регионально-этнического типа дает возможность подчеркнуть их уникальность, важность анализа ценностных доминант этих культур, которые сформированы именно под воздействием регионального фактора исторического пути этноса.

Региональный фактор понимается нами как такая характеристика территории, при которой учитываются не только ее природно-географические особенности, но и ее экономическое, политическое и культурное развитие, а так же особенности взаимодействия с соседствующими территориальными образованиями. Сюда мы включаем общность исторического развития, природные условия, социально-экономические условия жизнедеятельности, и, как следствие, – административное деление. Г. М. Казакова отмечает, что регион – это культурно-цивилизационное, духовно-нравственное пространство», социокультурная единица целого организма России. Регион является значительным системным образованием геокультурного ландшафта и анализируется как одна из допустимых парадигм «развития отдельной территории мирового пространства, ориентированной на сохранение локальной культурной специфики»⁹⁸.

⁹⁷ Сорокин П. А. – С. 54

⁹⁸ Казакова Г. М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала). – М., 2009. – 313 с.

Региональные особенности пронизывают все виды культурной деятельности этноса. Региональность есть внешнее влияние, влияние среды на трансформацию внутренних элементов этнокультуры, не исключающее влияния других культур этого региона. Выделяя компонент региональности как окружающей этнос природной и геополитической среды, мы должны определить ее роль и степень влияния на культуру этноса. Если региональная культура носит характер надэтнической культуры, включая в себя особенности ведения хозяйства в тех или иных природных и политико-экономических условиях, особенности культурного взаимодействия, то термин этническая культура подразумевает свойственные только данному народу определенные традиции, образ повседневной жизни, особенности восприятия и оценки действительности, религию. Если этническая культура предстает как наиболее архаичный и консервативный тип культуры, то региональная культура наиболее подвижна, быстро реагирует на политические, социальные и экономические изменения. Особенности же регионально-этнической культуры сказываются на всем: на языковых особенностях, на повседневной жизни, на интерпретации мифов и сказаний.

И. Я. Мурзина, допуская способность региональной культуры стать определяющим «лицом национальной культуры», выделяет несколько этапов формирования региональной культуры, в ходе которых культура этноса проходит путь от приспособления к новым условиям жизни и идентификации себя с местом проживания до способности оказывать влияние на национальную культуру на определенной территории в целом⁹⁹.

Если И. Я. Мурзина рассматривает формирование регионального типа культуры, то мы, учитывая этническую составляющую, попытаемся обосновать использование понятия «регионально-этнический тип культуры» при характеристике марийцев Урала и доказать, что это является в данной работе целесообразным в связи с доказательством уникальности характеристик культуры уральских марийцев. К тому же их культура до сих пор остается малоисследованной в науке.

⁹⁹ Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание. – С. 32

Регионально-этнический тип культуры понимается нами как тип этнокультуры, на формирование которого исторически влияли не только фундаментальные основания культуры этноса (религия, мифология, сформированные при этногенезе ценностные ориентиры), но и история заселяемого региона, его природные особенности и особенности взаимодействия с уже ранее сформированными в этом регионе этнокультурами. Такой тип культуры, как будет показано ниже, прошел своеобразную историю трансформаций, сохранив этнокультурные собственные уникальные ценности, ставшие основой традиционных ценностей данной культуры, внося в них способом, свойственным только данной культуре региональную окраску (географические и социально-экономические влияния).

Наибольшее внимание на разнообразных исследовательских уровнях гуманитарных наук проблеме трансформации этнокультур стали уделять в начале XXI в., одна за другой проходят конференции, на которых говорится о трансформации культуры и этничности. Но целостного понимания дефиниции «трансформации» до сих пор как не было, так и нет, и понятие «культурная трансформация» требует своего дальнейшего определения и разработки. Словари дают следующее определение понятию «трансформация»: В современный язык слово пришло из латинского *transformatio* – преобразование и в общем смысле обозначает модификацию или изменение формы или структуры чего-нибудь. В различных предметных словарях (математическом, статистическом, психологическом, лингвистическом и др.) подчеркивается, что данная модификация или изменение не должны затрагивать изменение основного «смысла» или «сущности» трансформируемого объекта¹⁰⁰.

Существующая концепция социокультурной трансформации, на наш взгляд, слишком широка и многомерна, что, при недостаточной разработанности понятия в более конкретных деталях обозначаемого им явления, представляет шанс упустить какие-либо значимые и необратимые проявления этого процесса в

¹⁰⁰Словарь иностранных слов русского языка [электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на академике [сайт] https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36473/%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%A1%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%9C%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (дата обращения: 23.08.2017).

конкретных случаях. В связи с предметом нашего исследования, на наш взгляд, более важным и значимым является задача определения «культурной трансформации».

В культурологических исследованиях в большинстве случаев культурная трансформация определяется как всякое изменение культурной формы. Л. Ю. Егле понимает под трансформацией культуры неделимое, поступательно-преобразовательное действие, которое нацелено на модификацию культуры путем включения в эту культуру чуждых компонентов, расстраивающих ее обычный порядок существования и задающий «новый вектор культурного развития»¹⁰¹. Согласившись с основными положениями данного определения, стоит отметить, что изменения во внешнем мире, окружающем этнос и его культуру, происходят постоянно. Следовательно, и процесс трансформации культуры не ограничен временными рамками. Особенности же этого процесса зависят от скорости трансформационных явлений и силы воздействия на этнокультуру как внешних, так и внутренних сил и объема культурных слоев, затрагиваемых явлениями трансформации.

В культурологии влияние трансформации на культуру – предмет дискурса, причем мнения оппонентов весьма различны. А. Н. Тарасов однозначно считает «социокультурную трансформацию» процессом, разрушающим культуру как систему¹⁰².

А. В. Сивер полагает, что трансформация культуры разных народов и этносов является не чем иным, как процессом аккультурации под влиянием более распространенной, например, российской¹⁰³. Трансформацию культуры он называет «универсальным процессом» в истории развития народа¹⁰⁴.

¹⁰¹ Егле Л. Ю. Тенденции трансформации современной музыкально-религиозной культуры [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. №37-2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-transformatsii-sovremennoy-muzykalno-religioznoy-kultury> (дата обращения: 10.12.2017).

¹⁰² Тарасов А. Н. Теоретико-методологические аспекты аналитики социокультурной трансформации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 8. С. 204–206.

¹⁰³ Сивер А. В. Трансформация традиционной культуры западных адыгов в XX в // Теория и практика общественного развития. 2015. №7. С.139.

¹⁰⁴ Там же.

Л. А. Шумихина и Е. И. Мартынова рассматривают трансформацию в ключе аккультурационных процессов, но, в отличие от А. В. Сивера, интерпретируют ее как процесс двусторонний, отмечая двойственный фактор процесса аккультурации: «аккультурация должна рассматриваться как двусторонний процесс, оказывающий воздействие на обе группы, находящиеся в контакте»¹⁰⁵. По мнению авторов, трансформации подвергаются все участники этнокультурного диалога.

Трансформации культуры происходят как явление постоянное, начинающееся чуть ли не с самого зарождения этой культуры. В. И. Ионесов считает, что культура существует именно в постоянных процессах трансформации. Он подчеркивает, что это ее сущность и предназначение¹⁰⁶. Далее В. И. Ионесов отмечает, что трансформация (на современном этапе, согласно его определению, — глобализация) выявляет в культуре все ее ценностные аспекты, смыслы и побуждение к выживанию и адаптации, что всегда является риском и опасностью для сохранения культурной идентичности. Неопределенность ситуации в процессе глобализации создает множество вариантов выбора культурного развития и приводит к тому, что «в трансформациях обнажается корневая система культуры»¹⁰⁷. В. И. Ионесов различает «в системе трансформации три типа культур — трансформационную, трансформирующуюся и трансформированную. Трансформационная культура — это культура, основанная на атрибутивных сущностях переходного типа и удерживающая эти переходные значения для своей адаптации и преобразования других сущностей. Трансформированная культура — это культура, фиксирующая радикальные видоизменения своей структурной организации и выражающая смену состояний сущности в результате произошедших преобразований. Трансформирующаяся культура — это культура, пребывающая в состоянии транзитивной активности, вызванной воздействием на положение сущности одного или нескольких факторов»¹⁰⁸. Продолжая

¹⁰⁵ Мартынова Е. И., Шумихина Л. А. Двусторонность как сущностная характеристика процесса аккультурации / Е. И. Мартынова Л. А., Шумихина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2. С. 250.

¹⁰⁶ Ионесов В. И. Культура и трансформация: метаморфозы адаптации и развития // Вопросы культурологии. 2009. №8. С. 4 – 7.

¹⁰⁷ Там же. – С. 4.

¹⁰⁸ Там же. – С. 5.

рассуждения автора, можно сказать, что каждая культура является одновременно, но в разной степени трансформационной, трансформирующейся и трансформированной. Причина тому — двусторонность как сущность аккультурации, являющейся первопричиной трансформации.

Более того, именно на примере развития этнокультур как культур наиболее устойчивого типа, можно проследить особенности трансформационных процессов на современном этапе. Трансформация предполагает изменение внешних основ культуры с сохранением ее ценностного ядра. Трансформация, с одной стороны, нарушает некоторую внешнюю устойчивую культурную оболочку, оставляющую свой след в памяти, преданиях, в музеях и т.д. в качестве культурных артефактов, с другой стороны, создает некоторую устойчивость выживания этноса в тех или иных сложившихся новых условиях. Поэтому трансформация культуры предполагает и деятельность по трансформации новых внешних условий, то есть, трансформируясь сама, культура трансформирует и внешнюю среду.

Говоря о трансформации этнокультуры, мы говорим не о ее конце существования, а о выборе нового направления для реализации этнокультурной идентичности, о новых вливаниях в культуру, которые или дают возможность для ее дальнейшего развития на новых основаниях, или ведут к гибели этой культуры.

Д. Херлихи называет «стремление к культурному выживанию» основной силой влияния на группы людей¹⁰⁹. Поэтому чем интенсивнее меняются, трансформируются внешние формы этнокультуры, тем более явственным предстает для нас то, что было обычно скрыто в повседневности бытия, те ценности, которые и составляют основное культурное ядро. Конечно, форма проявления культуры, насколько бы она ни была внешней по отношению к ее ценностному ядру, одновременно несет и охранную функцию для этнокультуры. Полная деформация этнокультурных форм ведет к необратимым явлениям растворения ценностного ядра, его исчезновения, а следовательно, и исчезновения самой культуры.

¹⁰⁹Херлихи Д. Биология и история: к постановке проблемы // Цивилизации. Вып. 2. - М.: Наука, - 1993. - С. 34 – 44.

Таким образом, трансформация различной интенсивности, которая задана историческими, экономическими и политическими особенностями создает для этнокультуры новый уровень, в котором она должна не просто адаптироваться, но проявлять себя, взаимодействовать и действовать. Так, вступив в полемику с А. Н. Тарасовым, который утверждает, что культура — это «совокупность социального и духовного опыта человечества»¹¹⁰, отметим и, как пишет В. И. Ионесов, «способы его проявления и актуализации»¹¹¹.

Мы определяем культурную трансформацию как имманентный, перманентный, всеобщий реконструктивный процесс, ведущий к переработке формы проявления культуры за счет преобразования каких-либо ее атрибутов без изменения ее основного «смысла», то есть «ценностного ядра».

Культура этноса — это вечное становление и развитие. Она никогда не завершена и никогда не закончена. («Cultura» — возвращение, обработка, улучшение), а трансформация культуры – это способ ее существования. Трансформационные процессы проявляются в коммуникационной культуре, этнических отношениях, религиозной деятельности при взаимодействии этнокультур (например, аккультурация как вид культурной трансформации характерна для культур, вступивших в диалог). Трансформационные процессы неизбежны в развитии культуры и предопределены изменениями в природной среде, истощаемости тех или иных ресурсов, влиянием социально-экономических факторов. Усиление интенсивности трансформационных процессов может привести к разрыву с прошлыми традициями, к культурному релятивизму, плюрализму.

Итак, этнокультурную трансформацию вызывает объективная неизбежность выживания и, как результат, приспособление индивидов, общества и культуры в целом к меняющимся обстоятельствам. Зачастую такая ситуация или вообще не осознается на индивидуальном уровне, или осознается слабо и, как правило, не

¹¹⁰Тарасов А. Н. Категориально-понятийный аппарат аналитики социокультурной трансформации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №4. С. 191.

¹¹¹ Ионесов В. И. – С. 5.

рационализируется индивидуумами, но для понимания проблематики этнокультурной идентичности этноса обращение к исследованию трансформационных процессов не только желательно, но и необходимо. Наиболее ярко процессы этнокультурной трансформации выявляют себя в культуре повседневности. Хотя, культурологический анализ повседневной культуры методологически затруднен из-за неопределенности понятия «повседневность» вследствие расплывчатости самого явления, анализ ее как способа проявления этнокультурной идентичности представляется нам необходимым. А. Шюц отмечал: «Повседневность как бы и вовсе не замечается людьми, словно воздух, которым дышишь. Только жизненный мир при всех иллюзиях обладает непосредственной достоверностью»¹¹².

В памяти человека воспроизводится то, что происходит постоянно в мире его культуры, и это подвергается не только оценке, но и объяснению на бытовом, практическом уровне. Регулярный повтор каких-либо даже, на первый взгляд, сложных действий не подвергается сомнению, становится рутинным, привычным, поэтому эти действия ощущаются как серые, неинтересные, вследствие чего проведение исследований повседневности является затруднительным. У многих исследователей отмечается достаточная консервативность в отношении как к повседневной культуре, так и к отражающимся в ней ценностям. Однако, несмотря на известную консервативность в отношении ученых к проблематике культуры повседневности, она все-таки пусть медленно, но трансформируется от одного поколения к другому, и отрицать этот факт невозможно. Особенности повседневной культуры марийцев Урала осмыслялись в данном исследовании в сравнении с бытом других народов.

В семиотическом ключе любая культура представляет собой символическую реальность, а явления и предметы повседневной культуры оцениваются не только и не столько с точки зрения их утилитарных функций, сколько с позиций социальной значимости, которая стала условной и поддерживается всеми

¹¹²Шюц А. Структура повседневного мышления/ пер. с англ. Е. Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 127.

представителями общества¹¹³. Большинство вещей, которые используются в обыденной жизни, указывают на статус обладателя, хранят память о значимых событиях личной жизни, обозначают ее ценности, идеи и идеалы. Они представляют собой материальную часть этой символической реальности, в тесной взаимосвязи с которой находится духовная жизнь. Анализируя предметы повседневного обихода, национальную одежду, порядок и выбор способов проведения досугового времени, манеры, виды коммуникаций и другие выражения повседневности как элементы культуры, мы получаем возможность осознать «сердцевину этой культуры», выявить причинно-следственные связи формирования культурных артефактов. Эта символическая реальность несет особый код выживания этноса в тех или иных критических условиях, сохранения его жизнеспособности, активного взаимодействия с окружающей средой. Этот код оттачивается, закрепляется в повседневной жизни представителей того или иного народа. Повседневность жизни этноса не только формирует его культурную реальность, но и являет нам повседневность как способ выражения реальности, в которой мир вещей и их взаимоотношений пребывает как материальная действительность через ежедневное смысловосприятие. Обыденная сторона жизни людей осваивается в культуре повседневности через ее простоту, рутинность и ежедневную повторяемость: быт, и то окружающее, что зафиксировано людьми как нечто стабильное, конкретное, неизменное. Повседневность – мир человеческой непосредственности, феноменального чувствования, стремления, фантазии, желания, сомнения, утверждения, воспоминания о прошлом и предвосхищения будущего. Повседневность сходна с социокультурным миром, она воспринимается человеком, влияет на него и также подвергается воздействию от него самого¹¹⁴. Анализ становления и развития культуры повседневности, мониторинга традиций и введения инноваций в этнокультурах позволяет провести исследование уровня и глубины трансформаций той или иной культуры и ее ценностей.

¹¹³ Капкан М. В. Культура повседневности. – М., 2017. – С. 15.

¹¹⁴ Хренов И. А. Мир повседневности в социально-философской рефлексии. Дисс. ... канд. филос. наук. – Тверь, 2007. – 128 с.

Повседневная жизнь строится по лекалам, заданным образцами не только высокой культуры, но и массовой культуры. Культурологический аспект этнокультурной идентичности наиболее ярко выражается в повседневности. Именно наблюдения за повседневной жизнью представителей того или иного этноса позволяют понять логику мышления людей в их определении своего места в различных ситуациях и взаимоотношениях. Повседневность предполагает не однообразие действий, а статичность материальных и духовных ценностей, которые требуется достичь и которые должны быть достижимы в любом случае. Эти ценности должны проявлять себя на уровне бытовой жизни и делать её комфортной, гармоничной для существования представителя той или иной культуры.

Повседневность, — полагает В. Д. Лелеко, — характеризуется как природным, временным ритмом «повторяющихся в жизни человека процессов и событий», так и психологическим¹¹⁵. К феномену повседневности принадлежит уют привычности, пусть даже иногда воспринимаемый как нечто тягостное и затягивающее в рутину¹¹⁶. Т. В. Фаненштиль, характеризуя повседневность, считает необходимым в структуре повседневного бытия элемент творчества, позволяющий человеку не только делать повседневность динамичной, разнообразной, но и осмысливать повседневность, делать самостоятельный выбор¹¹⁷. Дополняя данное высказывание, отметим, что использование подручных предметов все же осуществляется для достижения необходимой и заранее намеченной цели. Именно особая структура целеполагания, придающая смысл повседневному бытию, генерирует творческую деятельность и поддержание стабильности ценностных доминант (сама творческая деятельность происходит в установленных культурой рамках ценностных доминант). Творчество пронизывает весь мир повседневности. Оно проявляется в межличностной коммуникации,

¹¹⁵ Лелеко В. Д. Культурология повседневности: становление и современное состояние. — СПб., 2008. — С. 386.

¹¹⁶ Жигунова Г. В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 8. С. 66.

¹¹⁷ Фаненштиль Т. В. О некоторых особенностях анализа повседневности и ее характеристик в социальной философии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 99.

общественной деятельности, в быту. Без творческой деятельности индивидов эти сферы не могли бы функционировать и реализовывать потребности субъектов на различных стадиях развития культуры. Но творчество ограничено рамками заложенной традиции. Поэтому именно творческая деятельность людей в их повседневном бытии наиболее ярко подчеркивает и высвечивает особенности их культуры. Б. Вандельфельс¹¹⁸ замечает, что особый характер рациональности повседневности делает ее сложной для изучения. В работе «Повседневность как плавильный тигль рациональности» он описывает повседневность одновременно как фундаментальной («разлита» по всей жизни человека, общества), так и постоянно «ускользающей», как будто отсутствующей, так как все обычное и привычное сложно заметить, в отличие от редкого, феноменального, нарушающего эту обыденность. Но в этом кроется и удивительная сила повседневности, она устойчива (неконсервативна, но тотальна), сломы повседневности наиболее значительны для человека и общества. Именно благодаря повседневности¹¹⁹ осуществляется передача этнокультурных традиций. В дополнение к сказанному выше нужно отметить, что мир повседневности не может быть рассмотрен как сплошное пространство, он дифференцирован по различным признакам и основаниям, в качестве которых выступают социокультурные, региональные, экологические, экономические и политические маркеры. Этот мир наполнен фактами, вещами, практиками и пр., не вызывающими сомнения, проверенными опытом (социальным и индивидуальным). «Это характеризует пространство повседневности как мир реалий культуры, где бытуют представления о себе и других, внутреннем и внешнем, земном и возвышенном, сакральном и профанном, что находит отражение во всех структурных элементах повседневности (одежде, доме, еде, досуге, социальных ролях, представлениях о теле и т.д.) и говорит о ее мощном дифференцирующем начале и большой функциональной нагруженности»¹²⁰.

¹¹⁸ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. – М., 1991. – С. 17 — 23.

¹¹⁹ Зайцева Т. А. Повседневность как исследовательская проблема // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2. С. 8.

¹²⁰ Зайцева Т. А. Повседневность как исследовательская проблема // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2. С. 8.

В свете сказанного приходим к выводу, что культурная идентичность формируется благодаря повседневности, закрепляется в ней, обрабатывается каждодневной практикой, раскрывается через нее. Повседневность бытия предстает как один из структурных элементов этнокультурной идентичности, и без ее рассмотрения невозможен полный анализ последней.

Говоря о повседневности как о структурном элементе этнокультурной идентичности, заметим, что в культурологическом исследовании необходимо не столько сопоставлять предметы быта, сколько пытаться понять причины определенного расположения этих предметов быта с целью выявления этнокультурных ценностей, которое проявляется в отношении людей к этим вещам и способам их оценки. Явленный нам на поверхности мир повседневности – всего лишь следствие способов освоения культуры. Основополагающие составные части культуры повседневности формируются через выяснение причинно-следственных связей, оснований, влияний окружающей среды на культуру этноса. Повседневность вбирает и выражает смысложизненные ценности индивида и того социума, к которому он принадлежит, вернее, относит себя, что говорит само за себя о том, что в структуре культурной идентичности повседневность является важной составляющей.

Используя разработки социологов и анализируя повседневность как культурный феномен, согласимся с мнением А. Л. Ястребицкой, что структура повседневности, в первую очередь, определяется ценностями и смыслами бытия человека, публичной и частной жизнью, отражающими жизнь людей, в частности сферы потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей.¹²¹

Еще одним немаловажным маркером этнокультурной идентичности этноса, на наш взгляд, является способность этноса к коммуникациям в мировом культурном пространстве, то есть этнокультурное взаимодействие. Характер этнокультурного взаимодействия оказывает влияние на устойчивость смысложизненных ценностей (как ядра этнокультуры).

¹²¹ Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике. – М., 1991. – С. 95.

Этнокультурное взаимодействие определяется характером коммуникаций в социуме этнокультур. То есть особенности культуры народности проявляются в социуме через взаимодействие людей, представляющих эту культуру, через степень ее включенности в решение социальных проблем данного социума, через способы и методы решения этих проблем. Этнокультурное взаимодействие – это вид межкультурной коммуникации, характеризующийся участием в направленных друг на друга не только систематических действий субъектов, различающихся по этнической принадлежности, но и представляемой ими культурной информации, транслируемой через средства масс-медиа, поступающей с услугами, товарами, производственной необходимостью. В нашем исследовании представляют интерес три аспекта этнокультурного взаимодействия: духовный (информационный), социально-политический и экономический. Приходится учитывать, что это взаимодействие может выполнять как конструктивную, так и деструктивную роль. Все это создает определенную проблематику в сохранении этнокультурной идентичности этническими группами проживающих локально вдали от их государственных формирований этносов, а в нашем случае – марийцев Урала.

Культура любого народа тесным образом связана с сохранением для нее коммуникативного пространства, которое осваивается приемлемым для данной культуры способом. Поэтому способность этноса к коммуникациям в современном мире представляет собой важный фактор для понимания роли этого этноса в мировой культуре. Умение ориентироваться в информационных потоках и выбирать адекватные стратегии поведения способствует не только повышению эффективности межкультурного диалога, но и самосохранению культуры. И здесь важно определить не только степень устойчивости этнокультурной идентичности в сфере коммуникаций и возможности ее усиления и развития, но и факторы, влияющие на ее ослабление и нивелирование. Процесс экономической глобализации, прежде всего, связан с экспансией этнического пространства. В том мире, где, по словам З. Баумана, «расстояния не имеют значения», внедрение массовой культуры заходит так далеко, что действует подавляюще на культуры регионально-этнического типа. Соглашаясь с З. Бауманом, можно сказать, что у

себя дома сегодня человек начинает чувствовать себя чужим, ненужным со своей культурой, ибо пространство культурного поля утрачивается для него. Навязанная через СМИ реклама товаров и услуг задает новые образцы социальной успешности и идеального человека, нереальные в реализации, но так или иначе влияющие на ценности, усваиваемые индивидом, а в сумме — и на этнокультуру. Таким образом, распространение новых идей и информации может существенно повлиять на ассимиляцию местных культур и обычаев, не вызывая при этом видимого сопротивления.

Пространство массовой культуры постоянно находится в движении, видоизменяется, преломляется. Движущей силой изменений массовой культуры являются транснациональные компании, запускающие рекламу, с одной стороны, и культурные объединения, провозглашающие своей деятельностью протест существующим устоям (включая мораль и нравственность), с другой. Чтобы сохранить культуру в движущемся пространственном поле, нужно приложить все усилия, чтобы культура пришла в движение, набирая в своем развитии те скорости покрытия расстояний, которые предлагает процесс глобальных коммуникаций. Сохранение культур и их смысложизненных ценностей является жизненной необходимостью выживания социума. З. Бауман указывает на все возрастающие трудности, делающие практически невозможным противостояние человека в его «столкновении с различиями между людьми и неопределенными ситуациями» в пространстве «однородного сообщества». Отсутствие у него необходимых для борьбы определенных «навыков и черт характера» пробуждает в нем страх перед неведомыми ситуациями, а значит, делает его уязвимым¹²². Поэтому, чем больше факторов, способствуют унификации культурно-социальной жизни, тем больше проявляется тенденция к фрагментации и обособлению, все ярче стремление сохранить этнокультурную уникальность в контексте существования человечества. Всемирный процесс глобализации, направленность к формированию единого центра, активизирует оппозиционное стремление к сохранению и упрочнению

¹²²Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004. – С. 47 – 55.

границ локальных пространств, сохранению множественности и разнообразия локальных центров.

Таким образом, внешние факторы (процессы, происходящие в современном мире) отражают состояние общемировой культуры во всей ее совокупности и влияют на процесс идентификации и, следовательно, этнокультурную идентичность. К ним мы можем отнести изменения в средствах производства, также влияющие и на производительность домашнего труда, доступность информационного обеспечения, которое воздействует на ускорение и усиление культурных процессов, включая этнокультурные. Все это формирует окружающие этнос условия как в экономическом, социально-политическом ракурсе, так и в идеологическом. В нашем случае важно рассмотреть степень влияния внешних факторов, в первую очередь, социальных, воздействие которых на устойчивость культуры этноса столь существенно. Тем более, что этнокультурный мир сегодня находится под воздействием глобализационных процессов — процессов стандартизации, унификации и универсализации всей социокультурной жизни. Современное общество — это общество, идущее по пути глобализации. Как уже признано рядом исследователей, процесс глобализации носит объективный характер и, как любой общественный процесс, оказывает одновременно негативное и положительное влияние на культуру, поэтому столь неоднозначно отношения его к последствиям.¹²³ А сила и качество воздействия глобализационных процессов на культуру этноса могут быть проявлены через проведение структурного анализа этнокультурной идентичности.

Итак, структура культурной идентичности включает в себя следующие компоненты:

1. аксиологический,
2. лингвистический,
3. коммуникативный,
4. региональный,
5. ментальность,

¹²³Там же. —С. 10.

6. повседневность

Все компоненты взаимовлияют друг на друга, дополняют друг друга и отражаются друг в друге. Так, аксиологический компонент не только демонстрирует основания ориентиров этнокультурного развития и повседневной деятельности, но и является одной из основных характеристик ментальности. При помощи языка передаются межпоколенческие ценности, духовность этноса. Духовность этноса как структурная составляющая менталитета наиболее сильно проявляется в языке этноса. Язык же пронизывает все повседневные практики, скрепляет их и придает им символическую значимость. В современном мире, как нам представляется, коммуникация есть важный структурный компонент этнокультурной идентичности. Вместе с тем, мы понимаем, что утверждение компонентов культурной идентичности, воздействующих на ее становление, является также следствием воспитания, образования и просвещения.

Таким образом, трансформация одного из указанных выше компонентов этнокультурной идентичности с неизбежностью влечет за собой трансформацию других и изменяет в целом характеристику культурной идентичности этноса, а значит и этнокультуры. Поэтому анализ культурной идентичности в целом, в совокупности всех ее элементов необходим в методологическом плане не только для понимания качественной характеристики степени трансформационных изменений культуры, но и дает ответ на вопрос о ее сохранении и жизнеспособности в современном мире.

1.3. Исторические трансформации ментальных характеристик и культурной идентичности марийцев Урала

Менталитет – это совокупность, установленных при взаимодействии с социальной и географической средой обитания и закрепленных в результате исторического прошлого, специфических типов реакций, свойственных представителям этнических формирований. Характеризуя культурную идентичность, менталитет представляет одну из ее основополагающих частей и

имеет сложную структуру. Поэтому его рассмотрение, учитывая историю формирования этноса, целесообразно вести через нравственную, художественно-эстетическую, социальную, религиозную и психологическую характеристики этноса.

История поселения мари́йцев на Урале имеет прямое отношение к формированию их ментальных особенностей. Зарождение древнемарийской народности началось еще в VII – VI веках до н. э. В основе древнемарийского этноса лежит послеананьинский субстрат¹²⁴. Марийская культура складывалась на значительном географическом пространстве — от центральных районов России до Уральских гор. В поисках происхождения мари́йцев, их культуры и начала истории лингвокультурология изучает происхождение слов и языковых форм данного этноса. Самоназвание мари́йцев (мари), со временем став наименованием этноса, изначально имело значение «человек, мужчина»¹²⁵. Так, этимология слова «мари» (marij, marə) приводит к иранскому субстрату¹²⁶ и порождает спор об этногенезе современных мари́йцев и идентичности входящих в состав современных мари этнических групп. Хотя стоит заметить, что слово «мари» присутствует в наименованиях небольших локальных групп, например, «Вытля мари» (мари́йцы, осевшие на р. Ветлуге)¹²⁷. Можно предположить, что тюркский субстрат лежит в основании формирования марийской культуры и в дальнейшем именно он оказал немалое влияние на контакты марийского этноса и тюрков, проживавших на территории России.

Избегая насильственной христианизации и эксплуатации, мари́йцы поселились на территории Уфимского плато в XVI – XVII веках. Переселенцы относились к луговым мари и шли, соответственно, от «луговой» стороны Волги. До XVII века мари́йцы более тесно контактировали с тюрками. Первыми тюрками, с которыми общались мари́йцы, были болгары. Данное взаимодействие оставило заметный отпечаток в марийском языке в виде значительного пласта

¹²⁴Никитина Т. Б. Мари́йцы в эпоху средневековья. – М., 2003. – С. 7.

¹²⁵Хайду П. Уральские языки и народы. – М., 1985. – С. 66.

¹²⁶Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. – Ижевск, 1997. – С. 42.

¹²⁷Смирнов И. Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. – Казань, 1889. – С. 17.

древнебулгарских слов, насчитывающих около 300 единиц. В их числе такие слова, как «агытан» (петух), «олма» (яблоко), «окса» (деньги) и др. Второй пласт заимствований – татарские слова. До распада Казанского ханства марийцы входили в его состав. Это отражено наличием около 3000 лексических единиц татарского и башкирского происхождения в марийском языке¹²⁸, хотя, как отмечает тот же источник, в татарском языке выделено только около 65 заимствованных лексических единиц из марийского языка. Именно эта особенность более ранней истории марийского народа позволила марийцам с наличием минимальных межэтнических конфликтов с татарским населением двигаться в сторону Урала.

По документам и переписи XVIII – XIX веков, представляемых в ряде работ российских историков, становится возможным проследить миграцию марийцев на Восток, к башкирским землям, в поисках плодородных земель^{129,130}. Кроме того, во времена правления Петра I усилились контроль и эксплуатация, от которых и вынуждены были массово бежать марийцы из центральной России на Урал. Уходили целыми общинами, забирая с собой все имущество и скот.

Марийцы заселяли Урал двумя различными потоками, что позднее сказалось на языковых и традиционных обрядовых обычаях. Г. Н. Чагин отмечал, что, по наиболее распространенной народной версии, верховья Уфы осваивалась марийцами двумя миграционными потоками»¹³¹. Исследуя лингвокультурологические и археологические данные, Г. Н. Чагин пришёл к выводу, что одна группа марийцев называла себя «конгыр мари» (кунгурскими марийцами), потому что осваивала земли, прилегающие к реке Сылве, начиная от ее истока, которые в XVIII веке являлись частью Кунгурского уезда. Направляясь по течению реки Уфы на юг, марийцы селились не на пустующих землях, а уже на занятых – кочующими тюркскими народами. Данные земли либо отвоевывали,

¹²⁸Насипов И. С. О марийских заимствованиях в татарском языке // Вестник ЧГУ. 2009. №4. С. 248-254.

¹²⁹ Чагин Г. Н. Там же.

¹³⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. По империи. Черемисское [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly [сайт]. № 875 – 876. 26 октября - 8 ноября 2020. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения 12.11.2020).

¹³¹Чагин Г. Н. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском бассейне в XVII – XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) [Электронный ресурс] // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-situatsiya-v-sylvensko-irenskom-bassejnyne-v-xvii-xviii-vekah-k-probleme-formirovaniya-etnicheskoy-karty-urala> (дата обращения: 29.10.2017).

либо брались в залог. В настоящее время мари́йцы трех районов Свердловской области – Артинского, Нижнесергинского, Ачитского называют себя кунгурскими мари́йцами, хотя эти районы не являются сегодня частью Кунгурской области¹³². Другая группа мари́йцев называет себя «юпонш мари» («йипоныш») – уфимские мари, так как они, продвигаясь с низовьев Уфы на север, заселили юг Красноуфимского района¹³³.

Поиск места похожего на «родной дом» мари́йской культуры наглядно демонстрирует этническую характеристику пришедших на Урал мари́йцев, адаптацию их хозяйственной деятельности под новые условия проживания.

По данным археологических исследований (И. Г. Шапран, Р. Д. Голдина и др.) мари́йцы испокон веков селились на холмистых местах, в устье рек. Также, для мари́йцев немаловажным фактом выступало наличие смешанных хвойно-широколиственных лесов, с которыми у них связана и бытовая и религиозная деятельность. Поэтому далеко на Урал, в тайгу мари́йцы не продвигались, а остановились на границе произрастания липы, дуба, ильма. В таких лесах мари́йцы могли скрыться от кочующих башкир, охотиться, заниматься бортничеством и собирательством. Таким образом, на Урале места пребывания мари́йцев сохранились в топонимике этих мест и преданиях народа. Так, например, в прошлом Дьяковка, часть околотка села Большие Ключи, имела название Черемисская Мостовая. Названия сел Чатлык и Манчаж указывают на мари́йские корни их происхождения. Подтверждают мари́йское происхождение поселений их названия и в Нижнесергинском районе: Яльян (Старообухово) и Кыйкыр (Накоряково).

На основании публикуемых Пермскими исследователями данных об истории расселения мари́йцев Урала¹³⁴ можно заключить, что основная численность мари́йцев проживала в собственных мари́йских деревнях, но были и такие, которые расселились в татарских деревнях, кстати, со временем не только ассимилированные, но и оказавшие на Уральскую культуру татар немаловажное

¹³² Работы Чагина Г.Н., Черных А. В., Голевой Т. Н. и др.

¹³³ Чагин Г. Н. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском бассейне в XVII – XVIII веках.

¹³⁴ Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. – Мари́йцы Пермского края: очерки истории и этнографии.

влияние. До сих пор в преданиях местных татар и башкир сохранилась память о сылвенско-иренских марийцах¹³⁵. Уральские марийцы, не желавшие принимать христианство, как и любое нерусское население, считалось ненадежным, поэтому марийцы, занявшие плодородные земли по берегам рек (самовольно или арендовав их у башкир), либо «выживались» с этих мест, либо «разбавлялись» русскими поселенцами, лишаясь тем самым единой общности поселения. Вот почему, например, в Артинском районе почти все марийские поселения изолированы друг от друга; в Красноуфимском – много русских «подселений» и т. д. Так как заселение происходило в несколько этапов, марийцы, которые проживали на Урале и в Предуралье, не имели территориального единства¹³⁶. При переселении марийцы скорее искали места, удобные по природно-географическому расположению, нежели по соседству друг с другом. Порой эти места уже «принадлежали» башкирам и приходилось селиться там, где столкновения были наименее возможны.

Кроме того, социально-культурная адаптация была осложнена эпизодическими военными конфликтами между пришедшими на Урал марийцами и башкирами. Поэтому марийцы прошлых столетий не строили постоянного жилища, сохраняя главную ценность – жизнь общины и семьи, прятались в непроходимых хвойно-широколиственных лесах и жили в землянках, к тому же такое положение приводило к объединению марийского этноса на Урале и сказывалось на позитивном заимствовании и взаимообогащении соседствующих с марийцами этнокультур. Обращаясь к истории ментальности марийцев Урала, мы можем сказать, что марийцы всегда жили в окружении других в военном плане более сильных народов. Это не значит, что у марийцев не было хороших воинов и защитников. Так в д. Андрейково укажут вам и гору, и лог, и место, где похоронен отважный предводитель сопротивления по имени Патыр (богатырь).

Сегодня марийцы проживают компактно: в Артинском, Красноуфимском, Ачитском округах Свердловской области и в Суксунском районе Пермского края.

¹³⁵ Черных А. В. Этнический состав населения и особенности расселения в южном Прикамье в XVI – первой четверти XX вв. // Этнические проблемы регионов России: Перм. обл. М., 1998. С. 39-113.

¹³⁶ Там же.

Осознание себя принадлежащим к той или иной этнической группе усиливается в многонациональном окружении, где представлено, как минимум, еще две-три этнически не лидирующие группы. Марийцы гордятся своим прошлым, рассказывая, что на Урал из Поволжья они переселились, сохраняя свою культуру, религию, потеряв огромное количество воинов в сражениях с царскими войсками.

Характеризуя нравственную составляющую менталитета, мы можем обратиться к публикуемым историками источникам, в которых марийцы Урала характеризовались как не пользующиеся доверием¹³⁷. «Ненадежность», по словам местных жителей, обосновывалась неприятием марийцами русских, пытавшихся заселиться на их землях. Они сопротивлялись строительству русскими домов. Данный исторический факт говорит нам о том, что уже на раннем этапе заселения Урала марийцы считали эту землю более принадлежавшей им, чем только начинавшим селиться русским, которые воспринимались как незаконные захватчики мест, ставших для марийцев родными. Жизнь марийской общины обеспечивала выживание в трудных условиях каждого, от ее функционала зависело продолжение рода, и поэтому её жизнь представляла, по сравнению с личной, важную ценность. Таким образом, именно родовые связи (семейные, общинные) марийцев становятся существенными в формировании их ценностных установок и менталитета. Так, особую ценность представляет женское начало как основа продолжения рода. Марийские парни никогда не дадут своих девушек в обиду. По данным интервьюирования только один из пяти представителей мужского населения может позволить своей девушке или жене танцевать с другим, у русских – один из девяти проявит открыто чувство ревности [Приложение 3. Духовная культура. Данные опроса]. У марийцев же чувство ревности нравственно обосновано. До сих пор многие марийские мужья считают, что имеют право ограничивать свободу женщины и диктовать ей стиль поведения в обществе.

¹³⁷ Ильина Н. В. «Барские чемерисы» (черемисы) в исторических очерках Михаила Грушевского «Барское староство» [Электронный ресурс] // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/barskie-chemerisy-cheremisy-v-istoricheskikh-ocherkah-mihaila-grushevskogo-barskoe-starostvo> (дата обращения: 20.05.2018).

Местные жители марийских деревень Артинского, Ачитского и Красноуфимского, Суксунского районов рассказывают историю о расселении царских войск во время передвижения на Восток. Марийское население должно было бесплатно содержать вынужденных постояльцев. Населению деревень это было тяжело, а вооруженное сопротивление к тому времени считалось бесполезным. Тогда перед приходом царской армии дома не мылись, посуда оставалась грязной, и марийцы всем видом показывали, насколько они неряшливы, чтобы вызвать брезгливость солдат и избежать непрошенных гостей. Миф о неряшливости и неаккуратности марийцев сохранился до сих пор: «Черемис – черная миска», – так стали называть марийское население. В работе, в сравнении с проживающими рядом русскими, марийцы выглядят более работоспособными, выносливыми и упрямыми. Наибольшую работоспособность марийцев отметило 196 русских и татар из 283-х опрошенных жителей сельской местности немарийских поселений. Марийцам присуща деятельностная жизненная установка: дело должно быть доведено до конца, чего бы это ни стоило.

Проблема сохранения рода как от нападения соседей, так и при взаимодействии с природой отразилась в выработке определенных кодексов поведения, что впоследствии закрепилось в морали и нравственности и стало ценностным ориентиром в формировании своеобразия духовного мира марийской культуры. Мариец через приобщение к нравственным ценностям своего рода, через внутреннюю рефлексия формирует особый тип социального поведения, специфическими характеристиками которого, есть следующие качества: упрямый, умеющий отстоять свое, но достаточно скрытный (никогда не покажет незнакомцу места произрастания ягод, грибов и так далее), не проявляющий на людях своих эмоций, наблюдательный и осторожный, хитрый. При всем этом отличается трудолюбием, изобретательностью и находчивостью (данные, согласно нами проведенному опросу русского и татарского населения, проживающего в соседстве с марийцами в 2014 – 2015 годах (опрошено 283 респондента)).

Предки современных мари вели оседлый образ жизни, и как представители земледельческой цивилизации, особенно трепетно относились к обычаям и

традициям связанными с домашним хозяйством, местами их проживания, малой родиной. Непристойная брань в помещении считалась не только неприличной, а провокационной для привлечения беды. Доброта, добросердечность, честность по отношению к родственникам и соседям – ценились всегда. Хитрость одобрялась лишь с чужаками. Поэтому в национальном облике марийца присутствует как добросердечность, так и некоторая хитринка, скрытность. В неоднозначных трудных жизненных ситуациях может проявиться или та, или другая черта, содействующая поддержанию доблестного имени марийца. Такова специфическая черта менталитета уральских марийцев, а доброта и добротолюбие становятся ценностными установками повседневной культуры.

Гармония понимается марийцами как жизнь сообща, особо не выделяясь. Хвастаться, превозносить себя или показывать себя в чем-то лучше других неприемлемо. Выделять себя в чем-либо неприлично. Лидеры есть у каждого этноса, но у марийцев лидер находится под чрезвычайно пристальным взглядом окружающих его людей. Несмотря на его достоинства как лидера, он должен быть скромным, мудрым. Это объясняет то, что марийцы на повседневном уровне не любят руководителей из «своих», а порой даже мешают, противодействуют продвижению ближних по карьерной лестнице. Тут мы можем видеть, как одно и тоже качество в разных социальных условиях может играть как положительную, так и отрицательную роль.

Сказалась история формирования этноса и на психологической составляющей. Даже сегодня в финно-угорском мире Урала, сравнивая себя с марийцами, удмурты отмечают, что марийцы более воинственный народ, более агрессивный в конфликтных ситуациях. На основании опроса, проведенного в Русском Потаме (Свердловская область, Ачитский район), можно сделать вывод, что марийским мужчинам из соседнего села Марийские Карши присуща «агрессивность», «отчаянность». В подтверждение к сказанному в чатах Рунета (Российские Интернет-ресурсы) встречается о марийской молодежи и такое: «...дворовая шпана с высоким самомнением, пытающаяся показать себя жеребцами, знатоками женщин, резковаты, с непристойными шутками, горячие и

иногда чересчур вспыльчивые, и воинственные» [данные опроса: URL: https://vk.com/topic-92172_5381146]. Упрямство и порой несговорчивость мужчин компенсируется женской гибкостью и послушностью. Именно эта женская черта дает возможность бесконфликтной жизни с мужьями из других этнокультур.

Давая характеристику психологической составляющей менталитета, мы можем отметить, что особенность марийского склада характера, видения мира явилась решающей в трудных ситуациях. Во время войны выходцы из деревень не умели ни читать, ни писать. Но они знали законы природы, знали тайны использования лесных ресурсов и способы выживания в лесу. Могли строить мосты через речки и быть незамеченными врагом при совершении диверсий. Хитрость, молчаливость, скрытность, но и прозорливость, открытость природе и находчивость являются идеалом человека для марийцев. И желание соответствовать этому идеалу часто проявлялось во время войны [Приложение. Блок 4. Духовная культура].

Художественно-эстетическая составляющая ментальности наиболее ярко отражается в этнических песнях марийцев Урала. Через песенное творчество выражается духовность, экологичность сознания. Песни повествуют о тяжелых испытаниях, выпавших на долю марийцев Урала. Песни поются чаще всего женщинами, поэтому выражают женское смирение и готовность принять трудную женскую долю. В своих песнях марийцы обращаются к природной стихии, сравнивают свою жизнь с явлениями природы.

Куплеты в песнях могут повторяться в совершенно разных ситуациях. Так, одни и те же четверостишья можно услышать при проводах гостей и на похоронных процессиях. Это говорит о целостности восприятия мира, понимании его экологического единства. Это же ведет к переносу восприятия одних жизненных ситуаций на другие.

Мелодии марийских песен и танцев близки по звучанию к мелодиям проживающих по соседству башкир, встречаются и тематические заимствования в текстах песен. Изменение языка, фольклора, способов ведения хозяйства, являлись следствием заимствования необходимого для проживания в данном регионе по

соседству с другими народами. В фольклоре марийцев Урала нашли отражение, как этническая устойчивость, так и региональная изменчивость, а использование образности языка, своеобразной мелодии песен и сочетания рифм и слов позволили передавать регионально-этнические особенности уральских марийцев от поколения к поколению.

Тем не менее, этнические уральские песни поются все реже и реже, тексты их забываются, молодежь перестает понимать смысл некоторых слов и образных выражений родного языка [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. Местную культуру поддерживают лишь самодеятельные коллективы, которые есть в каждом населенном пункте. Во многих коллективах разучивают «под минусовки» только современные произведения, исполняемые артистами из Марий-Эл. Участниками редких традиционных фольклорных коллективов марийских селений Урала чаще всего являются женщины пенсионного или предпенсионного возраста, очень редко мужчины (1 к 20). Но на выступления своих односельчан собирается вся деревня, приезжают гости из города.

Художественно-эстетическая составляющая менталитета, отражая региональную и социально-культурную адаптацию переселившихся на Урал марийцев, отразилась и на формировании их этнического костюма. Трансформация костюма уральских марийцев была исследована в трудах А. А. Бобрехина¹³⁸, который отмечал неоднозначное влияние регионального фактора на становление его самобытности, главным образом, взаимодействие с соседними культурами. Уточним, что на существенные изменения костюма уральских марийцев, с одной стороны, сказались климатические условия, адаптация к которым привела к неизбежному заимствованию утепленных и непромокаемых элементов костюма у других народов. У уральских марийцев национальной праздничной одеждой считаются татарские галоши и носят они верхнюю одежду точно такую же по покрою, как башкиры, только называется она по-разному. У башкир – «джилян», а

¹³⁸Бобрехин А. А. Вышивка в костюмах уральских марийцев // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия: материалы конф. – Екатеринбург, 2005. – С. 40-43.
Бобрехин А. А. Марийская народная одежда и вышивка. // Народное искусство Урала. Традиционный костюм. – Екатеринбург. 2006. – С. 80-110.

у марийцев «йылан» [Приложение 4. Рис. 6, 7, 8]. С другой стороны, социально – экономические условия, когда стало возможным купить недорогую пестрядь, заменяющую конопляное полотно. И еще, национальный костюм марийцев Урала носит темно-красный оттенок, явно отражающий башкиро-татарское влияние. Одежда же белого цвета – такая, как у луговых марийцев, одевалась лишь на праздники.

С. П. Никитин отмечает, что на формировании особого типа уральских марийцев оказали ассимилированные ими в конце XVIII – начале XIX вв. удмурты, чуваша, мордва¹³⁹. Так, у марийцев в костюме появилась вышивка в виде стилизованных цветков, заимствованная от чувашей и праздничное приветствие «айдом – сайдом, рай айдом», которое является общим для завьяловских удмуртов и уральских марийцев.

Национальная марийская одежда наполнена береговой символикой с элементами природы [Приложение 4. Рис. 11, 12] и наиболее ярко отражает как регионально-этнический тип культуры уральских марийцев, так и раскрывает характерные черты их менталитета как представителей более крупного этноса – марийцев России, что говорит не только о древних корнях зафиксированных символов, но и о консервативности мировоззренческих устоев уральских мари, устойчивости основ ментальности марийского этноса. В каждом костюме тщательно прорисован образ Родового дерева – символ крепости семьи. Анализ берегов, вышитых на национальной одежде, позволяет нам отметить символ зрелости мужчины (внизу мужской рубашки); оберег груди на женском платье, скрываемый ягой и дополнительно верхом женского фартука, символизирует здоровье женщины – матери, женскую силу и плодородие. [Приложение 4. Рис. 6, 7, 8]. Эта символическая реальность, зафиксированная в национальном костюме, являет собой особый код выживания этноса в критических условиях, сохранения его жизнеспособности, активного взаимодействия с окружающей средой. Этот код оттачивается, закрепляется в повседневной жизни представителей этноса и

¹³⁹ Никитин С. П. Песня - сплав истории, мифологии и философии народа мари // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия: материалы конф. – Екатеринбург., 2005. – С. 111-116.

выражает его духовные устремления и специфику ментальных характеристик. Костюм марийцев являлся не только визитной карточкой носившего его человека, но и отражением влияния на культуру марийцев Урала географического и социального факторов при сохранении марийского ценностного ядра.

Осмысление духовного наследия народа, стремление многих людей приобщиться к этому духовному наследию, привело к возрождению у марийцев очень популярного в прошлом праздника Ага-Пайрем. Его проводят после окончания весенних полевых работ в Артинском, Ачитском, Красноуфимском районах Свердловской области и Суксунском районе Пермского края уже несколько лет. На эти праздники собираются люди из всех окрестных деревень, программу составляют песенно-хореографические ансамбли из местных марийских, татаро-башкирских и русских селений. По характеру проведения Ага-Пайрем в современном виде носит фестивальный характер, со всеми присущими фестивалю чертами: ориентацией на показ лучших художественных коллективов марийских сел и деревень и на создание поля притяжения для изучения основ марийской культуры. Достижения народного творчества представлены в формируемых от каждого села или деревни так называемых «подворьях» (стилизованных навесах). Здесь возможна дегустация блюд национальной кухни, мастер классы народного творчества, пения, танцевального искусства. Вне зависимости от того, что на площадке Ага-Пайрем XXI века обязательно присутствие современных переносных аттракционов, торговых палаток и товаров далеко не связанных с культурой марийцев Урала, праздник достигает своей цели. Марийская молодежь с удовольствием посещает этно танцевальные площадки, клубы, участвует в творческих коллективах [Приложение 4].

Социальный компонент характеризуется через такую черту марийской ментальности как коллективизм. Культура марийцев Урала направлена на созидание, отвергающее индивидуализм. Иногда эта позиция выражается в таких крайностях поведения, как отсутствие заботы о своем здоровье среди мужского населения. Медики в районах, где проживают марийцы, отмечают, что мариец не идет в больницу, пока ему не станет совсем плохо. Для них считаются

унизительными поход по врачам и жалобы на свое здоровье. Мужчина должен быть терпелив и вынослив. До сих пор многие (из ста человек – в среднем 10) из мужского населения, достигшие пенсионного возраста, ни разу не обращались по поводу болезни к медикам. Другие же, также пренебрегая посещением поликлиник, были всего два-три раза в них за всю жизнь. Данный фактор объясняет высокую смертность среди мужского населения мари.

Марийцам свойственна не только единая духовная общность, но и коллективизм, взаимопомощь. Дома строятся в сельской местности до сих пор сообща, огороды во многих местах убираются совместно всем семейством (сваты, свекры, двоюродные братья, сестры, зятья, тещи и т.д.). Поддержать попавшего в беду или в затруднительное положение односельчанина выезжает половина деревни.

Социальные особенности свойственны и праздничной культуре марийцев Урала, что выразилось в заимствовании тюркских и русских национальных игр (тот же Ага-Парем), состязаний и представлений, хотя праздничная культура изучаемого нами этноса сохранена в границах их собственной культурной идентичности.

Культура современных марийцев Урала тесно связана с их проживанием в сельской местности. Согласно опросам, около 72% марийцев, проживающих в городе, при наличии работы на селе, переехали бы обратно в сельскую местность, что еще раз подчеркивает сельскохозяйственный труд как системообразующий фактор ментальности марийцев Урала. Становление современного менталитета марийцев Урала тесно связано с историей региона, развитием на Урале сельского хозяйства и промышленности. Это наглядно отразилось в трудах местных марийских писателей и поэтов, таких как В. Б. Бакетов, П. И. Семенов, А. Эрыкан, С. Николаев, А. И. Сапин¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Бакетов В. Б. Алексеева З. В. Сторона моя родная. – Красноуфимск, 2009. – 464 с.

Сапин А. И. Илыш савыртыш: ойлымаш, повесть [Повороты жизни: повесть и рассказы]. – Йошкар-Ола, 2004. – 112 с.

Эрыкан Э. Фронтониквлак: ойлымашвл., очеркла повесть [Фронтоники: рассказы, очерк, повесть]. – Йошкар Ола, 1972. – 100 с.

В заключение отметим, что самобытность менталитета уральских мариЙцев сформировалась благодаря четко выраженным ценностным ориентациям в их культуре. Региональные особенности менталитета формировались, не только отражая эти ценностные ориентиры, но и включая способы и методы их сохранения и трансляции от поколения к поколению. Поэтому своеобразие менталитета Уральских мариЙцев подчеркивается не только бережным и возвышенным отношением к природе, что отмечается у мари всех регионов¹⁴¹, но и отношениями между сельчанами, реакцией на инновационные процессы современного мира, вновь вводимые государственные реформы, строительство офисных зданий в сельской местности (так жителями с. Курки Артинского городского округа Свердловской области не было поддержано строительство туристического бизнес-центра на месте пустующих площадей здания бывшего совхоза). Все это свидетельствует о сохранении до XXI века особого типа ментальности, заложенной в мариЙской культуре и сыгравшей значительную роль в сохранении культуры уральских мариЙцев как регионально-этнического типа культуры в условиях иных культур, революций и модернизаций. Но окончательно судить о сохранении аксиологических особенностей культуры уральских мари, не исследовав своеобразие изменений в их языке, не представляется возможным, так как менталитет народа, в первую очередь, выражается через его язык. «Без языка невозможна любая форма духовной деятельности человека, он необходимая составляющая любой из них и в этом смысле всепроникающ»¹⁴².

Здесь следует отметить, что мариЙцы Урала долго не осознавали свою культуру как нечто особенное от культуры луговых мариЙцев. Понимание различия и осознание региональных особенностей начинается с развитием в XIX веке транспортных коммуникаций, образования и средств массовых коммуникаций. Данные факторы позволили мариЙцам Урала, укрепив свои этнокультурные ценности, показать уникальность их культуры на мировом уровне. В своем подавляющем большинстве изучаемые нами мариЙцы, в первую очередь,

¹⁴¹ Байдимиров Д. А. Культура повседневности народа мари: историко-культурологический анализ: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Байдимиров Дмитрий Александрович. – Казань, 2012. – 178 с.

¹⁴² Шумихина Л. А. Генезис русской духовности. – С. 87.

презентуют себя не просто как марийцы, а подчеркивают региональный фактор: «марийцы Урала» [Приложение. Блок 4. Духовная культура].

Обращаясь к определению региональной культуры И. Я. Мурзиной в ее работе «Феномен региональной культуры: бытие и самосознание» как части общенациональной и одновременно независимого целого, неизбежно оказывающего воздействие на жизнь самой общенациональной культуры¹⁴³, мы можем характеризовать культуру марийцев Урала как регионально-этнический тип культуры.

Направляли свое внимание к описанию современной культуры уральских марийцев в своих статьях и выступлениях на конференциях А. А. Бобрихин, Е. М. Главатская, Л. С. Евдокимова, С. В. Скурыдин. На основании их работ и проведенных автором исследований можно отметить, что марийцы Урала сохранили свое самобытное мировосприятие, религию в форме язычества, проникнутого и переплетенного натурфилософскими измышлениями.

Марийская культура Урала, с одной стороны, отделилась от культуры луговых марийцев, с другой – она не разорвала с ней связи, о чем свидетельствует религия, семиотика культуры. Многонациональная культура Урала оказала своеобразное воздействие на формирование особого типа регионально-этнической культуры – уральский мариец. Яркое свидетельство этому – костюмы марийцев Урала [Приложение 4].

На основе изложенного можно сделать вывод, что ментальные характеристики позволяют говорить о регионально-этническом типе ментальности, являющейся сущностью самой культуры. Определив понятие регионально-этнического типа культуры и показав в этом ключе культуру марийцев Урала, мы выявили, что на ее формирование исторически влияли не только заложенные у ее основания религиозные верования в форме, так называемого, язычества и свойственная марийской культуре мифология, но и история взаимодействия с культурами тюркских и славянских народов, история экономического и социально-культурного развития Урала как региона, природно-

¹⁴³ Мурзина И. Я. Там же. – С. 4.

географические факторы. Из этого следует, что культура уральских марийцев прошла неповторимую историю трансформаций, оставаясь верной уникальным ценностям, которые являются культурным ориентиром, получившим региональную окраску. Осмысление влияния регионального фактора в истории культуры марийцев Урала, ее генезиса с неизбежностью приводит к анализу ее трансформации.

Глава 2. СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МАРИЙЦЕВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

2.1. Смысложизненные ценности марийцев Урала в контексте ценностного мира культуры финно-угорских народов

Степень развития этнокультуры проявляется в гармоничном создании новых ценностей на стержневой основе, которую создают смысложизненные ценности. Поэтому, исследования процессов трансформации изначально должны опираться на изучение смысложизненных ценностей. Смысложизненные ценности в традиционной культуре представляются как наследие предков, чем объясняется возникший еще в XIX веке интерес к изучению культур финно-угорских народов Европы как сохранивших в той или иной мере традиционность культурного бытия.

Кроме того, интерес к изучению культур финно-угорских народов обусловлен и другими факторами. По численному составу финно-угорские народы стоят на третьем месте после славянской и тюркской групп. Всего в мире насчитывается около 25 миллионов представителей финно-угорских народов, более 3 миллионов из них проживает на территории Российской Федерации¹⁴⁴. Онтогенез финно-угорских народов представляет собой одно из направлений формирования культуры цивилизационного общества в течение многих веков. Представители финно-угорских культур появились на территории Европы около 10 тысяч лет назад. Регионы проживания финно-угорских народов, расположенные в различных природных зонах, так сильно отдалены друг от друга, что на протяжении многих веков контакт между ними был невозможен. Сегодня эти народы имеют каждый свою историю, их культурные проявления не только на первый взгляд несхожи, а иногда даже и противоположны. Тем не менее, изучение культурных оснований этих народов, ценностного ядра путей развития и существующей проблематики является для нас наиболее существенным для понимания общего и особенного в финно-угорском культурном мире у разных

¹⁴⁴ Финно-угорские народы [Электронный ресурс] // URL: <http://russia.rin.ru/guides/4675.html> (дата доступа 12.11.2017).

этнокультур и того, насколько сказываются взаимовлияния культур и окружающей природной среды на историю и самореализацию этноса.

Как уже отмечалось, основной и содержательной характеристикой культуры любого народа выступает понимание и принятие этим народом тех или иных ценностей. Значимость смысложизненных ценностей марийцев Урала как стержня их культурного развития наглядно демонстрирует современное состояние их культуры в контексте ценностного мира культуры финно-угорских народов Западной Европы, с одной стороны имеющих общие корни у основания формирования этого ценностного мира, с другой стороны, прошедших столь разные пути цивилизационного развития.

Становление ценностного ядра этнокультур происходило задолго до формирования современного общества, тем более государства, понимание и восприятие ценностей закреплялось не одно тысячелетие, поэтому нормы и ценности считаются наиболее консервативным элементом той или иной культуры, ее, так называемым, цивилизационным кодом. Это напрямую относится и к культурам финно-угорских народов.

До XXI в. взгляды финнов, брачные отношения, отношения между сельчанами поддерживались традиционными, семейными и общими соседскими интересами. Жена играла главную роль в воспитании подрастающего поколения и должна была оказывать духовную поддержку своему мужу. Работать вне домашнего хозяйства считалось необязательным, а до второй половины XX века часто воспринималось мужчинами как нечто влияющее на их самолюбие¹⁴⁵. В Венгрии долгое время культура отношений в браке была столь же традиционна, как и в Финляндии. Главой семьи считался муж, в подчинении которого была жена. У марийцев же поддерживались не только традиционные отношения между мужчиной и женщиной в семье, но и традиционные отношения с соседями, так называемое, «соседство», хотя, влияние советского государства на участие женщин в общественно-полезном труде внесло свою лепту. Уникальность культуры

¹⁴⁵ Традиции финской семьи: обязанности супругов, особенности отношений, быта и воспитания детей [Электронный ресурс] // Terve.su все будет Finland / Традиционная Финляндия. URL: <https://terve.su/traditsii-finskoj-semi/> (дата обращения: 02.04.2017).

марийской семьи Урала XX века была в том, что, сохраняя семейные ценности как смысложизненные в своем мировоззрении, марийские женщины подверглись большей эмансипации, чем женщины западных финно-угров.

В XXI веке существует проблема устойчивости и значимости смысложизненных ценностей, имеющих свои истоки в истории традиций культур. Общество потребления и рыночных отношений не принимает более традиционных ценностей, а массовая культура, появившаяся значительно раньше во многом определяет ценностный мир самой культуры.

В XX веке финно-угорские народы по-своему стали вписываться в эту культуру рыночных отношений. Финны продолжили развивать постиндустриальное общество. Венгры, как и российские финно-угры, осваивая премудрости капиталистического рынка вопрошали себя о значимой для них системе ценностей и поиска ответа на вопрос «кто такие венгры?»¹⁴⁶.

Анализируя историю развития смысложизненных ценностей, венгерский ученый Берталан Андрашфалви отмечает, что венгры глубоко смогли воспринять католичество и обновление религиозных догматов, «современный прагматичный и исповедующий принцип прибыли, жизненный уклад», индивидуализм, желание власти и материального благополучия¹⁴⁷.

Демографическая статистика наиболее ярко демонстрирует трансформацию ведущих ценностей финно-угорских народов. При статистическом анализе финно-угорского мира в постсоветский период, следует отметить, что только в Финляндии численность увеличилась на 209 тыс. человек, но, как показывают исследования, в основном за счет прибывающих туда мигрантов. О снижении за последние годы в Финляндии рождаемости говорит в своем исследовании М. С. Липецкая¹⁴⁸. По результатам последнего исследования Статистического центра в Финляндии увеличилось число бездетных семей, из 40–44-летних финнов каждая пятая женщина и каждый четвертый мужчина не имеют детей. Раньше,

¹⁴⁶ Венгерский гений. Венгры, как они видят себя, Венгрию, своё место в истории и современном мире. – М., 2011. – С. 11.

¹⁴⁷ Там же. – С. 22.

¹⁴⁸ Липецкая М. С. Предпосылки и факторы инновационно-технологического развития регионов Финляндии. СПб. 2012. 205 с.

малообразованные люди имели больше детей по сравнению с более образованными, теперь же ситуация кардинальным образом поменялась. Также, одной из ключевых причин бездетности, заключается отсутствие подходящего партнера. Как отмечает профессор А. Роткирх: «сейчас рождаемость в Финляндии напрямую зависит от статуса в социуме. Чем ниже образование у человека, тем меньше детей»¹⁴⁹. По данным Министерства социального обеспечения и здравоохранения Финляндии, в конце 2011 г. население Финляндии насчитывало 5,4 млн, а количество семей с детьми – около 581 000, что составляло 40%, от общего числа семей, 20% - семьи с одним родителем. При этом количество женщин, имеющих высшее образование, немногим выше мужчин такого же образовательного статуса.

В 2020 г. общая численность населения Финляндии составила 5 652 378 человек, но при этом количество рождаемости практически сопоставимо с количеством смертности, и видимый прирост населения осуществляется, в основном, за счет миграции. Демографическая ситуация в Финляндии полностью вписывается в иллюстрируемый Pew Research Center европейский демографический кризис¹⁵⁰.

В некоторых странах наблюдаются потери населения, которое относится к финно-угорской группе, так, в 2003 году в Венгрии потери составили 4,9%, а это 487 тыс. человек; в Эстонии 18,7% от общего числа населения, что составило 248 тыс. человек. Численность финно-угорского народа падает и в России. Н. Н. Говрякова и С. А. Ржанова отмечают, что некорректно списывать на политическую ситуацию, все демографические проблемы финно-угорских народов, проживающих на территории России, так как в Венгрии и Эстонии дела обстоят еще хуже¹⁵¹.

¹⁴⁹Финны хотят детей, но не находят партнеров [Электронный ресурс]. URL: <http://finugor.ru/finny-khotyat-detei-no-ne-nakhodyat-partnerov> (дата обращения: 23.04.2017).

¹⁵⁰ Religion and Living Arrangements Around the World. Demographic study. 12.12.2019 [электронный ресурс] // Pew Research Center [сайт] URL: <https://www.pewforum.org/2019/12/12/religion-and-living-arrangements-around-the-world/?fbclid=IwAR2ZTPc9FeL2-Qpr9urIyQGVok8wjuYLOAykJG3NYI9GoVh9sPRE9wcxLM4>.

¹⁵¹Говрякова Н. Н., Ржанова С. А. Демографический контекст социально-экономического развития финно-угорских народов [Электронный ресурс] // Регионология. 2011. №3. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/792> (дата обращения: 13.05.2017).

В 2010 г. демографическая ситуация в Эстонии была названа самой стабильной в Европе: численность населения составляла 1 340 194 человек, наблюдался баланс между смертностью и рождаемостью, увеличивался естественный прирост населения¹⁵². Но в течение двух лет, ситуация резко изменилась. Департамент статистики Эстонской Республики на 1 января 2013 г. обнародовал предварительные данные, по которым численность населения составила 1 286 540 человек. Эмиграция и рост смертности, послужили главными факторами сокращения. Директор Института демографии Л. Саккеус отметил, что в Эстонии происходит изменение модели поведения, когда рожают в более старшем возрасте, а эстонские женщины на фоне Европы рожают относительно рано. «Поэтому пока невозможно что-то утверждать. Например, если взять для сравнения 2008 г., когда родилось больше всего детей, то с 2008 г. до 2011 г. среди женщин старше 27 лет число рождений не сократилось, в 2011 г. оно было даже на 4% больше, чем тремя годами ранее. Однако можно констатировать, что в следующие годы число рождений будет низким, поскольку к началу 2012 г. 15–49-летних женщин было на 25 тыс., т.е. на 8%, меньше, чем в 2005 г.», – Л. Саккеус предсказывает неутешительную перспективу¹⁵³.

Также тревожная демографическая обстановка наблюдается в Венгрии. Ссылаясь на данные Венгерского центра статистики, с 1980 года количество живущих в Венгрии постепенно уменьшается. В 1980 население составляло 10,7 млн., к 2000 году оно сократилось до 10,5 млн., на сегодняшний день в стране проживает 9,76 млн. жителей¹⁵⁴.

Интерпретируя демографические данные, мы можем утверждать о снижении значимости в финно-угорских странах Европы таких традиционных ценностей, как семья и рождение детей. Данные ценности замещаются такими ценностями социального статуса, как карьерный рост, свободное время для потребления услуг

¹⁵² Демографическая ситуация в Эстонии – самая стабильная в Европе [Электронный ресурс] // Postimees. 2011. 30 июля. URL: <http://rus.postimees.ee/514398/demograficheskaia-situacija-v-jestonii-samaja-stabilnaja-v-evrope> (дата обращения: 20.02.2017).

¹⁵³ Эстония: Куда катится демографическая ситуация? [Электронный ресурс] // Информационный портал Русской Общины Эстонии – Baltija.eu. URL: <http://www.baltija.eu/news/read/29375> (дата обращения: 20.02.2017).

¹⁵⁴ Демографический кризис в Венгрии усиливается – Мария Копп [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2010. 28 февр. URL: <http://ria.ru/world/20100228/211402992.html#ixzz3SHwxifO7> (дата обращения: 20.02.2017).

развлекательного характера. Об этом говорит не только рождение детей в более старшем возрасте, но и увеличение бездетных семей и семей с одним ребенком. Недаром правительство Венгрии издало приказ о защите традиционных семейных ценностей ещё в 2015 году¹⁵⁵.

Таким образом, демографические данные косвенно отражают деформацию представлений о традиционных семейных ценностях: о роли женщины в воспитании детей, о количестве детей, что естественно влияет на основу социокультурного богатства финно-угорской семьи. Демографическая проблема не только становится социальной проблемой, но и отражает трансформацию смысловых ценностей, заложенных в этнокультуре финно-угорских народов.

На основании этого можно проследить, что шкала ценностей сместилась, а поскольку ценности – важнейшая составляющая культурной идентичности, то можно сделать вывод о трансформации культурной идентичности в сторону массовой культуры.

Марийцы Урала на фоне демографических проблем финно-угорских народов Западной Европы показывают совсем другую картину. Если в начале XX в. марийцев на Урале всего насчитывалось 16059 тыс., то в 1989 году только в Свердловской области в городе насчитывалось 15946 и на селе – 15351 марийцев. Л. Н. Мазур отмечает, что при повсеместном уменьшении численности деревень и сел, марийские села почти не исчезают, марийские семьи остаются многолюдными, и что именно марийцы оказались наиболее устойчивыми к модернизационным изменениям¹⁵⁶. По нашим наблюдениям, марийским семьям, проживающим на селе, свойственна многодетность. Уменьшение численности марийцев по Свердловской области до 23801 и по Пермскому краю до 4121, скорее всего, связано не с уменьшением рождаемости, а с переездом молодежи в город, где

¹⁵⁵ Венгерское правительство защитит традиционные семейные ценности [Электронный ресурс] // Опубликовал: Szofi 2015.07.8. / MyHungary.Net. URL: <http://myhungary.net/news/628-vengerskoe-pravitelstvo-zaschitit-tradicionnye-semeynye-cennosti.html> (дата обращения: 19.11.2017).

¹⁵⁶ Мазур Л. Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке. – Екатеринбург, 2003. –160 с.

активно проходят процессы ассимиляции за счет смешанных браков, и марийцы при переписи населения регистрируют себя русскими.

Объединяющей смысложизненной ценностью для всех финно-угорских народов осталось гармоничное сосуществование в окружающей этнос природной среде, что было важнейшей ценностью с древнейших времен. По сей день у туристов вызывает особенный интерес Финляндия, и стремятся они туда отправиться, как в один из последних уголков нетронутой природы. Огромные сосновые леса, прозрачные реки, чистейшие воздух и вода¹⁵⁷. Финны не только гордятся своей природой, но и любыми способами подчеркивают свою близость к природе, экологичность своей культуры¹⁵⁸.

Финны не только гордятся своей природой, но и любыми способами подчеркивают свою близость к природе, экологичность своей культуры. В своей работе «Финляндия глазами венгров», Кережи А. и Сойка Э. повествуют и раскрывают важность роли природы и экологии в жизни финнов. Они объясняют это, главным образом, двумя факторами.

Во-первых, тесная связь с окружающей средой сформировалась из-за прежнего образа жизни финского народа. Столетиями они занимались охотой, рыболовством и собирательством, передавая опыт из поколения в поколение. А умение существовать в условиях сурового климата, посреди огромных пространств, бороться с силами природы и упорно трудиться, служили развитию земледелия, различных промыслов и дали толчок к развитию промышленности. Даже после индустриализации и перехода людей в города, связь с природой не исчезла, а скорее стала органичной частью современного образа жизни¹⁵⁹.

Во-вторых, повышенное внимание финнов к ценностям природы, кроется в их менталитете. Природные ресурсы как составные элементы окружающей среды, служили основой к успешному развитию и модернизации. А потому, рациональный подход, прагматизм, память поколений и осознание недавнего

¹⁵⁷ Кережи А., Сойка Э. Финляндия глазами венгров [Электронный ресурс] // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. №1 С. 60-73. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finlyandiya-glazami-vengrov> (дата обращения: 07.10.2017).

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

образа жизни, тесно связанного с природой, являются важной частью финского менталитета¹⁶⁰.

Также «на особенности национального характера» оказало влияние то, что финны живут в стране с неблагоприятным климатом, в каждодневной борьбе с природой за выживание. В результате выработалась своеобразная форма поведения, которую они называют *сису*. Это своего рода духовная сила, которая в зависимости от контекста может означать как упрямство, непокорность, своеволие и грубость, так и упорство, стойкость, смелость, а также желание и умение выжить в трудных ситуациях. Все эти качества были необходимы, чтобы обратить себе на пользу окружающие суровые условия <...> Символичен случай, демонстрирующий современное восприятие финнами природы, <...> когда новое боковое крыло здания Парламента было спланировано таким образом, чтобы избежать вырубки стоящего там старого дерева»¹⁶¹.

По этим причинам у народа ярко выражена культурная память и желание сохранить традиции, объединяющие общество. И, чтобы разгадать финский менталитет, необходимо знать о его двойственности: как в их жизни могут соединяться простота, ценностный мир культа мёкки и самые высокие технологии¹⁶². Из дерева строилось почти все: от саун и мёкки, до церквей и городских общественных зданий. Ставшая эмблематичным понятием финская архитектура, можно сказать, с религиозным уважением относящаяся к окружающей среде, гармонии природы, во многом сохранила эту традицию и заслуженно получила известность, благодаря своим лаконичным, благородным формам, натуральным материалам и дизайну, сочетающему в себе функциональность и красоту¹⁶³.

Приспособление к природным условиям, поиск гармоничного с ней сосуществования является характерной чертой финской культуры¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Музей под открытым небом Сеурасаари [Электронный ресурс] // Museot ja linnat [сайт]. – URL: <http://www.kansallismuseo.fi/en/seurasari-ru> (дата обращения 15.02.2017).

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

Этнокультурные смысложизненные ценности народа мари преломляются в почитании традиций, в сохранении сущностно-содержательной связи с минувшим. Миссией каждого последующего поколения марицев Г. Е. Шкалина считает сохранение традиций и ценностей, которые в них заключены: «Человек лесной зоны, мари умел вживаться и встраиваться в ритм и тональность Вселенной, вмещающего и кормящего ландшафта. Вот почему на реки, горы, рощи, возведенные в ранг священных, распространялись строгие табу, мудро регулировавшие экологическое равновесие огромных территорий»¹⁶⁵. До сих пор марицы Урала не строят больших поселков, не любят жить в городах (селятся там лишь по необходимости, в поисках работы), умеют приспособиться к любым условиям природы. Благодаря такому подходу было обеспечено качество сохранения природных ресурсов, которые находились в их окружении. Например, Сабарский увал (Свердловская область) – единственное место смешанных хвойно-широколиственных лесов, не тронутых рубками ни рукой человека, ни природными катаклизмами.

По нашему мнению, смысложизненные ценности выступают в роли своеобразной психологической защиты мира культуры уральских марицев от мира городской культуры, мира новых ценностей, не нашедших своей связи с традиционными ценностями. Ф. Ницше писал по этому поводу: «Тот, кто имеет зачем жить, может вынести любое как». Если же такая система убеждений отсутствует, люди могут испытывать ощущение беспомощности, что в свою очередь приводит к депрессии, безразличию, фатализму, безропотному смирению или злоупотреблению алкоголем, наркотиками¹⁶⁶. То, что сегодня происходит с марицким этносом на Урале предсказано великим философом. В XXI веке технологическое обновление городской культуры не коснулось марицких поселений. Но мир иных ценностей проник в традиционный образ жизни, и оказалась поколебленной сама смысложизненная парадигма. По данным

¹⁶⁵Шкалина Г. Е. Этноэтические аспекты в традиционном мировоззрении народа мари [Электронный ресурс] // Вестник КазГУКИ. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoeticheskie-aspekty-v-traditsionnom-mirovozzrenii-naroda-mari> (дата обращения: 10.03.2016).

¹⁶⁶ Дымина Е.В. Мир ценностей и проблема осмысления действительности // Ценности и смыслы, 2009. №2. С. 29

проведенного нами опроса мари́йцев Урала, главными смысложизненными ценностями выступают: сохранение и передача следующему поколению представления о гармоничном сосуществовании человека в природе и бережного отношения к ней, а также зависимость деятельности мари́йца не только от его реального бытия, но также и бытия прошлого (с позиций народной религиозности отраженным «в потустороннем мире»), и будущего. Итогом этих представлений служит вывод, что базовой ценностью мари́йцев Урала является мировоззренческое обоснование важности сохранения семьи, рода. Мари́ец всегда будет стараться сохранить существующую гармонию. Он не только не станет усугублять и осложнять разногласие, но сделает все возможное, чтобы избежать прямого столкновения. Э. Фромм, подчеркивал, что отчуждение человека от природы трагично, так как не природа подвластна деятельности человека, а человек природе, он является ее составляющей частью независимо от своих убеждений и целеполаганий. И принося ущерб природе, человек, наносит непоправимый удар по самому себе, даже не осознавая этого. Влияние культуры потребления не обошло стороной и финно-угорские народы Западной Европы. При сохранении своей близости с природой у финнов, по их собственному признанию, нет тесных межсоседских связей. При ориентации на индивидуализм, утрачиваются семейные ценности, ослабевают межпоколенческие связи. В свою очередь, мари́йцы Урала и в XXI веке смогли сохранить традиционные ценности, свою культурную идентичность, в том числе из-за присущего им своеобразия народной религиозности. Например, фольклорист и путешественник Ээро Пелтонен в своих заметках в «Фейсбуке» отмечал необычную для европейца семейную слаженность и коллективизм этих мари́йцев¹⁶⁷. А венгерские туристы, побывавшие на Урале, с восторгом отзываются о близости мари́йцев к дикой природе, о неутраченных со временем навыках гармонично с ней сосуществовать. Культура потребления, в целом, не характерна для этноса мари, большинству чуждо сверхнакопительство, в отличие от европейских финно-угорских народов. У мари́йцев Урала богатство и достоинство семьи оценивается по количеству рожденных детей и их воспитанию.

¹⁶⁷ Пелтонен Э. URL: <https://www.facebook.com/eero.peltonen.3> (дата обращения: 20.09.2018).

Мариец в своем сознании целостен. Его отношение к людям, односельчанам, членам семьи наполнено чуткостью и проникновенностью. Сами мари́йцы Урала, по данным анкетного опроса, считают, что именно их культура подверглась в наименьшей степени трансформации. А проведенные формализованные и глубинные интервью свидетельствуют о том, что уральские мари гордятся тем, что смогли сохранить обрядовую деятельность и традиционные верования без изменений даже в советское время [Приложение. Блок 4. Духовная культура].

Природа для мари́йца является неиссякаемым источником творчества и духовности. В природе мари́йцы нашли основу для удовлетворения жизненных потребностей: в чистоте содержат водные источники и даже не разрешают возле них кричать и грубо разговаривать (чтобы не обидеть Ава Вюд Юмо – Богиню матери воды). Родник для мари́йцев – не просто вода, но и место поклонения богам и духам. Наиболее почитаемые родники обрастали священными рощами. В то же время, вода была таинственной и опасной, в ней обитали разные духи и вюдия (русалка). Но в XXI веке представления о природе являются уже не только религиозными верованиями и традиционными установками, но и духовными ориентирами в самой жизнедеятельности мари́йского народа.

Интересно обратиться для сравнения к исследованию смысложизненных ценностей башкирского народа, с которыми у мари́йцев Урала на протяжении длительного времени был культурный контакт. А. Я. Фаткуллина¹⁶⁸, анализируя духовные ориентиры башкирской мифологии, разделяет смысложизненные ценности по критериям «быть» и «иметь». Установка «иметь», в ключе рассуждений автора, означает достижение не только материальных ценностей, но и присвоение духовных ценностей как личного достояния. В этой установке преобладает индивидуализм: мир для индивида. Установка «быть» раскрывает потребность человека жить для других: «индивид для мира». В современной культуре мари́йцев Урала процесс ремифологизации весьма позитивен, а самореализация человека – это «быть» (по А. Я. Фаткуллиной) и жить для сохранения гармоничного сосуществования человека и природы, человека и других

¹⁶⁸Фаткуллина А. Я. Смысложизненные ориентации человека в башкирской мифологии. – Уфа, 2003. – 133 с.

людей. Установки «иметь» и «быть» тесно связаны в смысложизненных ориентирах как цели и средства, где цель отражена через духовные ориентиры, а средства представляют собой возможные способы ее достижения.

Отчуждение человека от природы, подмена «базовых» ценностей «инструментальными» открывает путь для развития процесса отчуждения современного человека и от социума. Как пишет Е. Ю. Артюхова, «на современном этапе культурно-исторического процесса явно ощущается ограниченность, малопродуктивность как антропо-, так и социоцентристских ценностей в выстраивании взаимодействия человека с его природным окружением»¹⁶⁹.

В итоге проведенного сравнительного анализа ценностного мира финно-угорских народов Западной Европы и уральских марийцев, приходим к выводу, что традиционные ценности по-прежнему являются основой мировоззрения последних. У финно-угорских народов зарубежья они подвержены сильной трансформации, особенно у венгров. Основным стержнем традиционных ценностей здесь является в разной степени выраженная экологическая доминанта. Трансформационные процессы семейных ценностей западноевропейских финно-угров отражаются в демографических данных как снижение рождаемости, у марийцев Урала не столько наблюдается снижение рождаемости, как то, что, переезжая в город, большинство из них теряет свою этничность.

Более глубокое понимание оснований, которые помогли сохранить смысложизненные ценности и придали своеобразную специфику культурной идентичности марийцев Урала, раскрывается, на наш взгляд, через анализ народной религиозности и обрядовой деятельности, проявляющихся в повседневной культуре.

2.2. Повседневные культурные практики уральских марийцев

Повседневная жизнь, включающая архитектуру хозяйственных построек, домов, дворового пространства, убранства дома, как было отмечено у Н. И.

¹⁶⁹ Артюхова Е. Ю. Социокультурные аспекты формирования смысложизненной ориентации личности. – М., 2004. – С. 18.

Костомарова¹⁷⁰ являются не только необходимыми элементами, обеспечивающими жизнедеятельность человека в тех или иных географических условиях, но и передают особенности духовной жизни этноса, его внутренней культуры. В обладании свойственным определенному этносу миром вещей, умении пользоваться ими проявляется свойственная этносу культурная идентичность. Например, описывая русскую кухню, автор отмечает, что она больше основывалась на традициях, обычаях и народной религиозности, чем на искусстве приготовления. Остановимся на анализе феномена народной религиозности подробнее. Не следует путать народную религиозность мариЙцев с их политеизмом. Если мариЙский политеизм организует социальную жизнь, задает духовную направленность деятельности людей, структурирует их жизненные устремления согласно устоявшимся ценностным доминантам, то народная религиозность связана с миром повседневной жизни, где понятия добра и зла часто меняются местами, в зависимости от эмоционального, психологического состояния индивида. Заключение, сделанные на основании мифологического мировосприятия, не имеют логики, причинно-следственные связи основаны на принципах сопоставления. Не вдаваясь глубоко в анализ определения народной религиозности, отметим лишь, вслед за М. Вебером, что народная религиозность тесно связана с мифологическим мышлением, символизмом и возможностью проводить многочисленные аналогии. Е. В. Иванова, характеризуя мифотворчество, отмечает, что ему присуща «качественная трансформация старых парадигм, осуществление на всех уровнях иерархии бытия, самосохранение (а не просто метафизическое отрицание), основных структур бытия, создание вещей, никогда ранее не существовавших»¹⁷¹. Через мифотворчество повседневное восприятие человека находит успокоение в таком роде цикличного движения, которое «не приводит к возникновению нового неизвестного качества»¹⁷². Таким образом, психологический фактор выражается в желании найти поддержку и опору

¹⁷⁰ Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: Утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей. – М., 1993. – 401 с.

¹⁷¹ Иванова Е. В. Культурология: мифологические смыслы современной культуры. – Екатеринбург, 2015. – С. 27.

¹⁷² Там же. – С. 31 – 32.

в мире повседневности. Возможно, именно поэтому, марийцы, которые бежали на Урал от христианизации, поборов Российского государства, рекрутчины, могли просить помощи только у сил природы, не полагаясь ни на начальство, ни на власть имущую (стоит отметить, что, в отличие от русских, у марийцев нет сказок про «доброго царя-батюшку»). В работах отмечалось, что, вместе с тем, марийцы верили в чудесную силу не только мира природы, но и мира обыденных вещей, так как наделяли их сакральным смыслом, являющим собой предметную сторону народной религиозности (термин взят из работ А. А. Мурзина)¹⁷³.

Своими культурными особенностями характеризовалась повседневная жизнь марийских поселений до XX века¹⁷⁴. В наши дни, казалось бы, трудно выделить особенности повседневной культуры Уральских марийцев. Мало того, что они проживают в окружении русских и татарских поселений, где быт и традиции давно уже переплелись и кажется, что ничего особенного у марийцев, в отличие от соседей, нет, и, как отмечает Д. А. Байдимиров, в ходе влияния глобализационных процессов и культуры потребления, хозяйственно-бытовые устои функционирования сельской семьи марийцев как стержня этнической культуры трансформируются в сторону упрощения и стандартизации¹⁷⁵. Есть основания полагать, что глубоко пустившая свои корни, народная религиозность (языческие верования, сохранившиеся еще с древности), была сдерживающим фактором от трансформации и изменения традиционной жизни Уральских марийцев. Интерпретируя эту особенность, И. В. Цуканова, учитывая мнение А. Я. Гуревича, пишет, что миф, являющийся «смыслообразующей и формообразующей основой мирозерцания человека» прошлой эпохи, не только «остаётся содержанием человеческого сознания и в позднейшие времена», но и «творится заново»¹⁷⁶. Таким образом, благодаря ремифологизации марийская мифология тесно связывает жизнь

¹⁷³ Мурзин А. А. Визуальные образы народной религиозности горнозаводского Урала: предметная сторона [Электронный ресурс] // Человек в мире культуры. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-obrazy-narodnoy-religioznosti-gornozavodskogo-urala-predmetnaya-storona> (дата обращения: 19.05.2018).

¹⁷⁴ Новиков С. С. Восточные марийцы. Философия, история, люди. – Йошкар-Ола, 2012. – 322 с.

¹⁷⁵ Байдимиров Д. А. Культура повседневности народа мари: историко-культурологический анализ: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Байдимиров Дмитрий Александрович. – Казань, 2012. – С. 7.

¹⁷⁶ Цуканова И. В. Определение специфики феномена «Народная религиозность» [Электронный ресурс] // Наука. Искусство. Культура. 2012. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-spetsifiki-fenomena-narodnaya-religioznost> (дата обращения: 07.07.2018).

индивида и с современностью, и с прошлым, и с будущим. Марийцы ответственны не только (и даже не столько) перед потомками, сколько перед предками за сохранение своей культуры и передачи ее следующему поколению [Приложение. Блок 4. Духовная культура].

Как уже было нами отмечено, уральские марийцы даже при многократных переселениях, оставались приверженцами земледельческой культуры. О многовековых корнях этой культуры говорят бытующие на селе обычаи почитания духов земли, дома, природы родного края. Как отмечалось Э. В. Никитиной, такие особенности этнорелигиозного мировоззрения присущи всем марийцам. Мариец в своем жилище должен вести себя достойно: бережно хранить семейные традиции, обряды и обычаи, язык предков, соблюдать порядок и культуру поведения¹⁷⁷.

Итак, какие же отличительные черты в повседневной жизни можно отметить у марийцев Урала с точки зрения их смысложизненных ценностей? Например, по рассказу З. И. Яметовой (с. Курки, Артинский городской округ, Свердловская область), марийцы, когда садятся за стол, ничего не говорят, в отличие от татар и русских. После окончания трапезы благодарят Воду и Землю. Вообще, умение благодарить окружающий мир везде и всегда вошло в привычку многих марийцев: собрал ягоды, ушел из лесу – скажи спасибо поляне, где собирал; сделал покупки в магазине – поблагодари не только продавца, но и саму возможность осуществления этих покупок. Умение быть благодарным создает внутреннее ощущение удовлетворения, психологического равновесия. Оно очень близко умению чувствовать себя счастливым – ощущать гармонию с внешним миром. Здесь опыт, обыденность, здравый смысл, образ жизни нам представляются понятиями, непосредственно относящимися к культуре повседневности.

Обратимся к определению данных понятий. Понятие «обыденность» употребляется для передачи бытовой, рутинной деятельности людей, относящейся, в первую очередь, к добыванию материальных средств и организации деятельности

¹⁷⁷ Никитина Э. В. Этноменталитет марийцев [Электронный ресурс] // Национальные менталитеты [сайт] URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_marijcev_e_v_nikitina/ (дата обращения: 02.13.2017).

для биологического существования человека, и выражается в быту как принятом порядке жизни. Этот уклад жизни порой трудно объяснить, трудно найти причинно-следственные связи его организации, но он существует. Марийцы Урала имеют свой недельный «трудовой уклад»: понедельник, вторник посвящены работе с землей, ежедневному уходу за скотиной, сбору ягод и трав, рыбалке. Среду марийцы называют «крававым» днем. Считается, что именно этот день был благоприятен для жертвоприношений в древних культурах финно-угров¹⁷⁸. Разрешаются лишь необходимые работы со скотиной. В четверг можно продолжить хозяйственные дела и приборку дома. Пятница посвящена гостям. В этот день принято навещать своих знакомых и друзей, а также принимать их у себя дома. Именно в этот день ведутся душевные беседы с подругами и друзьями. В субботу приборка дома, дворовые работы, баня. Вечером ставят тесто, готовятся встречать родных и близких. Воскресенье считается семейным днем. Вся семья собирается в доме, обязательно подаются пироги, домашние заготовки. Данный пример наглядно показывает переход опыта повседневной жизни в некий народный этикет бытовой культуры. Народные традиции – не только формирующие календарную, семейную, трудовую и даже коммуникативную деятельность, но и осознанно определяющие их ценностную значимость. Как было показано выше, при анализе явления повседневности ставший традиционным для исследователей принцип противопоставления обыденного и особенного сделал привычным разделение повседневной и праздничной деятельности. На наш взгляд, эта установка не вполне характерна для марийской повседневной культуры, так как вся повседневная деятельность была тесным образом направлена на достижение определенного результата. Праздник являлся знаковым моментом, обозначающим достижение цели, к которой был направлен весь повседневный труд. Например, ежегодно марийцы Урала отмечают завершение посевных работ задорным праздником «Ага-Пайрем» (праздника борозды). Но подготовка к этому празднику наполнила смыслом весь повседневный труд марийцев даже в XXI веке. Так,

¹⁷⁸ Караимы. «хан-кюнь», «кьанкун» или «кан-кюнь» = «среда»// LiveJournal. [Электронный ресурс]. <https://mikhti.livejournal.com/18105.html> (дата обращения 12.10.2017).

готовясь к очередному празднику, они готовят национальный марийский напиток, угощения, женщины обновляют наряды¹.

Как подтверждают примеры, повседневная жизнь конструируется по образцам, заданным не только высокой культурой, но и под влиянием массовой культуры, изменений в способе производства, автоматизации бытовой жизни. Именно исследование повседневности позволяет понять логику обретения своего места в различных ситуациях и взаимоотношениях представителями того или иного этноса. Например, покупая пластиковые цветные ведра в магазине, мариец никогда не купит одно ведро. Всегда больше двух в разной цветовой гамме. Объясняют это желанием сохранить гармонию и красочное разнообразие в хозяйственной деятельности: «Всему нужна своя пара, а паре необходимо различие». Молодая марийская пара, отыграв свадьбу в первый день по общеевропейскому стандарту, на второй день обязательно наденет национальные костюмы и проведет свадьбу по марийским традициям, обратившись за покровительством к духам земли, воды и огня, испросив поддержку у мертвых родственников (данные информата М. Г., Ачитский городской округ).

Российская культура конца XX — начала XXI вв. из-за социально-экономической неопределенности дала новый толчок к развитию магии и ремифологизации. В итоге, в быту большое значение приобретают тайные береговые практики. Например, в современном доме марийцев Урала обязательно есть «заговоренный мак», который перед приходом чужих раскидывают по углам, во дворе, огороде и т.д. И сегодня существуют практики общения с потусторонним миром через ушедших в загробный и принадлежавшие им вещи, с чем связаны очень древние поверья. Например, мыло и мочалку, которыми омывают покойника, выбрасывать нельзя, а следует передать их женщине, имя мужа которой совпадает с именем покойного. Если муж (тезка покойного) будет умываться или мыть руки этим мылом, то он никогда не сможет ни обидеть свою жену, ни поднять на нее руки. Большую силу несет одежда, в которой умирает покойный. Ее никогда не выбрасывают, не дарят, а оставляют дома. Эта одежда приобретает силу оберега. Надевший ее становится непобедим в драке, споре, к нему не «прилипает» порча.

Сложить одежду покойного в ведро и закопать рядом с местом его захоронения можно только спустя год после смерти. Как показало глубинное интервью, особое внимание уделяется магической силе воды. Вода может принести как несчастья, так и удачу [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. Например, запрещается купаться с распущенными волосами — вода может принять человека за своего и утянуть на дно. Не следует также перегибаться через кромку колодца, Водяной может утащить: «Вўдышко шала ўп дене пураш ок йёро — Вўд Ия вўдышко шупшылеш», «Нёрепыш чот кумык лийын ончаш ок йёро — осал вий (Ия) шупшылеш»¹⁷⁹. Нельзя плевать в воду, а когда подъезжаешь к неизвестной, «чужой» реке, нельзя проявлять к ней неуважение, говорить: «Ух–ты, какая глубокая, трудная» – можешь заболеть и умереть и т.п.ⁱⁱ Любопытна и живучесть такого жанра народной культуры мари как приметы. Например, обрызганное во время умывания платье предсказывает девушке пьющего мужа. До сих пор уральские марийки в большом гневе на обидчиков могут ходить к реке, расчесывать над ней свои волосы так, чтобы выпавшие падали в реку, и призывать наказать своих обидчиков посредством заклинания.

В повседневной культуре мариЙцев Урала нельзя не заметить особенности ее трансформации под воздействием региональных условий. Такое возможно сделать в сравнительном анализе с культурой этого же этноса, проживающего в других регионах. Например, сравнивая луговых мариЙцев и мариЙцев Урала находишь много общего и особенного. По замечанию Л. Н. Мазур, мариЙцы из всех этнических групп оказались самыми способными к сохранению национальных устоев в процессе современных социальных изменений¹⁸⁰. Д. А. Байдимиров, исследующий повседневную культуру луговых мариЙцев, признает уникальность «пространственно-временного континиума» культуры повседневности мариЙцев, содержание которого постепенно меняется, сохраняя «сущностное ядро» мировосприятия¹⁸¹. Народ мари повсеместно известен своим гармоничным с

¹⁷⁹ Байдимиров Д. А. Культура повседневности народа мари: историко-культурологический анализ: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Байдимиров Дмитрий Александрович. – Казань, 2012. – С. 7.

¹⁸⁰ Мазур Л. Н. Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. С. 8.

¹⁸¹ Байдимиров Д. А. Там же. – С. 7.

природой существованием, согласованным с присущим им культурно-хозяйственным укладом жизни, который олицетворяет воплощение единства человека и природы.

Однако, нельзя не обратить внимания на то, что как у Уральских марийцев, так и у Луговых мари на современном этапе приоритетными остаются семейные ценности, весьма отличающиеся от семейных ценностей окружающих их народов. Например, для женщин приоритетным остается, воспитание детей и содействие в делах мужу, а не карьера. Как у уральских, так и у луговых мари считается смертным грехом нарушение согласия в чужой семье.

Четко прослеживается гендерное разделение труда, мужчины относятся к женщинам с уважением и высоко ценится женский труд в семье. Если женщина замужем, то она никогда не появится в смешанных (мужчины и женщины) компаниях без мужа. То же самое относится и к мужчинам. Во всех марийских селениях строго структурируются отношения между мужчинами и женщинами. Считается неприличным находиться одной женщине в мужском обществе. Причем это не зависит от того, в результате чего может быть такая ситуация. Во время сельскохозяйственных работ женщины и мужчины работают отдельно, во время сельских сходов (исключая, когда жена садится с мужем), женщины и мужчины группируются отдельно. Во время праздничных событий, торжественных мероприятий, религиозных сборов всегда прослеживается гендерное разделение, причиной которого, на наш взгляд, является признание значимости семейных ценностей. Такое разделение в обществе традиционно «обеспечивает» сохранность семейных отношений, не создает причин для ревности и дурных мыслей. До сих пор у Уральских марийцев развод не воспринимается как что-то обычное, он всегда осуждается, если не напрямую, то косвенно. Разведенным и одиноким женщинам по традиции вековой давности дают самую тяжелую и иногда даже неоплачиваемую работу. Согласно воспоминаниям, представленным в глубинном интервью информатора Т. А., (94 года, разведена была еще в довоенные годы. С. Курки, Свердловская область), ей давали самую тяжелую работу: отправляли на сплав бревен в первых рядах, заставляли валить деревья и т.д. Она подчеркивает,

что такое отношение было ко всем женщинам (даже с детьми), оставшимся по разным причинам без мужей. Сейчас, конечно, с увеличением числа вдов, разведённых, матерей-одинок это отношение начинает постепенно меняться. Оно переходит от явного общественного неприятия в скрытую форму осуждения на личностном уровне. Таких женщин стараются не приглашать в семьи, где есть муж, с ними не ведут общих дел. Наблюдения свидетельствуют, что незамужние, разведенные женщины стараются держаться обособленно, помогая друг другу.

Взаимоотношения в семье, считают мари́йцы, зависит от женщины. И не только от ее характера, от навыков хозяйственной деятельности, но и от умения правильно привлечь на помощь силы природы и духов, вести свои повседневные практики в согласии со значением каждого действия. Интересно, что обыкновенные, обыденные действия повседневной культуры, в связи с религиозной настроенностью, в доме мари́йцев Урала приобретают глубокий смысл. Согласно замечанию Д. А. Байдими́рова, основу духовной культуры мари́йцев по-прежнему продолжает занимать национальная религия, главными принципами которой являются: утверждение ценности жизни как таковой, сохранение основ этнического менталитета и этнической культуры¹⁸².

Многие из повседневных практик употребления еды у мари́йцев Урала играют роль как особенных ритуалов, корнями уходящих в древние традиции, связанные, вероятно, с периодами голодных летⁱⁱⁱ.

Например, хлеб положено резать стоя, куски не раскладывают, буханка не дорезается до конца. Берущему очередной кусок приходится его отламывать от корочки. Хлеб, как наиболее важная еда в доме, символизирует силу семьи, не до конца отрезанные куски хлеба символизируют связь и дружбу членов семьи (отрежешь – семья будет не дружная, связи с сестрами и братьями потеряются). Прятать хлеб в доме нельзя, даже ночью. Убирая все продукты со стола, хлеб нужно оставлять, накрыв его салфеткой или полотенцем^{iv}.

Повседневные практики мари́ часто имеют сакральный смысл. Например, сакральный смысл приобретает уборка дома. Воду из дома, даже грязную, после

¹⁸² Там же. – С. 7.

заката солнца не выплескивают, работы с землей не делают: природа уходит на покой, ее не следует тревожить, иначе у семьи будут тревожные дни. Мусор, если подметаешь пол, нужно убрать сразу же весь, до соринки в печь, иначе в доме будет неспокойно. Мыться в баню пошел (а многие марийцы на Урале до сих пор топят баню «по-черному», объясняя это наибольшей пользой для здоровья) – просишь банника о том, чтоб баня хорошо протопилась, жар не потеряла. Перед тем как мыться, три раза следует окатить окна бани, «промыв бане глаза», плеснуть три раза на камни, говоря при этом заговор и т. п.^v.

Вышеперечисленные практики у луговых марийцев почти утеряны, уральские же до сих пор исполняют их в повседневной жизни. Остались общими у марийцев разных регионов России морально-нравственные поучения: например, «не делай другим того, чего не любишь сам». Это простое и древнее правило стало категорическим императивом, который «цивилизованная Европа» в лице И. Канта сформулировала только в XIX веке. В повседневной ценностной установке марийцев есть и такие правила, которые свидетельствуют об отношении к материальному обогащению: «Бог не любит тех, кто любит жить как в Раю», «При продаже никогда не думай об обогащении».

Важнейшей смысложизненной ценностью является установка на гармоничное отношение с природой: «Береги все живое на земле, береги лес, растения, воду, они живые». И по сей день мариец никогда не возьмет себе в лесу больше, чем того требуется для его нужд. В этом и заключается экологичность их сознания, их культуры. Некоторые из народных марийских поучений перекликаются с христианскими заповедями. Влияние ли это христианства на языческие, но высоконравственные установки мари или языческие верования в лучших своих проявлениях воспроизведены в христианской вере, но это нравственное предустановление, безусловно, имеет связь с библейским сюжетом. Если учесть, что большая часть луговых марийцев приняла христианство, то здесь, возможно, взаимодействие с христианской православной культурой: «Не осуждай никого», «Не болтай лишнего», «Ты не судья, нас судят сверху» («не судите, да не судимы будете»).

Появление мари́йцев на Уральских землях явилось результатом раскола мари́йцев на горных, ставших союзниками Москвы, и луговых, Москве не подчинившихся, а искавших союза у тюркских народов¹⁸³. Всегда существовала опасность как башкирских набегов (продолжавшихся вплоть до начала XX века), так и насильственной христианизации. Поэтому организация быта мари́йцев отражает их привычку к временному проживанию. В огородах у Уральских мари́йцев никогда не выращивались многолетние растения. За ягодами ходили в лес. Только во второй половине XX – в начале XXI веков в сельскую местность проникает культура выращивания многолетних плодово-ягодных растений.

Архитектура строительства домов мари́йским этносом заимствована у русских. На первый взгляд, трудно найти различия в строительстве русской избы и мари́йского дома. По свидетельству опрошенных респондентов, у луговых мари́йцев многие обряды строительной деятельности уже утеряны. Информатор Л. К. говорит о том, что сейчас в Мари́й Эл по большей части реконструируют обрядовую деятельность [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. Но почти все обряды и ритуалы, хотя и в упрощенном виде, сохранились на Урале. Информатор Б. С., проживающий в с. Курки Артинского городского округа, рассказывает: «При начале строительства дома в венец подкладывают обязательно серебряную монету. Когда складывают матрицу, под нее тоже кладут серебряную монету и овечью шерсть с завитками. Любая вещь, присутствующая на матрице должна быть свернутой. Строители перед началом закладывания матрицы поднимаются вверх как бы под будущую крышу и едят сырники, так как они из свернутого молока. Такая символическая практика при строительстве дома у уральских мари́й связана с символом ладони с согнутыми («свернутыми») к ней полукругом пальцами, что, как считается, позволяет удержать благо и семейное достояние. Также завитки символизируют бесконечность продолжения жизни. Как только матрица сложена, вся семья собирается уже в доме, и самая пожилая женщина читает молитву о тех, кто в этом доме будет жить» [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. Та же обрядовая деятельность бытует среди мари́йцев Ачитского городского округа, что

¹⁸³ Головнев А. В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 40 – 49.

было засвидетельствовано информатором Н. И. Соблюдают все необходимые строительные обряды мари́йцы Пермского края Кунгурского района (свидетельство информатора Л. Н., с. Тебеняки). Все это говорит о важности для мари́йцев Урала семьи и ее значения для продолжения рода. Дом строится не для одного поколения: важна не только прочность постройки, но и прочность семейных отношений. Семейные ценности, как смысложизненные, пронизывают всю культуру повседневности уральских мари́йцев, особенно ценящих такое качество человека, как коллективизм – способность к безвозмездной коллективной работе как взрослых, так и детей. В русских деревнях тоже была «помочь» - коллективная и бесплатная добровольная помощь. Можно сделать вывод, что это древняя традиция была присуща всем народам, но в русских селениях она не сохранилась, утратила свои особенности неоплачиваемой безвозмездной помощи и стала наемным оплачиваемым трудом. У мари́йцев, как и прежде, строительство домов идет при участии всей деревни.

По свидетельству респондентов, опрошенных в мари́йских населенных пунктах, в русских и татарских деревнях гораздо больше веселья. Мари́йцы Урала до сих пор даже в повседневной жизни несут печать давней трагедии гонимого этноса, вынужденного скрываться в лесах. При этом еще можно встретить деревни и села, где дома не запираются на ночь, а лишь защищаются оберегами. Гостеприимство мари́йцев также имеет сакральный смысл. Поэтому никто, попав в мари́йское село, не уйдет голодным.

Уходят в прошлое тяжелые сельскохозяйственные работы. В XXI в. вечерами сельское население собирается в клубах. Создаются деревенские ансамбли. Женщины занимаются традиционным рукоделием, мужчины работой по дереву. Много времени в семьях уделяется просмотру телевизионных программ на татарском и родном языке.

Конечно, повседневные практики не являются неизменными. Их трансформация связана не столько с изменением смысложизненных ценностей, сколько с изменением условий бытия. Еще в XVIII веке не строились дома, и мари́йцы жили во временных землянках, в XIX – первой половине XX века не было

душа и ванн. Но отношение к семье, природе, материальному обогащению сохранилось и реализовалось через трансформацию заговоров, запретов, поучений. «Этническая картина мира, — отмечает Д. А. Байдимиров при исследовании культуры луговых марийцев, — есть проявление защитной функции культуры в ее психологическом аспекте»¹⁸⁴.

Преданность традиционным ценностям, бытующая народная религиозность позволили марийцам Урала сохранить такие качества, как доверчивость, открытость, скромность, бесконфликтность, переходящую в хитрость, принятие жизни такой, какая она есть с благодарностью, умение быть удовлетворенным, уравновешенным. Все эти качества раскрываются в повседневных ситуациях, позволяя характеризовать культурную идентичность марийцев Урала.

Как отмечается многими современными исследователями, культурная специфика этноса, его сакральные практики, находят отражение в языке, а потому, язык является исторической памятью народа и определяет нравственное лицо¹⁸⁵, так как язык выражает как постоянное и устойчивое, так и преходящее, изменчивое, но и несет в себе созидающую, духовную функцию. То, что закреплено в языке переходит от поколения к поколению, закрепляя характерные черты этнокультурной идентичности, так как язык этноса — это код его культуры.

2.3. Языковое своеобразие и проблема сохранения языка современных марийцев Урала

Рассмотрение проблемного поля идентичности невозможно без обращения к языку, на котором говорит этнос. Язык как код культуры не вбирает в себя реального бытия этноса, а лишь содержит в себе отношение к миру. И это отношение очень точно, ярко, эмоционально отражается в художественном творчестве, а в тяжкие для народа времена, в особенности, — в песне. Именно в песне многие языковые формы остались зафиксированными, нетронутыми

¹⁸⁴Байдимиров Д. А. Там же. С. 7.

¹⁸⁵ Антонова Н. С. Язык как социализирующий фактор личности в процессе активного диалога культур // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2012. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-sotsializiruyuschiy-faktor-lichnosti-v-protssesse-aktivnogo-dialoga-kultur> (дата обращения: 12.09.2017).

воздействием массовой культуры. Поэтому целесообразно начать наш анализ с песенного творчества марийцев Урала. Нами было проанализировано около 10 народных песен, исполняющихся в Артинском, Красноуфимском районах и имеющих не менее 150-летнюю историю. Марийские песни протяжные, печальные. Все песни носят сюжетный характер, описывая быт и устои традиционной семьи. Содержание песен показывает важность для марийца его дома, деревни, природы, которые не просто являлись его окружением, а составляли часть его души, его мира. В ходе проведенных нами исследований и опросов старожилов выяснилось, что Уральские марийцы в годы Второй мировой войны и послевоенные годы не пели таких песен, как «Катюша», «Уходили комсомольцы». Смысл этих песен был им совершенно не понятен. Языковой и духовный опыт марийца отличается как от русского, так и башкирского, и словесные образы «Катюши» были за пределами эмоционального восприятия. Поэтому марийцы как защитники отечества исполняли свои старые рекрутские песни. Что невозможно было охватить чувствами и что не входило в словесный мир марийца, воспринималось как что-то далекое и для марийца не существующее. В связи с этим и дословный перевод многих песен с марийского языка просто не возможен без описания смысла, так как в русском языке не существует многих слов, употребляемых в марийском, и, наоборот, в марийском, как уже отмечалось, нет многих понятий, употребляемых в русском [Приложение 2.]. По этой же причине некоторые жанры русского песенного творчества (к примеру, русские плачи) непонятны и не переводимы на другие языки, кроме славянских¹⁸⁶.

Мироощущение и мирочувствование в марийском языке выражается в цветовой гамме, например, в песне при проводах гостей поется: «Гости дорогие, вы покидаете меня, и я вся синяя, вся красная, и опять вся синяя, вся красная». Таким образом, в марийском языке выражалось чувство смятения, то есть, смешение чувств. С одной стороны, гости едут домой, возвращение домой всегда желанно, но, с другой стороны, хозяйке жаль их отпускать. Образность выражения уподобляет чувства человека смене цветов в природе. Говоря словами Л. А.

¹⁸⁶ Шумихина Л. А. Генезис русской духовности. – С. 186 – 201.

Шумихиной, язык является «живым менталитетом народа и едва ли не единственным способом сохранения его духовной устойчивости», «духовным основанием его своеобразной культуры и образа жизни»¹⁸⁷. Действительно, каждый народ живет в границах своего родного языка, выйти за пределы которого можно лишь в случае, если покинешь свой народ. Без языка невозможна любая форма деятельности человека¹⁸⁸. Непосредственное восприятие мира человеком осуществляется именно через родной язык, потому что посредством его он осмысляет и переживает мир. Но марийский язык не избежал заимствований из праздничной языковой культуры других народов, со сферами жизнедеятельности которых марийцы имели наиболее тесные контакты. При проведении глубинного интервью старожилы отмечают, что до 60 – 70 годов в марийском языке сохранялась его собственная идентичность, мировоззренческая и духовная составляющая, которая отличала его от русского и татарского языков. В марийском языке не было многочисленных абстрактных слов, определяющих чувства людей, их отношение к миру. А обозначения сторон света (Север, Запад, Юг, Восток) заменялись словосочетаниями: «там, где солнце встает», «там, где пропадает след», и так далее. Как ранее отмечалось русское слово «смятение» и гамму человеческих чувств марийский язык описывает в красках, в смене цветовой гаммы.

Устойчивость жизненных ценностей марийцев Урала связана со степенью прочности, сущностным содержанием единения людей, возникающего «из сходной судьбы, связующих людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, из однородной веры и из совместной молитвы»¹⁸⁹. Это находит отражение в мифах, сказаниях, гаданиях на родном языке, которые передаются поколениями.

Только на своем родном языке, говорят марийцы о ценностях, они, буквально, заложены в его грамматической структуре. А привнесение инородного тезауруса, чуждого этническим ценностям, неизбежно приводит к размытию ценностного мира, к утрате его единства. Доминантные ценности культуры любого

¹⁸⁷ Шумихина Л. А. Русская Духовность. В 3-х Т., Т. 1. Рождение русской духовности. Екатеринбург. 2002. – С. 87.

¹⁸⁸ Шумихина Л. А. Генезис русской духовности: дисс. ... док-ра филос. наук: 09.00.13. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1998. – 400 с.

¹⁸⁹ Ильин И. А. Основы христианской культуры. – 2017. – С. 22.

народа отражены в фольклорных произведениях, в особенности, сказаниях, сказках, былинах. На наш взгляд, марийские сказки и мифы в сравнении с похожими по сюжету русскими сказками и мифами как раз показывают особенности формирования ценностных ориентиров марийской культуры. Для примера рассмотрим две сказки: марийскую «Заячий домик»¹⁹⁰ и русскую «Лубяная избушка»¹⁹¹. К однотипному сюжету, подходят с диаметрально разных сторон, в плане определения смысложизненных ценностей. Сравнительный анализ выбранных сказок позволил прийти к следующему выводу. В русской народной сказке, главной ценностью выступает дом, место проживания, в марийской же сказке дом покидается для сохранения жизни зайчика, который выступает не в роли отдельного существа, а символом целого семейства и рода. Возможно, такие представления о ценностях дома сформировались у мари их-за частых неизбежных переселений в истории культуры этого этноса.

В настоящее время в марийском языке различают четыре основных диалекта: луговой, горный, восточный и северо-западный, на базе которых сложились две литературные нормы – луговая (которой придерживаются уральские марийцы) и горномарийская.

На языковое своеобразие уральских марийцев повлияли особенности расселения и языковые заимствования. Татарская и марийская культуры постоянно взаимодействовали, что нашло свое отражение в заимствовании татарских слов, названий предметов быта, имен. Марийцы всегда охотно участвовали в воскресной торговле, вывозили на башкирские и татарские рынки лук, муку, ткани из конопли. Это привело к необходимости знания двух - трех языков, на которых велась торговля. Влияние татарской культуры больше сказалось в языке Сылвенских марийцев по сравнению с Красноуфимскими. К примеру, священнослужитель у Суксунских марийцев называется «мола» (по-татарски «мулла»), у Красноуфимских – «карт». Интересна трансформация слова «ковш». В

¹⁹⁰ Марийская сказка. Заячий домик [Электронный ресурс] // Пескарь. Детская библиотека им. Гайдара [сайт] – URL: <https://peskarlib.ru/mariyskie-skazki/zayachiy-domik/> (дата обращения 09.02.2011).

¹⁹¹ Сказка Лубяная избушка [Электронный ресурс] // oSkazkah.Ru [сайт] – URL: <http://oskazkah.ru/read/rusnarod/6893-lubjanaja-izbushka.html> (дата обращения 09.02.2011).

официальном (литературном) марийском языке это слово звучит как «корка», у Красноуфимских марийцев это слово произносится как вўдкорка», у Суксунских заимствовано татарское «алдыр». На последнем примере можно увидеть и консервацию архаичных черт культуры. Татарские слова приобретали новый смысл, преломляясь через мировосприятие марийцев Урала. Так, татарское слово «терекөмеш» (ртуть), заимствованное марийцами, стало обозначать мертвую пчелиную семью в сосновой бортье. Абстрактное слово приобретало осязаемое, образное значение, связанное с опытом повседневной деятельности марийцев Урала. Свойство летучести, которым обладает ртуть, перенеслось на образ пчел, смертельная опасность ртути выразилась в образе мертвых пчел погибшего улья.

Во многих языках непонятные, путанные явления обозначаются заимствованными словами, что более эмоционально насыщенно передает запутанность и неструктурированность явления. Так, в русский язык пришло слово «бардак», татарского происхождения, которое обозначает высшую степень беспорядка, но нам «чужое» слово добавляет усиленную эмоциональную окраску. У уральских марийцев на бытовом уровне часто можно услышать «айда насары» (беспорядок) – тоже заимствованное из татарского языка, что придает эмоциональную окраску фиксируемому говорящим беспорядку.

Таким образом, заимствованные татарские и башкирские слова, преломляясь через образное мировосприятие марийцев Урала, обогащали их язык новой эмоциональной окраской, отражая особенности жизни переселенцев. «Слово национального языка, – читаем у Л. А. Шумихиной, – есть форма присутствия предмета в «квазипредметности», выражение предмета в инобытии как духовной реальности. Один и тот же предмет в языках разных народов может быть представлен во всевозможных вариантах инобытия¹⁹². Продемонстрируем это на примере: татарское «кайчы» (ножницы) преобразовалось у марийцев Урала в «каче», хотя в литературном марийском языке ножницы обозначаются словом «вашкўзö» (ножи навстречу друг другу), а слово «каче» обозначает мужа, мужчину.

¹⁹²Шумихина Л.А. Русская Духовность. В 3-х т. Т.1. Рождение русской духовности. Екатеринбург: Изд-во Т. И. Вояковой, 2002. – С. 60.

Почему образ мужа преобразовался в образ ножниц, приходится только догадываться, проникая в тайны образного мышления марийцев Урала. Муж же на языке Уральских марийцев звучит как «кугызам» («куго» – большой, главный). Но, по свидетельствам сельских жителей, чаще используется другое слово: «моя вторая половинка» – «пелашем». Немало анекдотичных случаев связано с подобной трансформацией слов при посещении уральскими марийцами Йошкар–Олы. Заимствованное у башкир название верхней одежды «джилян» в марийском языке звучит как «йылан». Заимствовались и топонимы. Так, «Сарсады» – «желтая река», но Сарсы – марийская деревня в Красноуфимском районе. «Сар», по-марийски, – война. У нас говорят «сай» – здравствуйте, а в литературном марийском языке это звучит «поро эр лийже» – доброе утро.

Важную роль в формировании и сохранении культурной идентичности марийцев Урала имеет образование на основе родного языка. Шпенглер по поводу языковых заимствований отмечал: «Но и мы <...> вкладываем в выражение чужой души собственное мироощущение, из которого проистекает значение наших слов»¹⁹³. Проблема «значения наших слов», поднятая А. Шпенглером, – это вопрос получения образования на чужом языке. Для культуры марийцев Урала и в XXI веке эта проблема осталась до конца не решенной, хотя имеет вековую историю.

Первые миссионерские школы, как отмечается в источниках, начинают свою деятельность в 70 годы XIX в. в Красноуфимском уезде – в д. Юва на 30 человек, в 1874 г. – в деревнях Большая Тавра, Потам, Карзи, Тебеняки. Учителями были местные марийцы, которые владели не только русским языком, кроме своего родного, марийского, но и татарским. Учитывая сложившуюся ситуацию, преподавание «Законов Божьих» не велось строго, иногда даже подлежало отсрочке¹⁹⁴. Несмотря на то, что школы были миссионерскими, светские предметы давались в полной мере на родном языке. Также книгами на родном языке пополнялись и школьные библиотеки. Как отмечает А. В. Черных, число учебных заведений в Красноуфимском уезде росло с каждым годом. Численность учеников

¹⁹³Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993 – С. 323.

¹⁹⁴Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. – Пермь, 2013. – 530 с.

в школах составляла от 10 до 35 человек. Через два года обучения на родном языке учёба должна была продолжаться уже на русском языке, но это условие не всегда соблюдалось.

Еще до революции возникла проблема подготовки национальных учителей для марийских школ. В 1894 г. близ г. Красноуфимска начала работу второклассная учительская школа, осуществляющая подготовку марийских учителей не только для церковно-приходских школ, но и для школ грамоты. С 1912 г. при данной школе стала осуществляться подготовка детей марийцев, окончивших церковно-приходскую школу и желающих продолжить обучение в учительской школе. В первой половине XX века, в Советские годы, началось успешное развитие сети национальных школ, образования на родном языке, развития традиционных видов сельскохозяйственной деятельности, но уже в рамках колхозов и совхозов.

Таким образом, с более тесным знакомством с русской культурой в жизнь марийцев проникли важные для развития непосредственно марийской культуры заимствования: это система образования, письма и литературной речи, что наряду с заимствованиями из русского языка развивало марийскую культуру на определенном историческом этапе, давало ей новый импульс для жизни. Сохранение языка как ключевого элемента духовной культуры народа при всех заимствованиях в материальной культуре не повлекло за собой процесса ассимиляции. Этнокультурные заимствования обогащали жизнь мари, сохраняя аксиологическую составляющую, культура обогащалась и, преодолевая трансформации, развивалась.

Во второй же половине XX века начинается резкое сокращение числа национальных школ, закрываются отделения марийского языка и культуры в Красноуфимском педагогическом училище и, по итогу сильно сокращается число марийцев, считающих свой язык родным. В литературе и переписях приводятся следующие цифры: в 1959-ом году, согласно материалам переписи, марийский язык считали родным 84,8% марийцев, в 1970-ом – 80,9%, в 1979-ом – 74,5%, в 1989-ом – 69,1%, в 2002-ом – 48,6%... Данные анкетного опроса, проведенного нами в Пермской области Суксунского района в четырех населенных пунктах

(селах и деревнях) и в Свердловской области в Красноуфимском, Артинском, Ачитском районах (четырёх селах и деревнях) на предмет знания марийского языка [Приложение. Блок 4. Духовная культура], показали, что родным языком не только на бытовом уровне, но и на уровне письма, чтения, понимания теле и радиопередач владеют около 90% представителей 45 – 60 лет. Знание родного языка неукоснительно снижается. Респонденты 30 – 45 лет уже используют марийский язык только на бытовом уровне, поддерживая общение со старшим поколением. Исключение из этой группы составляют учителя, работники культуры и участники ансамблей. Таким образом, полным знанием марийского языка владеют только около 18,8% респондентов. Опрашиваемые более младшего возраста от 18 до 30 лет не используют марийский язык даже на бытовом уровне. В школах и дома используется русский язык, это поколение уже не умеет говорить по-марийски, хотя ещё сохранило способность понимать марийскую речь. Данное поколение чаще всего выезжает на работу вахтовым методом, старается социализироваться в индустриальной среде, где марийский язык при коммуникации используется довольно редко. Эриком Юзыкайном в своей работе «Некоторые аспекты информационной среды марийцев»¹⁹⁵, приводит довольно показательный пример. Известно, что марийцы, проживающие в Свердловской области, изучают марийский литературный язык как иностранный язык. И часто изучение вызывает сложности, язык трудно усваивается и многое из него бывает непонятно. «Язык раздроблен, пока национальный процесс идет чисто стихийным. Но как только начинается сознательный период процесса, так язык интегрируется. ... С появлением интеллигенции, является над наречиями единый литературный язык, который потом становится языком национальным»¹⁹⁶.

Языковые заимствования происходят всегда и везде, но опасность представляют не те, что приходят с новыми вещами и услугами, а те, что несут новые ценности. Литературный язык не может формироваться «сверху». И вопрос в том, какими целями и задачами руководствуются те, кто стоит у основания

¹⁹⁵ Юзыкайн Э. Некоторые аспекты информационной среды марийцев [Электронный ресурс] – URL: <http://www.suri.ee/r/mari/erik/infsr3112.html> //www.suri.ee (дата обращения 29.03.2019)

¹⁹⁶ Милуков П. Н. Национальный вопрос. – М., 2005. – С. 63

«языкового строительства», какие ценности они туда закладывают, и всем ли эти ценности понятны, не чужды ли они данному этносу? Одна из наиболее распространенных проблем языкового возрождения и сохранения заключается в том, что представители этноса, считают это не собственной задачей, а кого-то иного. Люди считают, что это дело политиков или языковых активистов, которые должны обеспечить языку официальный статус, или же учителей, которые должны научить языку детей, или же большинства, которое должно экономически поддерживать статус языковых меньшинств. В действительности же, возрождение языка невозможно без участия самого языкового сообщества. Такое положение дел подрывает дальнейшее формирование целостной этнокультуры, и возникают проблемы становления и развития, а следовательно, – и угасания культурной идентичности марийского этноса.

В России в ходе демократизации была реконструирована система языкового законодательства, подчеркивающая важность развития и сохранения языков. В 1991 году в истории России впервые одновременно были приняты Закон о языках народов РСФСР ¹⁹⁷ и Декларация о языках народов России ¹⁹⁸. Эти законы обеспечивали гарантию языкового суверенитета каждого этноса и личности, проживающих на территории Российской Федерации как совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения. В Екатеринбурге существуют марийские этнокультурные центры, проводятся национальные вечера и дискотеки, где молодежь говорит только по-марийски. Охват этими мероприятиями составляет только около 10% проживающих в Екатеринбурге марийцев. Причиной этого явилось снижение преподавания языка в школах данных районов. Сегодня только в трех школах указанных регионов ведется преподавание марийского языка по два часа в неделю.

Марийский язык представляет собой ценность историческую, культурную и мировоззренческую. Образ мышления, запечатленный в марийском языке иной,

¹⁹⁷Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации»

¹⁹⁸Декларация ВС РСФСР от 25.10.1991 N 1808/1-1 «О языках народов России»

чем в русском и татарском. В марийский язык вошли заимствования из материальной и праздничной культур, именно в этих областях жизнедеятельности марийцы имели тесные контакты с другими народами. Но до 60-х – 70-х годов, как отмечают сторожилы, в марийском языке сохранялась его собственная мировоззренческая и духовная составляющая. Долгое время марийцы были в зависимости у хазар, татар, болгар, Золотой орды, были в унижительном положении в Российской империи, под запретом находились в XX-ом веке все традиционные верования в Советское время. Но, несмотря на сложности в деле сохранения культуры, в том числе языковой, марийцы сумели сохранить себя как единое целое. Марийцы Урала жили бок о бок с другими народами, считали нормой знание русского и татарского языков, а в Юве и Бугалыше – и удмуртского языка.

Но, к великому сожалению, нельзя не заметить, что именно сейчас, за годы постсоветского периода трансформация марийской культуры углубилась, и, в первую очередь, об этом сигнализирует незнание языка, а значит, – и традиционных культурных ценностей, выражающихся в особенностях мирочувствования, миропонимания и мироотношения.

Глава 3. КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МАРИЙЦЕВ УРАЛА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

3.1. Трансформации культуры марийцев Урала в XX – начале XXI вв.

Если до 1990-х годов основным занятием марийцев являлись земледелие, пчеловодство (включая бортничество), содержание домашнего скота, то сегодня большинство мужского населения работает вне сельской местности вахтовым методом. Это произошло в результате падения рыночной цены на мясомолочные продукты за счет импортируемой дешевой продукции, пусть даже сомнительного качества. В таких условиях содержание скота в домашних условиях становится малорентабельным. По свидетельству старожилов сел Курки (Артинский городской округ), Юва (Красноуфимский городской округ), Мари Карши (Ачитский городской округ), Сызганка (Суксунский район), количество голов крупного рогатого скота в деревенских стадах за последние 20 лет сократилось почти в 10 раз. Еще в конце 90-х годов прошлого века в стадах было около сотни голов крупного рогатого скота. Многие держали по две-три коровы и лошадей. Теперь едва ли насчитывается двадцать коров на всю деревню, и всего одна – две лошади. Реализация сельскохозяйственной продукции для не приносит ощутимый доход марийской семье [Приложение. Блок 1. Материальная культура].

Во все времена нелегкий уральский климат создавал особенности ведения хозяйств. В прошлом, в случае неурожая, болезни скота, гибели пчел, уральский мариец черпал ресурсы для проживания из леса. Поэтому в хозяйственной деятельности марийцев Урала собирательство, рыбалка и охота играли особую роль. Знание трав, их целебных свойств, принципов их сочетания являлось неотъемлемыми знаниями каждой семьи. Заготовкой лечебных трав, корней и плодов в основном занимались женщины. Согласно проведенным опросам, собирательство, рыбалка и охота, имея сезонный характер, и сегодня продолжают быть одним из существенных направлений экономической деятельности марийцев Урала. Даже городские марийцы покидают мегаполисы с целью сбора ягод и

грибов в периоды их произрастания для оптовой продажи. Как нам сообщила Информат М. К., за сезон только на сборе ягод марийская семья из четырех человек в состоянии заработать до 100 тысяч рублей. Кроме того, охота и рыбалка воспринимаются марийцами как процесс, укрепляющий связи между мужчинами в семье, между сыном и отцом [Приложение. Блок 1. Культура свободного времени].

Уменьшение значимости сельского труда привело к оттоку молодежи из сельской местности в мегаполисы в поисках работы и получения альтернативного образования. Если говорить о выборе молодыми людьми профессий, то, согласно проведенному нами исследованию, выбор приходится, в первую очередь, на педагогические вузы и колледжи и только потом – на специальности, связанные с сельским хозяйством, механикой, инженерным и лесным делом. По результатам наблюдения и опроса молодежь, в основном, перераспределяется по колледжам и вузам Перми, Красноуфимска и Екатеринбурга, а после их окончания редко возвращается в сельскую местность. Практически никто не выбирает специальности, связанные с программированием и точными науками. Видимо, причина в том, что бесплатный Интернет доступен в марийских селах лишь в школе, оплата его в частном доступе достаточно дорога и скорость предоставления услуг не соответствует современным требованиям. Современная ситуация в системе образования увеличила дифференциацию между учащимися села и города. Как считают большинство родителей и школьных педагогов, школьникам из сельской местности достаточно сложно получить высокий балл по профильной математике без привлечения профессиональных репетиторов.

Тем не менее, согласно проведенным нами социологическим исследованиям за период с 2015 по 2017 гг., в результате которых было опрошено в селах и деревнях Пермской и Свердловской областей 405 человек и исследовано 76 домохозяйств, выявлено, что трое из четверых марийцев выражают желание вернуться к традиционной хозяйственной деятельности [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. Главным критерием большинства уральских марийцев при выборе места работы является не высокая оплата, а стабильность работы (52,6%), проявляется довольно сдержанное отношение к регулярной смене рабочих мест в

погоне за высокими заработками. Молодые мари́йцы, столь сакрально относящиеся к природе, выезжают жить в городскую среду. Миграция в город оценивается противоречиво. Она воспринимается как вынужденное переселение, травмирующее психику молодежи. Подобное явление связывают с отсутствием рабочих мест [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. На основании проведенных бесед и опроса выяснилось, что возвращаются переселенцы из города по причине тяги к малой родине, к природе, к особенному образу жизни. А жители села, говорят, что и не хотят представлять иное место проживания. До сих пор в выходные, праздничные дни, дни каникул и отпусков мигрировавшая в город семья старается провести в мари́йской деревне, на сельскохозяйственных работах или за сбором ягод и грибов. Детей на каникулы также всегда отправляют в Уральские деревни, где поддерживается традиционное воспитание детей.

Считается немислимым вырастить детей без приучения к ведению домашнего хозяйства как к общему делу. В норме при воспитании подрастающего поколения уделяется внимание заботливому обращению с природными ресурсами, поклонению лесным, луговым и водным духам, божествам. Согласно проведенному опросу, педагогическая роль образовательных организаций хоть и отмечается как существенная, но она не является ведущей при формировании этнокультурных ценностей подрастающего поколения, куда важнее благополучная атмосфера в семье (хотя в мари́йских школах дети работают на пришкольном участке, сами моют классы, парты и окна, что полностью отсутствует в городской образовательной среде).

Мари́йцы считают, что гармоничного человека можно вырастить лишь в семье с двумя родителями. Хорошо, если в процессе воспитания принимают участие бабушки и дедушки и существует четкое разделение обязанностей. Многодетные семьи пользуются почетом и уважением. Вырастить детей помогает все село или деревня. Хотя современность накладывает на функционирование семьи мари́йцев Урала другие условия, но по-прежнему в семьях не меньше двух-трех детей, по-прежнему их приучают к труду, уральские мари́ уверенны, что только

при постоянных трудовых заботах, в многодетной семье способен сформироваться неэгоистичный, жизнеспособный человек.

Проблема воспитания ребенка и формирования полноценной личности напрямую связана с культурой семейно-брачных отношений. Семья расценивается как главная часть жизни человека. Кроме того, в подростковом и юношеском возрасте подрастающее поколение способно оказать посильную помощь в хозяйстве, а повзрослевшие дети смогут поддержать друг друга в беде. Такая позиция способствует упрочению семьи как рода. Психологическую поддержку и опору марийской семье, оказавшейся в трудной ситуации, оказывают родственники. Марийцы высоко ценят родство, и, часто, имеют многочисленные родственные связи. По данным проведенного опроса, можно сделать вывод, что и сегодня, присутствует традиционное почитание большой семьи так, 62 % респондента считают себя принадлежащими роду, почти 50% респондентов имеют постоянные контакты с дальними родственниками, около 30% поддерживают с ними дружественные отношения. Вспоминают друг о друге в праздники и знаменательные даты 16,5 %, и только совсем малая часть опрошенных не поддерживает никаких контактов. Сельские жители подчеркивают перемены в отношениях людей друг к другу – появление эгоизма, склочности, зависти и озлобленности. Изменение во взаимоотношениях между людьми сельские жители связывают с проникновением в жизнь рода, деревни массовой культуры, утверждающей ценность материального благополучия. 29 % марийцев признались, что с родственниками стали общаться реже, реже осуществляется взаимоподдержка и помощь. Это связывают с глобализационными процессами, влиянием масс медиа на трансформацию этнокультурных ценностей, с погоней за финансами. Тем не менее все опрошенные отметили, что взаимопомощь все же существует [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. Свою родословную опрошенные знают максимум до третьего колена, что характерно, в целом, для граждан России любого региона и, вероятно, связано с событиями Октябрьской революции.

На брачные отношения сохраняется традиционный взгляд. При рождении ребенка, как упоминалось, желательны законный брак и полная семья. При этом традиционно у уральских мари́йцев до свадьбы молодым разрешалось совместное проживание. Они должны были испытать свои чувства в быту, повседневном труде еще до зачатия ребенка. Поэтому мари́йцы не считают заключение гражданского брака источником разрушения семейных ценностей, в отличие от представителей старшего поколения других культур. Но отношение к неполным семьям у мари́йцев было всегда резко негативное. Отрицательную оценку такому явлению как матери-одиночки, чаще всего давали мужчины.

В начале XXI века взгляды на семейные роли женщин и мужчин оказались традиционными. Проведенный нами опрос показывает то, что семья уральских мари́йцев до сих пор остается традиционной семьей 73,2 % респондентов считают главой семьи мужа, 18,1% – жену (8,7% - воздержались от ответа). Важная роль в воспитании традиций, в создании устойчивых семейных отношений отводится женщине. Процент сельчан, признающих патриархальную семью, составляет – 61,3%, горожан – 54,2 %. Жена как глава семьи признается в 19 % респондентов из сельской местности и 14,1% - из городской. Мужчина, на наш взгляд, часто признаётся главой семьи формально, согласно сложившейся традиции. В реальной жизни на селе экономическая устойчивость семьи в 71% зависит от дохода женской половины. Женщины занимаются реализацией сельскохозяйственной продукции, работают в социальной-культурной сфере, ведут домашнее хозяйство. Традиционно мужчина не участвует в этих видах трудовой деятельности, предпочитая физическую работу торговле, и по-прежнему популярными остаются традиционные «мужские» профессии (механизатор, тракторист, агроном и т.п.). Неустойчивость в сельскохозяйственной экономике села приводит к росту мужской безработицы. Из вышесказанного можно сделать вывод, что ослабление позиции мужчины в семье, связано с социальной нестабильностью, которая оказывает негативное влияние на «душевный» климат этнической группы: усиливается неуверенность людей, появляется пристрастие к алкоголю и т. д., а в последние годы фиксируется рост числа суицида среди мужчин села. Все

респонденты отмечают снижение рождаемости за счет резко выросшей эмансипации женщин, высокую смертность, в первую очередь, мужского населения от алкоголизма, наркотиков, усугубляющуюся депрессию от потери трудозанятости в сельской местности.

Степень трансформационных процессов, наглядно демонстрирует национальный костюм, поэтому мы вновь обращаемся к его описанию. В сельской местности вы не найдете ни одного дома, где бы не было марийского национального костюма. Даже если комплект не вышло сохранить полностью, обязательно найдутся отдельные элементы национального одеяния.

Поэтому и сейчас можно констатировать тот факт, что национальный марийский костюм, как совокупный оберег семейного счастья, не потерял своей ценности, хотя в XXI веке ткань для национальной одежды соответствующей окраски покупается в магазинах, подбирается китайская тесьма и ленты. Одежда до первой половины XX века ткалась из конопли. Сегодня конопля уже как тридцать лет не ассоциируется с хозяйственной деятельностью и повседневной культурой марийцев Урала. Платья редко украшаются национальной вышивкой. Но символика остается, переносится в современную одежду в виде рисунков и компьютерной вышивки, тиражируется в изданиях календарей, на сайтах Интернета и т.д.¹⁹⁹. Хотя молодежь уже не носит национальную одежду и все реже внедряет ее элементы в современные костюмы, марийцы Урала гордятся своими костюмами.

Эти примеры свидетельствуют об изменении внешних основ культуры и сохранении ее ценностного ядра. Исходя из представленной ранее в нашем исследовании классификации В. И. Ионесова, культуру марийцев Урала можно назвать в настоящий момент более трансформирующейся, чем трансформационной и трансформированной, хотя наблюдаются характерные признаки и двух последних типов классификации культурной трансформации.

¹⁹⁹ Марийский оберег. Значение символов [Электронный ресурс] – URL: <http://kidsher.ru/ru/archives/455> (дата обращения: 18.05.2018).

Несмотря на положительные стороны развития этнокультуры и трансформационных изменений культуры, все-таки существуют редкие случаи отдельных представителей этногруппы, которые открыто выражают свое нежелание сохранять традиции предков. Так, например, в 2010 году в с. Курки Артинского городского округа, когда предлагался разработанный нами совместно с представителями сельских марийцев и выпускниками-модельерами РГППУ дизайн этно-формы, родители школы отказались от пошива школьной формы в национальном стиле на доступных для них в экономическом плане основаниях. Какой-либо ясной аргументации для отказа не было, лишь все отметили, что ходить в школу в обычной повседневной одежде проще и привычнее. И все же возрастание интереса к родной культуре у марийцев Урала существует. Большое значение в деле сохранения марийской культуры имеет заинтересованность местной интеллигенции, которая готова принять участие в процессе обновления родной культуры при сохранении ее традиционного ядра. Создаются многочисленные фольклорные коллективы, М. Г. Егоровой (Ачитский район, Свердловская область) разработаны уникальные программы семейного языкового обучения, этнокультурной летней лагерной смены для детей и подростков. В результате, за последние годы наметился возврат марийцев среднего возраста к традиционной культуре. Молодые активисты даже более заинтересованы в сохранении культуры, чем старшее поколение, так как осознают, что традиционное национальное отношение к семье, природе и окружению в марийской культуре создают ощущение стабильности, помогают человеку обрести внутреннюю гармонию, удовлетворенность прожитым днем, найти свое место в обществе. Все больше молодых марийцев отказываются от ориентации на западный образ жизни, создают «электронные» сообщества, строят новые дома в селах и деревнях. Здесь можно отметить, что в отличие от западной культуры и даже русской культуры нарушение межпоколенной связи в марийских семьях практически отсутствует.

Все чаще второй день свадьбы отмечают по марийским обычаям, все больший интерес проявляется к марийской национальной музыке, в Екатеринбурге уже более 15 лет функционирует молодежная марийская дискотека, куда молодежь

приходит в одежде с элементами марийской национальной символики. Это указывает на то, что подверженная сильнейшим трансформационным процессам, культура марийцев на Урале стремится к реализации развития своего ценностного ядра в современном мире.

Сравнивая реакцию на процессы глобализации и сохранения особенностей своей этнокультуры, например, у русских, проживающих на Урале, и уральских марийцев, хочется еще раз напомнить суждение Петерима Александровича Сорокина, что неправильно интерпретировать любую подлинную систему всего лишь как игрушку внешних условий и сводить объяснение изменений в ней к тому или иному внешнему фактору²⁰⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что в связи с обогащением мировой культурой, урбанизацией и унификацией как следствием цивилизационного развития Уральского региона, в современном марийском мире Урала при сохранении значительных элементов марийской культуры XIX – первой половины XX веков, наблюдаются неотвратимые изменения. В результате происходит процесс трансформации как традиционной культуры, так и «исконно марийского способа бытия».

Таким образом, культура марийцев Урала в начале XXI века находится в стадии переосмысления. Общепринятой нормой является культура луговых марийцев XIX – первой половины XX веков., о которой стало известно благодаря появившимся описаниям в научной и просветительской литературе. Возможно, некоторый чрезмерный пиар создается за счет усиленного внимания масс медиа и научных кругов к данному периоду истории марийского этноса. Сегодня возможно выделить две главные ориентации развития: это усилие по восстановлению культурных канонов прошлого и реконструкция многих обрядов, обычаев, с привнесением инноваций как в технологии, так и в интерпретации этих обычаев. Обе эти тенденции поддерживаются наличием востребованности на артефакты традиционной культуры уральских мари.

²⁰⁰ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. — М., 2006. — С. 54.

Наблюдается тенденция упрощения и театрализации в развитии традиций и обрядов с сохранением прежних смысложизненных ценностей культуры уральских мари.

В современную мари́йскую культуру внедряются цифровые технологии, новейшие достижения цивилизации, которые используются в развитии коммуникативных и хозяйственных связей. Воздействие массовой культуры на сознание населения мари́йцев приводит к неизбежной трансформации отношения данной этногруппы к традиционным ценностям собственной культуры.

Вместе с тем, мы можем все же отметить, что в сравнении с другими этническими группами малочисленных народов России, даже проживающими в своих этнических республиках и областях, этническая культура мари́йцев Урала не является более подверженной трансформационным процессам, чем другие этнокультуры России. Например, явно подтверждают это данные анализа трансформационных процессов, происходящих среди якутского населения²⁰¹. Кроме того, этничность современных русских, в окружении которых находятся мари́йцы Урала, имеет на себе более сильное влияние массовой культуры, чем культура мари. Возможность перерастания процесса этнокультурной трансформации в процесс потери культурной идентичности связан, прежде всего, с воздействием современной массовой культуры, которая создает опасность изменения ментальных характеристик культуры уральских мари́йцев.

Но, учитывая современное этап активизации процессов самоидентификации, поиска решений как со стороны финно-угорских народов Запада, так и российских, говорить о неизбежной ассимиляции мари́йцев Урала не только преждевременно, но и ошибочно. Поэтому для полного понимания современных этнокультурных процессов нельзя обойти вниманием рассмотрение особенностей их самоидентификации.

²⁰¹ Алексеева А. Н. Состояние традиционной культуры в современном якутском селе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 91-95.

3.2. Личностная самоидентификация марийцев Урала XXI века как социально-антропологическая проблема

Если идея равнозначности, тождества той или иной культуры отражается в культурологии через понятие «идентичности», то, как замечает М. А. Рожков, самоидентификация представляет собой приобретение тождества с самим собой, самоопределение²⁰². То есть не через традиции, установленные обычаи и табу индивид принадлежит к культуре своей народности, а через осознание себя в этой культуре, через сделанный им свободный выбор на основе своего прошлого и пережитого опыта. «Я – марийка, – сообщает в глубинном интервью информатор Л. К., Ачитского городского округа Свердловской области д. Марийские Карши, 53 года, повар, – все мои предки – марийцы, я общаюсь на родном языке, я его изучала в школе. Сейчас есть возможность выписывать марийские газеты. Поэтому газеты и книги мы читаем тоже на марийском языке. Мы в семье все, взрослые и дети, стараемся говорить по-марийски, соблюдаем традиции своего народа. Пока жива наша деревня, будет жить и наш язык, будет жить наша культура. А это возможность передавать культуру и язык подрастающему поколению, детям» [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. Далее жительница рассказывает историю своей жизни, подчеркивая, что именно осознание своих корней, этничности помогало ей выстоять в тяжелых, трудных ситуациях. Она вспоминала рассказы матери, бабушки, историю жизни ее отца. Самоидентификация здесь связана не только с настоящим, пережитым самой женщиной, но и с историей ее семьи, родственников, предков. Респондент И. Н. уточнила: «Я марийка, потому что мои мама и папа настоящие марийцы!» Язык моих родителей красив и нежен, слова лечат душу, помогают выстоять в беде. В русском языке порой и не найдешь таких словосочетаний, не говоря уже и про иностранные языки» [Приложение. Блок 4. Духовная культура]! Информатор д. Курки Артинского городского округа З. И. подчеркнула: «Как же я могу не осознавать себя марийкой, если я думаю по-марийски, в уме даже умножения произвожу по-марийски, значит, я и на мир

²⁰² Рожков М. А. Диалог как самоидентификация в культуре // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 330. С.75.

смотрю как марийка, по-особенному. Ведь много фраз и слов нельзя перевести дословно с марийского на русский без потери смысла, значит, и душевное состояние марийца нельзя транслировать в другую культуру без потери духовности». Таким образом, информатор З. И. уже на подсознательном, интуитивном уровне осознает значимость языка в личностном самоопределении, тесно связанного с духовными основами данной культуры. Она обращает внимание и на традиционную составляющую своей культуры. Это местные обряды и обычаи, с которыми боролись в советское время, как с проявлением религиозности. Однако такие традиции, как уважение к родителям, их советы и пример, помогающие в трудных ситуациях, незапрещенные властью, а также социально-культурные связи привели к глубокому осознанию своих корней как культурной самоидентификации. Осознание себя принадлежащей к марийскому этносу заставило, по словам респондента, углубиться в изучение основ марийской культуры, сбору фольклорных песен. Другая респондентка – И. А., проживающая в г. Екатеринбурге, преподаватель английского языка в школе, говорит, что долгое время, обучаясь в русскоязычной школе, стеснялась своей народности. Стеснялась, что ее мама и отец марийцы. Близких друзей и подруг у нее не было, сказывался привитый еще в школе комплекс принадлежности к данной культуре. Только в вузе, уже во время изучения иностранного языка, девушка обратила внимание на особенности родного марийского языка, а затем – и на особенности марийской культуры и начала их изучать. Родители поддерживали в ней этот интерес. По свидетельству респондентки, можно путем образования вернуться в лоно своей культуры.

При анализе данных интервьюирования приходим к пониманию того, что процесс самоидентификации начинается с осознания своих корней, признания и принятия тех образов и архетипов, которые проявляются через подсознание, так как в основе личностной самоидентификации лежит связь поколений, признание примера старших как авторитета в семье и обществе.

Процесс личностной самоидентификации касается и традиционной одежды. «Я горжусь, что я марийка, – повествует информатор С. Н. из тех же Курков

Артинского района Свердловской области, – у меня все платья еще от моей бабушки сохранились. И внучке я своей тоже их сшила. И дочь моя на второй день свадьбы в нашем, уральских марийцев платье была! Посмотрите на русских, где у них их сарафаны? Только в театре да на сцене. А у нас у каждого свое платье на случай и торжества, и траура есть».

Л. И. Мазур отмечает, что процесс самоидентификации связан не только с установкой на приобретение знаний о культуре, но и одновременно с выделением этой культуры на фоне иных культур и с обособлением индивида, принявшего эту культуру от представителей других культур. Автор считает, что через этот процесс происходит присвоение ценностных ориентаций ²⁰³. Так, в подтверждение сказанного другая респондентка отмечает: «Почему я марийка? Да потому что работать могу без усталости! Ни один русский так работать не может в поле, как мариец» [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. Респонденты путем сравнения приходят к осознанию различия культур и выделяют значимые для марийцев Урала ценности и личностно идентифицируют себя с ними: «Мы упрямые до работы! Пока не закончим, не уйдем», «мы с природой ближе, чем другие народности, мы слышим природу, мы живем в ней...» [Приложение. Блок 4. Духовная культура]. Респондент Л. И. в результате интервьюирования высказал свое мнение, что именно уральские марийцы смогли сберечь марийскую культуру, именно здесь обряды и обычаи менее всего трансформированы глобализационными процессами [Приложение. Блок 4. Духовная культура].

В современном обществе все чаще проявляется кризис идентичности на основе возникающего кризиса самоидентификации. На примере марийцев Урала мы можем говорить о двух выходах кризисных интенций. К первому мы отнесем полный разрыв с культурными корнями своей народности, сопровождающийся состоянием подавленности и нереализованности. Ко второму – ревизию проявлений традиционной культуры и возрождение ее на предоставляемых социумом новых основаниях. По большому счету, этот аспект личной

²⁰³Мазур Л. И. Роль самоидентификации в социализации личности [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2013. №14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-samoidentifikatsii-v-sotsializatsii-lichnosti> (дата обращения: 05.08.2017).

самоидентификации может привести к кризису этнокультурной идентичности, к переоценке существующих норм и правил, но не к гибели культуры. Рассмотрим оба направления.

Для городского жителя, представителя марийцев Урала, появляется более свободный доступ к различного рода информационным ресурсам, городская среда насыщена манипулятивными технологиями культуры потребления и возможностями легкого доступа к аспектам массовой культуры. Кроме того, невостребованность в повседневной жизни городской среды родного языка, этнокультурной символики, приписываемых традициями и обычаями норм поведения, может создать ощущение непривлекательности собственной культуры, ее ущербности и искусственного принятия другой идентичности, воспитания своих детей согласно установкам другой культуры. «Индивидуальное пересечение этнических границ, то есть смена идентичности, имеет место тогда, когда, реализуя свое обычное поведение, человек не может добиться приемлемых результатов и при этом ему оказываются доступны другие идентичности, так что сама этническая организация остается неизменной»²⁰⁴, Чаще всего такая ситуация на Урале проявляется в межэтнических браках, и, хотя Ф. Барт пишет о смене места жительства и способа экономической деятельности, сам переезд в городскую среду еще не символизирует полную потерю идентичности.

Даже если каждый считает себя вправе делать выбор, придерживаться или не придерживаться народных традиций, слушать, петь песни своей народности или нет, критически относиться к проявлениям каких-либо аспектов своей народности или принимать все, безусловно, это еще не означает отказ от личной идентификации как принадлежности к той или иной народности. Конечно, насаждение массовой культуры без возможности рефлексировать над целесообразностью принятия культуры большинства превращается в массовый кризис идентичности. В бездиалоговом культурном пространстве потребность в самоидентификации приводит к девиантному или эпатажному проявлению себя в

²⁰⁴Барт Ф. Пуштунская идентичность и поддержание ее сохранности // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей. – М., 2006. – С. 162.

социуме. Но это только модель с преувеличенными негативными интенциями. В реальной жизни культура народности имеет возможность проявить себя, вступить в культурный диалог с культурами других народностей, даже в городской среде она получает дополнительные ресурсы для своего не только проявления и закрепления, но и развития. «Самоидентификация, таким образом, является диалогом, в который вступают миры «я» и «другого»²⁰⁵.

Марийцы Урала имеют свое представительство в Свердловском областном марийском обществе «Мари», на территории Екатеринбурга функционирует три национальных коллектива, проводятся молодежные дискотеки, ставится вопрос о создании воскресной школы по изучению марийского языка. Марийцы Урала, особенно города Екатеринбурга, очень гордятся, что министр образования Свердловской области Ю. И. Биктуганов по национальности мариец, выходец из Красноуфимского района. Как показали наши исследования, городской процесс самоидентификации представителей марийцев Урала проходит как через адаптацию «продуктов глобализации» к своей культурной среде, так и через адаптацию своей культуры к требованиям информационного общества. На наш взгляд, это – не смерть культуры, не потеря самоидентификации, а кризис, который разрешается через «диалог культур», ведущий к пониманию значимости своей культуры. Такое разрешение ведет не к гибели культуры, а к ее развитию и изменению с сохранением ценностного ядра. Например, не имея возможности постоянно носить одежду марийцев Урала в повседневной жизни, молодежь использует элементы украшений, обереги, вставки народного орнамента в повседневные костюмы и платья. Большим стимулом к развитию этномоды послужили конкурсы современных этнических моделей, проходящие в г. Перми («Красное платье», «Этномода»).

В ходе культурного диалога в процессе самоидентификации индивид присваивается множественность культурных самоопределений. Так, в этнокультурном диалоге с представителями других этносов звучит гордое: «Я – мариец (марийка)». В контактах с представителями финно-угорских народов: «Я –

²⁰⁵ Рожков М. А. Диалог как самоидентификация в культуре. – С. 76.

Уральский мариец (марийка)». За рубежом можно услышать: «Мы – российские марийцы». Ранее мы уже говорили о культуре марийцев Урала как о регионально-этническом типе культуры, где региональный фактор, в котором отражается и актуализируется взаимодействие одной этнической культуры с другими культурами на данной территории, особенности природной среды и, как следствие, особенности ведения хозяйства и бытовые условия. Сейчас следует сказать, что именно региональный фактор придает силу и устойчивость личной самоидентификации марийцев Урала. Проживая в окружении татарских, русских и башкирских сел и деревень, общаясь в городской культуре с представителями различных этнических групп, в первую очередь, общим, объединяющим, дающим возможность для этнокультурного контакта, становится определяющее: «мы – уральцы». Самоидентификация на основе регионально-этнического фактора на уровне бессознательного проявления выявляется на марийских конкурсах и фестивалях федерального значения. Так марийцы Урала держатся немного обособленно от остальных марийцев, с гордостью рассказывают об особенностях быта уральских марийцев, подчеркивают различия в диалекте. Особенную гордость марийцев Урала составляют сохранившиеся и не прекращавшиеся даже в годы Советской власти религиозные традиции: ежегодные моления, обрядовая деятельность, жертвоприношения. Эти мероприятия, контакты с марийцами других регионов создали возможность высветить отличительные черты культуры уральских марийцев, дали дополнительный ресурс для самоидентификации, а, следовательно, выражения себя в своей культуре, проявив уникальность уральской марийской народности.

Диалог в межкультурном пространстве может приобретать состязательный характер. Тогда, по меткому замечанию С. Хантингтона, этническое, национальное как бы поднимается из глубины человеческого бытия, все сущностное в человеке встает на защиту этого особенного, родного, глубокого и неистребимого²⁰⁶. Уже упомянутый респондент З. И. (пенсионерка, 72 года) рассказывает, как она однажды наблюдала за подростками, смотревшими выступления народных

²⁰⁶Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004. – С. 30

коллективов Урала: башкирского, татарского, русского и даже представителей мигрировавших к нам народностей. Не представлены были только марийцы. Почему? По свидетельству З. И., возбужденная различными догадками марийская молодежь готова была создать собственный музыкальный коллектив. Этот пример говорит о том, что проведение этнокультурной направленности выставок, конкурсов, фестивалей, олимпиад регионального и федерального уровня является важным не только для самих участников и даже не столько для участников, сколько для населения тех мест, откуда эти участники, где организуются эти мероприятия, для осознания потенциальной силы своей культуры и возможностей ее проявления на различном уровне.

О том, что вопрос самоидентификации актуален для марийцев Уральского региона говорит хотя бы следующий пример. Общеобразовательной школе в Марийских Каршах грозило в 2008 году закрытие. Дело в том, что эта школа с преподаванием марийского языка, культуры и истории марийского народа осталась практически единственной в Свердловской области. И марийцы встали на защиту этнокультурного образования. Они не только писали в газеты²⁰⁷, отсылали письма в различные инстанции, а для того, чтобы увеличить численность детей, взяли во многие семьи детей из интернатов и приютов. Эти дети пополнили количество учащихся в школе и закрыть школу уже не представлялось возможным только исходя из малочисленности обучающихся. С тех пор прошло десять лет, эти дети выросли, гордятся своими марийскими семьями, многие из них освоили марийский язык, изучили историю и культуру марийцев Урала и идентифицируют себя с марийским этносом. Самоидентификация – это направленность сознания на личностную идентификацию, которая является следствием осмысленных усилий человека, а не вторичным результатом неуправляемых процессов подражания, протекционистским механизмом или итогом обучения. Для конкретной культуры в разных ее проявлениях, от повседневности до эстетически-художественных форм, самоидентификация делает возможным принятие нравов, манер и образа

²⁰⁷ Жители Марийских Каршей отстаивали национальную школу [Электронный ресурс] // Культурно-образовательный портал Эрзяньки. – URL: <https://www.erzan.ru/news/zhiteli-marijskih-karshej-otstojali-nacionalnuju-shkolu> (дата обращения 16.09.2018).

действия, вырабатывает способность улавливать настроение и чувства другого, а также соизмерять их с образцовыми для данной культуры. По мнению М. А. Рожкова именно «самоидентифицирующаяся личность» становится источником «идентификации» определенной культуры²⁰⁸. На основании сказанного выше, можно сделать вывод, что личность самоопределяется не только в культуре настоящей, но и в социально-культурном прошлом (то, что мы проследили на примерах) в результате чего обретает культурную память.

Несмотря на то, что в современном мире в процессе диалога различных культур происходят процессы ассимиляции и аккультурации, благодаря личностной самоидентификации сохраняется локальность и различие в осознании и восприятии реальности, а народность не растворяется, но испытывает процессы деформации в рамках ее культурной идентичности. Это объективный исторический процесс, о котором писал ещё Л. Н. Гумилев²⁰⁹. Географическое расположение, ландшафт сильно влияют на поведение людей и их самоидентификацию. Человек очень прочно соотносит и связывает себя с местом, где он родился и вырос, а также с той культурой, которая сформировалась на основе исторических традиций в том или ином регионе. И это остается с ним на всю жизнь на подсознательном уровне.

Так как сохранение и трансляция особенностей ценностного мира изучаемой нами этнической культуры преломляется через решение социально-культурных проблем, с которыми сталкиваются представители этого этноса, проблема личностной самоидентификации не только дискутируется среди общественных лидеров, но и приобретает остроту в повседневном бытии марийцев Урала.

3.3. Художественная культура марийцев Урала конца XX – начала XXI веков как трансляция культурной идентичности

Ценностный мир, идеалы, идеи и стремления марийцев Урала наиболее ярко отражаются в их художественной культуре. Художественная культура

²⁰⁸ Рожков М. А. Диалог как самоидентификация в культуре. С. 76.

²⁰⁹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2001 [Электронный ресурс] // Гумилев Л. Д. – URL: <http://www.ezobox.ru/gumilev-lev/books/406/read/89.html> (дата обращения 01.12.2012).

представляется нам как сущностная составляющая своеобразия духовной культуры. М. С. Каган, анализируя художественную культуру как «особую область культуры» и характеризуя ее в качестве способа человеческой деятельности, выделил в ней процессы художественного творчества, художественного восприятия и художественной критики.²¹⁰ Автор отметил, что «художественная культура представляет собой относительно автономную и самоуправляющуюся систему, поскольку в ней циркулирует специфическая, не перекодируемая идейно-эстетическая информация и поскольку все ее звенья скреплены сетью прямых и обратных связей».²¹¹

Таким образом, на основании определения М. С. Кагана мы можем резюмировать, что художественная культура представляет собой органичное сочетание как этапов, так и результатов развития духовно-практической деятельности по конструированию, выработке, передаче и популяризации творений художественного творчества. При этом в художественных образах жизнедеятельность человека воссоздается целостно²¹².

Структура же художественной культуры складывается из трех базовых составляющих. Основополагающая составляющая – это искусство; вторая составляющая представляет эстетическую сторону предметов материальной культуры; к третьей составляющей причисляются теории, изучающие художественную культуру и ее закономерности.

Учитывая мнения многих авторов о художественной культуре (Ю. М. Лотман, М. С. Каган, А. С. Кабанов, Н. Г. Михайлова, Э. М. Колчева и др.), этнической художественной культуре можно дать такое определение: Этническая художественная культура – это общность всех способов эстетической деятельности этноса, в том числе и результатов этой деятельности. В результате развития этнической художественной культуры развивается своеобразное символическое отражение реальности, присущее тому или иному этносу. Благодаря чему каждый этнос формирует собственную модель мира, отражая его в специфической знаковой

²¹⁰ Каган М. С. Избранные труды в VII томах. – СПб., 2006. – С. 95 – 121

²¹¹ Там же, с. 113.

²¹² Там же. С. 111 – 113.

форме. Этническая художественная культура проявляется в музыкальном творчестве: песнях, танцах, этническом эпосе, литературе, архитектуре, оформлении национальной одежды. В отличие от традиционной культуры художественная культура этноса наиболее подвижна, изменяема в формах своего проявления, хотя свои основания черпает из традиционной деятельности этноса и ее стержневым элементом являются этнокультурные ценности.

Следует отметить, что этническая художественная культура в своем развитии имеет ряд отличительных черт:

1. развивается при постоянном заимствовании в диалоге имеющих родственное основание культур и отражает не только духовное и материальное бытие определенного этноса, но и реагирует на этнокультурную коммуникацию;
2. проявляется среди широких слоев населения в разнообразных видах деятельности;
3. несет в себе образовательную, воспитательную, исследовательскую и изобретательскую функции, поскольку обладает свойственными ей чертами к абстрагированию;
4. представляет собой ресурс этнокультурной идентичности, межпоколенных знаний и опыта взаимодействия в социуме, соединяет старые модели проявления культуры и современные.

Музыкальное фольклорное творчество уральских марийцев представляет собой особую ценность как уникальный этнокультурный артефакт. В их фольклоре отражены и аспекты взаимодействия с тюркскими народами (мелодия порой напоминает башкирские напевы), и невзгоды жизни в борьбе с природными явлениями и неравноправным социально-политическим взаимодействием.

Так как марийцы на территории России считались неблагонадежным народом, склонным к бунту, то с XVII века им запрещалось изготовление металлических изделий, чтобы не провоцировать ковку холодного оружия²¹³.

Как констатирует И. А. Степанова, результаты данного политического противоборства отразились на последующем формировании женского костюма:

²¹³Степанова И. А. Маритўрыштö юмо-влак [Текст] = Боги в марийской вышивке. – Йошкар-Ола, 2017. – 151 с.

обереговые украшения из металла почти повсеместно заменялись обереговой символической вышивкой. Таким образом, марийская вышивка была подчинена строгим символическим, сформированным прежде в металле, канонам. Вышитые обереги располагались на одежде в тех местах, где прежде были металлические пластины, броши, заклепки, защищая значимые для продолжения рода части тела, обеспечивая силу и ловкость мужчине, мирное сосуществование рода.

Но уже во второй половине двадцатого века значение оберегов теряется. Взаимодействие с советской культурой, не только отрицающей магические обряды, но и запрещающей любое упоминание о них, приводит к некоторому забвению роли обереговой вышивки. В костюмах уральских марийцев начинают присутствовать не только геометрические мотивы, но и заимствования из тюркских и русских костюмов, такие как растительный (цветочный) орнамент. Причем этот орнамент располагается в тех же местах, где обязана быть обереговая символическая вышивка.

В конце XX-го – начале XXI вв. повсеместно просыпается новый интерес к этномоде. Орнаменты копируются, расшиваются или печатаются на современных костюмах. Вышивка, вязание и другие направления прикладного искусства как вида художественной культуры, получают новый стимул для своего развития. При полевых исследованиях 2019 г. в Суксунском районе Пермского края, в Ачитском, Артинском, Красноуфимском округах Свердловской области было выявлено, что женщины, имеющие платья с этнической вышивкой, зачастую прибегали к ней лишь на основе интуитивного, мы бы сказали, архитипичного предпочтения данных орнаментов другим, не подозревая об их значении. В конце XX – начале XXI веков марийским орнаментом на Урале украшается не только одежда, но и расшиваются наволочки, скатерти, покрывала. Даже верх валенок и сапог мог быть украшен марийскими оберегами. Показателен в этом случае фестиваль этномоды, проходивший в г. Перми в 2009 году в рамках фестиваля «Камва», где были представлены расшитые модели марийской одежды, орнамент выполнял лишь декоративную функцию.

Марийский орнамент в смешении с растительным тюркским орнаментом можно увидеть запечатлённым на воротах при въезде в современный сельский дом (Например, дом И. П. Кузьмина в д. Марийские Карши Ачитского района Свердловской области). Только в д. Васькино Суксунского района Пермского края нам удалось найти над въездными воротами дома символ солнца, который выполнял береговую функцию.

Но уже во втором десятилетии XXI века можно отметить, что с общей заинтересованностью этнокультурами и историческим прошлым народов, просыпается интерес к пониманию значения марийских береговых символов. Возможно, данный интерес был спровоцирован массовой культурой с ее новомодным ориентиром на атрибуты мистического прошлого. Но, так или иначе, в настоящее время, сформировавшаяся к концу XX века эклектическая уральская вышивка марийских костюмов, совмещающая в себе элементы финно-угорского, тюркского и русского орнаментального искусства, уступает место марийской береговой вышивке, распространяющейся через календари, справочники, журналы и т. п., выпускаемые издательствами Марий-Эл. Сельские вышивальщицы, руководители фольклорных коллективов досконально изучают значение марийских символов и берегов. Таким образом, магическое, береговое значение марийской вышивки приобретает вторую жизнь.

Не избежало трансформации и песенное творчество. Если среди фольклорных сельских музыкально-танцевальных коллективов поются собранные по крупицам песни марийцев Урала прошлых веков, то среди молодежи бытует эстрадная танцевальная музыка, пришедшая на Урал из Марий-Эл. Например, произведения современных марийских авторов, таких как В. Кульшетова, Э. Архиповой, С. Шакирова, написаны для сценического исполнения с использованием современных средств и приемов. Именно под эту музыку в Екатеринбурге проходят марийские молодежные дискотеки. Музыкальные произведения уральских марийцев прошлых веков выступают в данном случае лишь в качестве эталона для современного музыкального искусства, привлекая

внимание исследователей фольклора из Финляндии, Эстонии, Венгрии (А. Кережи (Венгрия), О. Йщхайя (Финляндия), Ю. Митцко (Эстония)).

Учитывать вышеизложенное изучение развития взаимосуществования современной массовой и этнической музыкальной художественных культур среди марийской молодежи Урала важно для понимания способов ее сохранения и воплощения в актуальной для молодежи композиторской, вокальной и просветительской деятельности. Наряду с этим, как отмечает С. А. Исаева, финно-угорская музыкальная культура представляет собой артефакт в художественной культуре, вбирающий в себя исследовательское, просветительское, воспитательное и творческое начала²¹⁴.

Песенно-инструментальное творчество современных марийцев Урала опережает развитие других видов их художественной культуры. Попытки заявить о себе представительнее, чем только на финно-угорском уровне, народная музыкальная культура мари развивается одновременно в двух направлениях:

- успешные выступления фольклорных ансамблей на различных фестивалях (в Венгрии, Эстонии, Финляндии, Франции), показы народного фольклорного музыкального творчества на праздниках и конкурсах местного значения, пропагандирующие образцы традиционного музыкального творчества марийцев;
- современная музыкальная художественная культура, заимствованная уральскими марийцами из Марий-Эл.

Особое внимание привлекает такое направление в художественной культуре уральских марийцев, как создание этнических кукол. Куклы изготавливаются специально для выставок, для лекций, музеев, на продажу. Данное направление художественной культуры разделилось на две составляющие: производство сувенирной куклы и обереговой. Как правило, сувенирные куклы предстают в тщательно подобранном в стиле уральских марийцев этническом костюме. Основное внимание здесь уделяется костюму и его деталям. Задача данного

²¹⁴ Исаева С. А. Финно-угорская музыкальная культура в научно-образовательной и художественно-творческой деятельности мордовского государственного университета [Электронный ресурс] // Регионология. 2015. №2 (91). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finno-ugorskaya-muzykalnaya-kultura-v-nauchno-obrazovatelnoy-i-hudozhestvenno-tvorcheskoy-deyatelnosti-mordovskogo-gosudarstvennogo> (дата обращения: 06.07.2019).

изделия расширить знания об особенностях костюма уральских марийцев, его функциональных качествах. В селе Юва Красноуфимского городского округа Свердловской области Розой Андреевой создана коллекция из более пятидесяти костюмированных кукол²¹⁵.

Обереговые куклы помогают глубже понять основы духовной культуры уральских марийцев. По изготовлению обереговой куклы проводятся мастер-классы, читается лекционный материал. Так, коллекция обереговых кукол собрана в библиотеке Дома Творчества д. Верхнего Потама Ачитского городского округа Свердловской области. Создательница коллекции Ирина Алексеевна Яшкина изучает не только принципы изготовления обереговой куклы, ее предназначение, но и свойства материалов, из которых данная кукла изготавливалась. «Кукольное» творчество приняло такую известность, что теперь трудно найти на селе дом, где не поселилась бы обереговая жительница.

В соответствии с вышесказанным, современное состояние этнического и профессионального творчества марийцев Урала допустимо определить как паритетную, «компромиссную» совместимость традиционного и инновационного, базирующуюся на современных канонах восприятия и трансляции этнокультурных ценностей.

Изобразительное искусство также является частью художественной культуры, в первую очередь, — это живопись и художественная фотография. Марийское изобразительное искусство реализуется как в живописи отдельно, так и в оформлении интерьера картинами и художественными фотографиями. На Урале изобразительное искусство мари начало складываться только ко второй половине XX века. Большое влияние на зарождение марийского изобразительного искусства оказало образование. При этом архетипичность художественного восприятия диктовала марийцам сюжетную линию, связанную с природой, где природа

²¹⁵ Грашин Р. Жительница села Юва Красноуфимского округа устроила в своём доме музей марийского костюма [Электронный ресурс] // КСК66. Красноуфимск Онлайн [сайт] - URL: <https://ksk66.ru/2019/12/10/%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0-%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B0-%D1%8E%D0%B2%D0%B0-%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%83%D1%84%D0%B8%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE/> (дата обращения 15.12.2019).

представлена в качестве ведущей в сюжетной линии произведения. Она одухотворена. Почти на каждой картине – река. Река выступает в качестве динамического архетипа, символа перехода в другие миры, символа изменчивости судьбы, несущей радость и горе. Это произведения живописи З. И. Яметовой, П. В. Петрова, А. В. Егорова. Сегодня нет в сельской местности Урала марийского дома, где бы на стенах не были представлены картины (или художественные фотографии) с изображением леса и реки. Таким образом, изобразительное искусство гармонично вошло в художественную культуру уральских марийцев и продолжает повсеместно развиваться. И все-таки, изобразительное творчество у уральских мари почти не развито, если не считать деятельность художника Эчика Барцева²¹⁶ и его наивное искусство, которое служит, скорее всего, отражением связи уральских мари с культурой марийцев из Марий-Эл.

Итак, художественная культура марийцев Урала – это тот пласт культуры, который помогает нам воссоздать истинный, сущностный дух и собственную культурную идентичность представителей данного этноса.

Практически все предметы быта, хозяйствования, одежда и т.д. в традиционной культуре несут как на себе (в виде рисунков, вышивок, символов, знаков и т.д.), так и собой (в системе деятельности) особое значение, играя свою роль в общей картине мира и естественным образом отражаясь на самосознании человека²¹⁷. Вещи становятся особо значимыми (оберег, ладанка, семейная реликвия и т.д.) в жизни человека, формируется система оберегов, имеющая символическое значение сохранения родного и отторжение от «чужого и враждебного»²¹⁸. По выражению В. С. Мухиной, «Мир вещей – мир человеческого духа: мир его потребностей, его чувств, его образа мышления и образа жизни»²¹⁹.

²¹⁶ Бобрихин А. А., Граматчикова Н. Б. Вербальные и визуальные нарративы наивных художников // Шаги-Steps. 2019. Т. 5. № 2. С. 211-239.; Бобрихин А. А. Марийская идентичность в наивной живописи Эчика Барцева [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. С. 171–175. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/65105.htm>.

²¹⁷ Белецкая Е. А., Яковлева Л. В. Воздействие народной художественной культуры на самосознание личности [Электронный ресурс] // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. №3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-narodnoy-hudozhestvennoy-kultury-na-samosoznanie-lichnosti> (дата обращения: 07.10.2017).

²¹⁸ Мухина В. С. Возрастная психология. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – С. 18.

²¹⁹ Там же.

При изменении функциональных предметов и появлении принципиально новых вещей, окружающих человека, естественно, меняется его жизнь, меняются его представления о себе, других, мире. Меняется также система получения информации, способы коммуникации, ритм и образ жизни – меняются традиции. Все возрастающую роль в современной жизни играют СМИ, через которые человек сегодня не только получает необходимую ему информацию (новости), но и черпает из них поведенческие стереотипы, ценности, идеалы и многое другое²²⁰.

Художественная культура марийцев Урала закрепляет реликтовые формы социального опыта, сохраняет и развивает ценностные аспекты их бытия. В старину вся жизнь людей строилась на основе традиций, а сама культура – неписаный свод законов его создателей и носителей. Это образ их жизни, мировоззрения, мышления и нравственности²²¹.

Сегодня с изменением образа жизни именно художественная культура помогает найти традиционной культуре выход из, казалось бы, сложившейся «тупиковой ситуации» для ее реализации. Таким образом, вновь обращаясь к М. С. Кагану, подчеркнем, что художественная культура предоставляет способ оптимального согласования этнокультурных традиций с характером и потребностями современной общественной жизни²²². Деятельностное проникновение в художественную культуру этноса актуализирует этнокультурную идентичность, помогает выявить способы ее самовыражения в духовном и материальном аспектах.

²²⁰ Белецкая Е. А., Яковлева Л. В. Воздействие народной художественной культуры на самосознание личности. Там же.

²²¹ Там же.

²²² Каган С. М. – С. 238

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного культурологического исследования, включающего собранный автором работы социологический материал, приходим к следующим выводам:

Во-первых, этот анализ дает возможность охарактеризовать принадлежность культуры марийцев Урала к определенному типу;

Во-вторых, анализ их культурной идентичности в совокупности всех ее элементов необходим в методологическом плане не только для понимания качественной характеристики степени трансформационных изменений культуры этноса, оценивания его жизнеспособности в современном мире, но и для поиска ответа на вопрос о возможности и способах сохранения этой культуры.

В исследовании была сделана попытка обосновать, что культурная идентичность марийцев Урала характеризуется уникальным ценностным миром, который представлен как смысложизненные ценности, являющиеся духовным ориентиром развития их культуры. Смысложизненные ценности марийцев Урала рассмотрены в контексте ценностного мира финно-угорских народов Западной Европы, что позволило отметить их существенное различие.

В результате социологических исследований последних лет, проводимых в нашем исследовании, обращается внимание на те факты, которые доказывают, что хотя традиционные ценности до сих пор присутствуют в мировоззрении финно-угорских народов Западной Европы (это объясняет некоторую обособленность финно-угорских стран Европы в Западноевропейском мире), но они подвержены сильной трансформации, особенно у венгров. Хотя на Западе и наблюдается некоторое отчуждение по отношению к природе, что выявляется, например, при организации экологического туризма как феномена культуры потребления, тем не менее, даже там основным стержнем традиционных ценностей является, в разной степени выраженная, экологическая доминанта. В итоге можно сделать вывод, что близость к природе, ориентация на сельскохозяйственную деятельность в той или иной степени свойственна всем финно-угорским народам. Но, в отличие от своих

западноевропейских сородичей, уральские мари́йцы не потеряли «девственного» отношения к природе, гармоничного с ней сосуществования. В их мировоззрении человек и природа воспринимаются как единое целое, что, вероятно, связано с сохранением их религиозных верований.

На основе демографических данных в исследовании проанализированы также трансформационные процессы семейных ценностей западноевропейских финно-угров. Доказано, что снижение рождаемости говорит о тенденции к исчезновению этносов. У уральских мари́йцев основные смысложизненные ценности – семейные. Эти смысложизненные ценности, преломившись через традиции и обычаи, являются наиболее ярким отличительным признаком мари́йцев Урала и придают уникальность их культуре. Уменьшение численности мари́йцев Урала связано не столько со снижением рождаемости, сколько с потерей их этнокультурной идентичности при вынужденном изменении места жительства и включенности в процесс урбанизации, а с ним — и ассимиляции.

Своеобразие культурной идентичности мари́йцев Урала выражено в их натурфилософских взглядах, их вере (народной религиозности), бережном отношении к семье и односельчанам. Народная религиозность и обрядовая деятельность характеризуется присутствием таких ценностных аспектов их культуры, которые противодействуют культуре потребления, разрушающей личностную целостность, дают возможность свободного и целостного развития личности в ее полной гармонии с природой. Сохранение традиционных ценностей и религиозных верований позволили мари́йцам сберечь такой духовный компонент их культурной идентичности, как «экологическое восприятие мира и экологическое мышление». Это выражено, в первую очередь, в том, что в культуре мари́йцев Урала отсутствует жажда накопительства и чрезмерного потребления.

Одним из стержневых элементов культурной идентичности мари́йцев Урала является сохранение и развитие мари́йского языка. До 60-х – 70-х годов, как отмечают старожилы, в языке мари́йцев Урала сохранялась его собственная мировоззренческая и духовная составляющая в первозданном виде. В исследовании выявлено, что именно за последние 30 лет усилилась деформация

основ этнокультурной идентичности, по причине незнания родного языка, а значит, — и традиционных ценностей культуры, выражающихся в особенностях мирочувствования, миропонимания и мироотношения. Марийские слова заменяются русскими, которые до конца не передают того эмоционального мира, который характерен для марийского мироотношения и мировосприятия. Таким образом, теряется эмоциональная, эстетическая и психологическая особенность восприятия, которая присуща только марийцу.

Учитывая современную активацию процессов самоидентификации, поиска решений как со стороны финно-угорских народов Запада, так и российских мари, доказано, что говорить о неизбежной полной ассимиляции марийцев Урала не только преждевременно, но и ошибочно.

Своеобразие менталитета марийцев Урала выражено не только как бережное и возвышенное отношение к природе, что отмечается у мари всех регионов, но и отношениями между сельчанами, оценочными реакциями на инновационные процессы современного мира, вновь вводимые государственные реформы. Все это свидетельствует о сохранении до XXI века особого типа ментальности, заложенной в марийской культуре и сыгравшей значительную роль в сохранении культуры уральских марийцев как культуры регионально-этнического типа в условиях иных культур, революций и модернизаций.

В работе сделан вывод, что на культуру марийцев Урала влияли не только языческие верования и мифология, сложившиеся на этапе этногенеза, но и культурное взаимодействие с уральскими (тюркскими и славянскими) поселениями, а также специфика социально-культурного развития уральского региона и особенности природно-географической среды. Традиции, нормы и образ жизни марийцев Урала при смене места локации трансформируются под воздействием регионального фактора так, чтобы обеспечить жизнедеятельность этнокультурной общности как реализацию духовных основ, сформировавшихся в их культуре в период этногенеза.

В проведенном исследовании анализируются языковые изменения, о чем свидетельствует присутствие тюркских и славянских компонентов в языковых

формах марийского языка, а также в национальной одежде мари, обрядах и обычаях, на основании чего был сделан вывод о культурном диалоге этих народов.

Влияние природно-географического фактора осмыслено в работе на примере повседневной культуры и стереотипов хозяйственной деятельности. Несмотря на заимствования, духовные ориентиры культуры марийцев Урала, сформировавшиеся как древние языческие верования и предания, проявляющиеся в народной религиозности и фольклоре, были сохранены. В результате в исследовании сделан вывод, что региональность являлась внешним фактором, повлиявшим на трансформацию особенностей марийской культуры.

Трансформационные процессы культурной идентичности марийцев Урала в конце XX – начале XXI вв. явились неизбежными и предопределенными изменениями не столько природной средой, сколько влиянием массовой культуры, социальными процессами стандартизации и унификации. Вследствие же проведенных исследований есть основания констатировать на современном этапе усиление интенсивности трансформационных процессов, затронувших культурную идентичность марийцев Урала.

В результате проведенного исследования сделан вывод, что их этническая картина мира марийцев Урала не является неизменной, а трансформируется под воздействием внешнего мира, и здесь важно сохранение не самой этнической картины мира в ее первозданном виде, а сохранение интенциональности развития ценностных ориентиров, обеспечивающих жизнеспособность их культурной идентичности.

На основании исследования личностной самоидентификации современных марийцев Урала, можно выделить такие её качества, как чувство собственного достоинства, чувство личной ответственности за сохранение и утверждение этнокультурных ценностей. Однако, среди молодежи выявлено, что эти качества ослабевают, что, вероятно, связано с довлеющим воздействием массовой культуры, процессами стандартизации и унификации, вынужденными переселениями в поисках работы. Таким образом, губительным для культуры марийцев Урала является не проживание в окружении русского населения, а влияние социально-

экономических факторов, привнесенных вместе с массовой культурой и глобализационными процессами.

Поскольку в марийской культуре такая сфера деятельности как сельское хозяйство является традиционной, то развивая различные виды сельскохозяйственной деятельности, марийцы Урала имеют возможность укрепить ценностные аспекты своей культуры, сохранить этнокультурную идентичность.

Неотъемлемым инструментом не только сохранения, но и развития и реализации этнокультурной идентичности в условиях глобализации становится художественная этнокультура. Через художественную этнокультуру проявляются архетипы коллективного бессознательного, обеспечивающие культурную преемственность и трансляцию ценностного мира марийцев Урала.

Рекомендации и перспективы дальнейшей разработки. Продолжение данного исследования может быть осуществлено:

во-первых, учитывая то, что язык этноса является кодом его культуры, через обращение к методам лингвокультурологии, языковых особенностей марийцев Урала;

во-вторых, посредством анализа трансформации художественной культуры марийцев Урала под влиянием процессов глобализации и массовизации современной культуры. Данное исследование может быть реализовано через изучение сельской клубной и выставочной деятельности, художественной самодеятельности;

в-третьих, посредством продолжения социологических исследований села в ключе анализа фермерской деятельности марийцев Урала;

в-четвертых, через обращение к методологии ономастики при исследовании культурной идентичности марийцев Урала.

Дальнейшая практическая реализация данного исследования видится в создании этнокультурных смен, языковых школ, продолжении ведения выставочной и клубной деятельности с последующим мониторингом достигнутых результатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Нормативно-правовые акты**

1. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих в Свердловской области» на 2014–2020 годы. Комплексная программа Свердловской области: постановление Правительства Свердл. обл. от 02 марта 2016 г. № 137-ПП.
2. Основы государственной культурной политики: Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014.
3. Декларация ВС РСФСР от 25.10.1991 N 1808/1-1 «О языках народов России».
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».
5. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации».
6. Национальный проект «Культура» 2019-2024 гг. Утвержден 24.12.2018. Вступил в действие 01.01.2019.

Однотомные издания, монографии

7. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие. — М.: Флинта, 2010. — 288 с.
8. Антонов А. И. Причины и последствия депопуляции в России // Почему вымирают русские. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — С. 35–55.
9. Бабаков, В. Г. Национальное сознание и национальная культура: (Методол. проблемы) / В. Г. Бабаков, В. М. Семенов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — Москва: ИФРАН, 1996. — 70 с.
10. Бакетов В.Б. Алексеева З.В. Сторона моя родная. — Красноуфимск: ГУП «Красноуфимская типография», 2009. — 464 с.
11. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. От прошлого к будущему. — 804 с.

12. Барт Ф. Пуштунская идентичность и поддержание ее сохранности // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей. — М.: Новое издательство, 2006. — 162 с.
13. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Худож. лит., 1990. — 541с.
14. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Издательство «Весь мир», 2004. — 188 с.
15. Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. Т. 1. — М.: Университетская книга, 1997. — С. 271 – 284.
16. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995. — 323 с.
17. Бердяев Н. А. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — 428 с.
18. Личность, культура, этнос: Современная психологическая антропология / Под общ. ред. А. А. Белика. — М.: Смысл, 2001. — 555 с.
19. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла. [Сб. эссе] / Жан Бодрийяр; [Пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской]. — М.: Добросвет, 2000. — 257 с.
20. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное = *Les structures du quotidien: le possible et l'impossible*. — М.: Весь мир, 2011. — XL, 551 с.
21. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. — М.: Наука, 1983. — 412 с.
22. Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Том I—II / Пер. с нем. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 752 с.
23. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. Социо-Логос. Вып. 1, Общество и сферы смысла. — М.: Прогресс, 1991. — С. 17 — 23.
24. Васильев В. М. Материалы для изучения верований и обрядов народа марий / В. М. Васильев. — Краснококшайск: Маробиздат, 1927, — 127 с.

25. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / М. Вебер; Сост., общ. ред. и послесл. [с. 736-769] Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено [с. 5-41; Комментар. А. Ф. Филиппова]. — М.: Прогресс, 1990. — 804 с..
26. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1990. — 439 с.
27. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: Ист-Вью, 2002. — 352 с.
28. Венгерский гений: венгры, как они видят себя, Венгрию, свое место в истории и современном мире: [сборник эссе] / [пер. с венг. О. А. Володарской, Д. Ю. Анисимовой], — М.: Логос, 2011. — 416 с.
29. Гадамер Г. Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5-36] Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 699 с.
30. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. — 541 с.
31. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. — М.: Библиотека РУСАЛа, 2007. — 128 с.
32. Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель; пер. Г. Шпета. — М.: Акад. проект, 2008. — 767 с.
33. Герушинский Б. С. Менталитет и образование: Учеб. пособие для студентов / Гершунский Б. С.; Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т. — М.: Ин-т практ. психологии, 1996. — 142 с.
34. Гирц К. Г. Интерпретация культур / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 560 с.
35. Глухова Н. Н., Глухов В. А. Системы ценностей финно-угорского суперэтноса. — Йошкар-Ола: Стринг, 2009. — 276 с.

36. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. под ред., с предисл. [с. 5-33, и примеч.] Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
37. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
38. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – М.: АЙРИС-пресс, 2016. – 318 с.
39. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 395 с.
40. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 349 с.
41. Гуревич А. Я., Вовель М., Пожанский М. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ.ред. Я. Ферра и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. – 459 с.
42. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: «Индрик», 1993. – 328 с.
43. Гуревич П. С. Философия культуры. – М.: АО «Аспект-пресс», 1994. – 314 с.
44. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008 — 816 с.
45. Демографическое будущее России / Под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. – М.: Права человека, 2001. – 56 с.
46. Дробижева Л. М. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России. — М.: Институт социологии, 1998. — 385 с.
47. Закс Л. А. Проблемы философской антропологии и философии культуры. Альманах. Екатеринбург. УрГЮА. 1999. 284 с.
48. Закс Л. А. Развитие России как проблема культуры // Российская культура на рубеже пространств и времен. — Екатеринбург: Издательство ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина», 1998. — 342 с.
49. Закс Л. А. Художественное сознание. — Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. — 212 с.

50. Зигмунд Ф. Психология масс и анализ человеческого «я» [Текст]: сборник: [16+] / Зигмунд Фрейд; [перевод с немецкого А. Н. Анваера]. — Москва: АСТ, сор. 2017. — 253 с.
51. Зыков И. В. Религиозные течения среди марийцев [Текст] / И. В. Зыков. — Нижний Новгород: Огиз — Нижегородское краевое издательство, 1932. — 50 с.
52. Иванов А. В. Новый опыт «метафизики всеединства». — Барнаул: Пять плюс, 2017. — 364 с.
53. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. — 218 с.
54. Иванова Е. В. Ведьмы: Науч. сказ об архетипах жен. поведения. — Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. ун-та, 2002. — 128 с.
55. Иванова Е. В. Культурология: мифологические смыслы современной культуры. — Екатеринбург: Изд-во Уральского института фондового рынка, 2015. — 122 с.
56. Иванова С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. — Уфа: РИО БашГУ. 2004. — 152 с.
57. Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал: Избранные статьи по философии и эстетике. — М.: Искусство, 1984. — 349 с.
58. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. — М.: Русская книга, 1993. — 496 с.
59. Ильин И. А. Основы христианской культуры / И. А. Ильин; под ред. Л. М. Сурис. — М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. — 55 с.
60. История ментальностей, историческая антропология: Зарубеж. исслед. в обзорах и реф. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманитар. ун-т., — М.: Б. и., 1996. — 254 с.
61. Каган М. С. Проблема «Запад-Восток» в культурологии: Взаимодействие худож. культур. — М.: Наука: Восточная литература, 1994. — 160 с.
62. Каган М. С. Философская теория ценности / М.С. Каган. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. — 205 с.

63. Каган М. С. Эстетика как философская наука: Университетский курс лекций. — СПб.: Петрополис, 1997. — 543 с.
64. Капкан М. В. Культура повседневности. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 108 с.
65. Касьянова К. О русском национальном характере. — М.: Институт национальной модели экономики, 1994. — 267 с.
66. Кемеров В. Е. Восток и Запад: судьба диалога. — Екатеринбург: УралНАУКА, 1999. — 160 с.
67. Коган М. С. Культура — философия — искусство (Диалог). — М.: Знание, 1988. — 64 с.
68. Кон И. С. Открытие "Я" [Текст]. — Москва: Политиздат, 1978. — 367 с.
69. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. — М.: «Политиздат», 1984. — 151 с.
70. Коротаев В. И. Судьба «русской идеи» в советском менталитете (20-30 годы). — Архангельск, 1993. — С. 109.
71. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: Утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей. — М.: Экономика, 1993. — 401 с.
72. Кузнецов С. К. Остатки язычества у черемис // Святыни. Культ предков. Древняя история. — Йошкар-Ола, 2009. — 704 с.
73. Культура диалога культур: постановка и грани проблемы: [на основе материалов международной научной конференции (Москва, май 2015 г.). — Москва: Канон+ РООИ "Реабилитация", 2016. — 447 с.
74. Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. — СПб.: Европейский Дом. 1997. — 392 с.
75. Лебон Г. Психологические законы эволюции народов // Культура в современном мире: опыт и проблемы решения. Вып. 5. — М.: РГБ, 2003. — С. 41 – 60.
76. Лебон Г. Психология толпы // Психология толпы. Сборник работ. — СПб.: Макет, 1995. — 311 с.

77. Левикова С. И. Фейблман Д. К. Типы культуры: Перевод // Антология исследований культуры. Т. 1. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 203 – 224.
78. Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. – М.: Культур. инициатив. СПб.: Университетская книга, 2000. – 415 с.
79. Леви-Стросс К. Мифологии. – М., СПб.: Университетская книга, 2000. – 461 с.
80. Леонтьев А. Н. Философия психологии: Из научного наследия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 228 с.
81. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций / Д. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 1992. – 17 с.
82. Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 1232 с.
83. Лихачев Д. С. Раздумья о России. – СПб: Изд-во ЛОГОС, 2001. – 672 с.
84. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский; [Вступ. ст. А. И. Титаренко, с. 5-22]. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.
85. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010. – 703 с.
86. Лотман Ю. М., Непредсказуемые механизмы культуры. – Таллин: TLU Press, 2010. – 232 с.
87. Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
88. Марий кумалтыш мут = [Марийские молитвы-заклинания] [Текст] / Н. С. Попов ямд. – Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во, 1991. – 255 с.
89. Маслихин В. Д. Диалектика общего и особенного развития марийского народа в условиях многонационального общества: монография / А. В. Маслихин. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. – 200 с.
90. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Academia, 2004. – 202 с.
91. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. А. М. Татлыбаевой. – СПб.: Евразия, 1999. – 480 с.
92. Маффесоли М. Околдованность мира, или Божественное социальное // Социо-Логос / Пер. с англ., нем., фр. / Сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 274-283.

93. Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения: Сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т, Ин-т человека, Каф. философии; [Редкол.: А. А. Разин (отв. ред.) и др.]. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. – 125 с.
94. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). – М.: Имидж – контакт, 1997. – 478 с.
95. Мид Д. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль / сост. Е. И. Кравченко. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 121 – 122.
96. Милуков П. Н. Национальный вопрос. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2005. – 158 с.
97. Минюшев Ф. И. Социология культуры: учеб. пособие для вузов / Ф. И. Минюшев. 2-е изд., испр., доп. – М.: КДУ, 2009. – 253 с.
98. Монтескье Ш. Избранные произведения: перевод. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 799 с.
99. Мурзина И. Я. Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал. Монография. – М.: Издательство Перо, 2014. – 197 с.
100. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. – М.: Академия, 2004. – 452 с.
101. Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Монография. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. – 268 с.
102. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 1. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – 945 с.
103. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне, Коми-пермяки, Марийцы, Мордва, Удмурты. - М: Наука, 2000. - 579 с.
104. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Госкомстат РСФСР, 1990. – 747 с.
105. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры: Теория и практика / М. А. Некрасова. - М. Изобразит. искусство, 1983. - 343 с.

106. Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья: (По археол. материалам): [Монография] / Т. Б. Никитина; Марийс. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории им. В. М. Васильева. – Йошкар-Ола, 2002 (ГУП Марийский полигр.-издат. комб.). – 430 с.
107. Новиков С. С. Восточные марийцы. Философия, история, люди. Т. 4. – Йошкар-Ола: ГУП «Газета «Марий Эл», 2011. – 308 с.
108. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве: Сборник. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.
109. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – 592 с.
110. Очерки русской народной культуры / отв. ред. и сост. И. В. Власова; Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М.: Наука, 2009. – 786 с.
111. Платонов Ю. П. Этнический фактор. Геополитика и психология. – СПб.: Речь, 2002. – С.304 – 485.
112. Потебня А. А. Слово и миф / А. А. Потебня; [Сост., подгот. текста и примеч. А. Л. Топоркова; Предисл. А. К. Байбурина; Журн. «Вопр. Философии» и др.]. – М.: Правда, 1989. – 622 с.
113. Потебня А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2007. – 248 с.
114. Почему вымирают русские: Послед. шанс / [Под общ. ред. И.В. Бестужева-Лады]. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 282 с.
115. Приветствие Главы Республики Коми В. А. Торлопова участникам III Всероссийской конференции финно-угроведов г. Сыктывкар, 1–4 июля 2004 г. // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2005. 624 с.
116. Пушкарев Л. Н. Понятие «менталитет» в современной зарубежной историографии // Российская ментальность: методы и проблемы изучения / Отв. ред. А. А. Горский, Е. Ю. Зубкова. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. С. 78-93.

117. Пушкарев Л. Н. Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.): Сб. ст. / Рос. АН, Ин-т рос. Истории. – М.: ИРИ, 1994. – 206 с.
118. Российский менталитет: история и современность: Сб. науч. тр. / Санкт-Петербург. гос. инж.-экон. акад.; [Редкол.: А. А. Резник (отв. ред.) и др.]. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. инж.-экон. акад., 1993. – 111 с.
119. Сануков К. Н. Финно-угорские народы России: прошлое и настоящее / К. Н. Сануков; М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО «Марийский гос. ун-т», Ист. фак. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2011. – 191 с.
120. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского / В. В. Розанов; Под общ. ред. А. Н. Николюкина; [Комментарии А. Н. Николюкина и др.]. – М.: Республика, 1996. – 701 с.
121. Сапин А. И. Илыш савыртыш: ойлымаш, повесть [Повороты жизни: повесть и рассказы]. Йошкар-Ола. 2004. 112 с.
122. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменол. онтологии. – М.: ТЕРРА-Кн. клуб: Республика, 2002. – 638 с.
123. Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради». 2003. – 776 с.
124. Сепеев Г. А. Восточные марийцы: Ист.-этногр. исследование материальной культуры (середина XIX - начало XX вв.). – Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во. 1975. – 247 с.
125. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 656 с.
126. Смирнов И. Н. Черемисы: историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1889. – [4], II, 265 с.
127. Соловьев В. Оправдание добра. Соч в 2-х т. т. I. – М.: Мысль. 1988. – 892 с.
128. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М: Астрель, 2006. – 1176 с.
129. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 316 с.

130. Степанова И. А. Маритүрыштö юмо-влак [Текст] = Боги в марийской вышивке. – Йошкар-Ола: Стринг, 2017. – 151 с.
131. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
132. Тейлор Э. Б. Первобытная культура. // серия «Библиотека атеистической литературы». – М.: Издательство политической литературы. 1989. – 931с.
133. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. – М.: Рольф, 2002. — 592 с.
134. Тойнби А. Дж., Хантингтон С. Ф. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: Алгоритм, 2016. — 288 с.
135. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 519 с.
136. Трубина Е. Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности. – Екатеринбург: Ин-т философии и права, 1995. – 150 с.
137. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1064 с.
138. Философские сюжеты Эрика Эриксона: переводы работ американского психоаналитика) / под общ. ред. П. С. Гуревича. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. – 416 с.
139. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сб. науч. тр. / [Редкол.: Струкова Т. Г. (отв. ред.) и др.]. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002 (Тип. ВГУ). – 647 с.
140. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра: [монография] / [Конюхов А. К. и др.; отв. ред. А. К. Конюхов]. – Сыктывкар, 2008. – 271 с.
141. Финно-угорский проект: мат. сессий «Проекта по обучению представителей неправительственных организаций финно-угорских народов» / Под ред. А.К. Конюхова. – Сыктывкар, 2009. – 288 с.
142. Флиер А. Я. Избранные работы по теории культуры. – М.: ООО Изд-во «Согласие»; изд-во «Артём». 2014. – 556 с.

143. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – М.: Академический Проект, 2011. – 122 с.
144. Фромм Э. Ситуация человека ключ к гуманистическому психоанализу // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1998. – С. 443 – 482.
145. Уральские языки и народы / Петер Хайду; Пер. с венг. Е. А. Хелимского; Под ред. К. Е. Майтинской; Предисл. Б. А. Серебренникова. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.
146. Хантингтон С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / Самюэль Хантингтон; [перевод с английского А. Башкирова]. – М.: АСТ, 2008 (Самара: Самарский Дом печати). – 635 с.
147. Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах. лекции. London: Overseas publ. interchange, 1992. 220 с.
148. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание / В. Ю. Хотинец. Науч. изд. СПб.: Алетейя, 2000. 235 с.
149. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е изд., доп. – М.: Современник, 1989. – 621 с.
150. Чанышева З. З. Этнокультурные основания лексической семантики. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 254 с.
151. Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. – Пермь: ОТ и ДО, 2013. – 530 с.
152. Шадже А. Ю. Этнические ценности как философская проблема / А. Ю. Шадже; М-во образования и науки Рос. Федерации, Адыгейс. гос. ун-т, Рос. филос. о-во. – Москва: Качество, 2005. – 167 с.
153. Шкалина Г. Е. Марий илышын тошто кышаже: очерк-влак. – Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2006. – 144 с.
154. Шкалина Г. Е. Традиционная культура народа мари. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003. – 208 с.
155. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.
156. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. – СПб.: Алетейя; Издательский дом "П.Э.Т". 1996. – 156 с.

157. Шумихина Л. А. Генезис русской духовности. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 399 с.
158. Шумихина Л. А. Русская духовность [Текст]: в 3 т. / Л. А. Шумихина. – Научное изд. – Екатеринбург: Изд-во Т. И. Возяковой, 2002. Т. 1: Рождение русской духовности. – 318 с.
159. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов, пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой, науч. ред. пер. Г. С. Батыгин. – М., 2003. – 336 с.
160. Эрвел С. (Новиков С. С. Восточные марийцы. Философия, история, люди (в 5-ти томах. Том V). – Йошкар-Ола: ГУП РМЭ «Газета «Марий Эл». 2012. – 322 с.
161. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
162. Эрыкан Э. Фронтвик-влак: ойлымаш-вл., очеркла повесть [Фронтвики: рассказы, очерк, повесть]. – Йошкар Ола. 1972. – 100 с.
163. Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. / под общей редакцией академика Ю. В. Бромлея и профессора С. И. Вайнштейна. Ответственный редактор выпуска доктор исторических наук, профессор В. И. Козлов. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 216 с
164. Эфендиев Ф. С. Этнокультура и национальное самосознание. – Нальчик: «Эль – Фа», 1999. – 329 с.
165. Юм Д. Трактат о человеческой природе: В 2 т.; Пер. с англ. – М.: Канон, 1995. – 399 с.
166. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности/ В.А. Ядов. 3-е изд., испр. – Москва: Омега-Л, 2007. – 567 с.
167. Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. – Йошкар-Ола, 1976. – 76 с.

Энциклопедии, словари и справочные издания

168. Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // СЭ. – 1969. №6; Очерки теории этноса. – С. 200 – 211.

169. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 525 с.
170. Левинас Э. От существования к существующему // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – С. 185–204.
171. Этнос [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. — Минск: Книжный Дом. А. А. Грицанов. 1999. / Academic Dictionaries and Encyclopedias. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1431/%D0%AD%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%A1 (дата доступа 03.05.2017).
172. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 654 с.
173. Словарь иностранных слов русского языка [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на академике [сайт] https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36473/%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%A1%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%9C%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF (дата обращения: 23.08.2017).
174. Статистический ежегодник Республики Коми [Текст]: статистический сборник / Федеральная служба гос. статистики, Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Республике Коми; [редкол.: Сквозников В. Я. (пред.) и др.]. — Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Республике Коми, 2006 — 2018 / [редакционная коллегия: М. Ю. Кудинова - председатель и др.]. - сор. 2018. - 362 с.: табл.; ISBN 978-5-903273-21-8: 30 экз. 2018 / [редакционная коллегия: М. Ю. Кудинова - председатель и др.]. - сор. 2018. - 362 с.
175. Финно-угорские народы России: Статистический сборник. — Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, 2005. — 84 с.
176. Финно-угорские языки: региональный опыт сохранения и развития / Finno-Ugric Languages: A Regional Experience in Preservation and Development Финно-угорский мир: Статистический сборник. — Сыктывкар: Комитет государственной статистики Республике Коми, 2004. — 68 с.

Диссертации

177. Антюхова Е. Ю. Социокультурные аспекты формирования смысложизненной ориентации личности: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Антюхова Елена Юрьевна. — М., 2004. — 159 с.
178. Байдимиров Д. А. Культура повседневности народа мари: историко-культурологический анализ: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Байдимиров Дмитрий Александрович. — Казань, 2012. — 178 с.
179. Бочарова Е. В. Процессы социальной изоляции в сельском социуме: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Бочарова Елена Викторовна. — Саратов, 2004. — 134 с.
180. Вельм И. М. Этнический менталитет: истоки и сущность: на примере удмуртского этноса: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Вельм Иван Матвеевич — Ижевск, 2004. — 287 с.
181. Волгаева Т. А. Менталитет мордовского этноса: истоки и сущность: историко-культурологический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Волгаева, Татьяна Александровна. — Саранск, 2007. — 249 с.
182. Гаврилова Е. А. Трансформация системы традиционных ценностей семейных Забайкальского края в условиях современности: дисс. ...канд. филос. наук: 09.00.13 / Гаврилова Елена Александровна. — Чита, 2010. — 185 с.
183. Гаврилов Н. Н. Экстраполяция категорий общего и особенного на проблему социокультурного развития марийского народа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Гаврилов Николай Никандрович. — Чебоксары, 2007. — 186 с.
184. Гарпушкин В. Е. Гуманистический универсализм как парадигма мировоззрения: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Гарпушкин Вячеслав Ефимович. — Иваново, 2010. — 291 с.
185. Гиндер В. Е. Культурная идентичность российских немцев-лютеран в условиях глобализации: на материалах Красноярского края: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Гиндер Вероника Евгеньевна. — Красноярск, 2010. — 172 с.

186. Дроненко Д. М. Национально-культурная идентичность как социально-философская проблема: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Дроненко Денис Михайлович. — Саратов, 2004. — 163 с.
187. Евдокимычева М. А. Сфера наивных представлений в современной картине мира: лингвокультурологический анализ: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Евдокимычева Мария Александровна. — СПб., 2008. — 175 с.
188. Егоров В. В. Наглядные образы в формировании менталитета общества: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Егоров Вадим Владимирович. — Екатеринбург, 2003. — 303 с.
189. Иванова Е. В. Мифологический архетип диалектического мышления в свете антитезы добра и зла: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01 / Иванова Евгения Владимировна. — Екатеринбург, 1995. — 130 с.
190. Казакова Г. М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала): дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Казакова Галина Михайловна. — М., 2009. — 313 с.
191. Котова С. А. Философский анализ трансформации традиционных ценностей в постиндустриальном обществе [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Котова Светлана Александровна. — М., 2014. — 122 с.
192. Липецкая М. С. Предпосылки и факторы инновационно-технологического развития регионов Финляндии: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Липецкая Марина Сергеевна. — СПб., 2012. — 205 с.
193. Мазуренко И. В. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Мазуренко Инна Владимировна. — М., 2009. — 176 с.
194. Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность: сущность, содержание и основные тенденции развития: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Мухлынкина Юлия Владимировна. — Москва, 2011. — 190 с.
195. Ноженко Е. В. Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: «уверенность в себе», «патриотизм», «успешность»

американской лингвокультуры: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ноженко Елена Викторовна. — Кемерово, 2008. — 206 с.

196. Пальцев А. И. Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей: на примере сибиряков: дис ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Пальцев Андрей Иванович. — Новосибирск, 1998 — 157 с.

197. Поломошнов А. Ф. Культурная идентичность России: Н. Данилевский против В. Соловьева: дис. ... д-ра. филос. наук: 24.00.01 / Поломошнов Андрей Федорович. — Ростов-на-Дону, 2008. — 351 с.

198. Сундужева Д. Б. Культурная идентичность малых этнических групп трансграничья: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 24.00.01 / Сундужева Дина Борисовна. — Чита, 2017. — 351 с.

199. Фаткуллина А. Я. Смыслжизненные ориентации человека в башкирской мифологии: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Фаткуллина Альбина Ягануровна. — Уфа, 2003. — 133 с.

200. Хвыля-Олинтер Н. А. Национально-культурная идентичность современной российской молодежи в условиях глобализации: методология социологического анализа: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Хвыля-Олинтер Надежда Андреевна. — М., 2010. — 157 с.

201. Хренов И. А. Мир повседневности в социально-философской рефлексии. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Хренов Игорь Анатольевич. — Тверь, 2007. — 128 с.

202. Шоманбаева А. О. Взаимосвязь ценностных ориентаций и этнических предубеждений личности в условиях полиэтнического окружения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Шоманбаева Альмира Оразалиевна. — Ярославль, 2008. — 197 с.

Статьи

203. Алексеева А. Н. Состояние традиционной культуры в современном якутском селе // Теория и практика общественного развития. 2014. №11. С. 91-95.

204. Антропьянская Л. Н. Перспективы трансформации российского менталитета в постиндустриальную эпоху // Известия ТПУ. 2011. №6. С. 131 – 135.

205. Аринушкина Н. С. Об определении и типах идентичности // Мир Психологии: Научно-методический журнал Академии Педагогических и Социальных наук. 2004. № 2 (38). С. 48-53.
206. Ахатова Б. А. Особенности этнического мировидения через призму языкового сознания // Язык и идентичность: Матер. Междунар. конф. Алматы, 2006. С. 23–27.
207. Ахиезер А. С. Культурные основы этнических конфликтов // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 115 — 126.
208. Ачкасов В.А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. Вып. 2. С. 48 – 58.
209. Ашхамахова А. А., Ашхамаф А. Р. Влияние менталитета и религии на формирование экологического сознания // Научный журнал КубГАУ – ScientificJournalofKubSAU. 2012. №79. С. 619-644.
210. Бабаева А.В. Образ человека в русской и польских культурах: русское терпение и польский гонор // Studia Culturae. 2013. № 16. С. 25-32.
211. Бабаева А. В. Поиск духовных основ в мире межкультурных взаимодействий // Медиаисследования. 2017. № 4-1. С. 17-19.
212. Байдимиров Д. А. Отражение магии в сфере повседневности народа мари // Успехи современного естествознания. №12. 2012. С. 99 – 103
213. Барковская А. В. Экологическая этика: метаморфозы самоидентификации // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2011. №2. С. 38-42.
214. Боас Ф. Развитие народных сказок и мифов / Пер. А. П. Забияко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (41). С. 29 – 34.
215. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии / Пер. Ю. С. Терентьева // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т.1. С. 509 — 518.
216. Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук / Пер. Ю. С. Терентьева // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1. С. 499 — 508.

217. Боас Ф. Методы этнологии / Пер. Ю. С. Терентьева // Антология исследований культуры. — СПб.: Университетская книга, 1997. Т.1. С. 519 — 527.
218. Бобрихин А. А. Вышивка в костюмах уральских марийцев // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия: материалы конф. Екатеринбург, 2005. — С. 40-43
219. Бобрихин А. А. Марийская народная одежда и вышивка: [Урал, 19 в.] // Народное искусство Урала. Традиционный костюм. 2006. — С. 80-110.
220. Волкова А. Е. Концепт «Финно-угорского мира»: центробежные тренды и влияние на внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №3 С. 226-234.
221. Воробьев В. В. Лингвокультурология и диалог культур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский язык нефилологам, теория и практика. 2004. № 5. С. 5-16.
222. Воробьев В. В., Полякова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 13-18.
223. Глухова Н. Н., Кудрявцева Р. А. Исследование марийской этноидентичности по материалам фольклора и литературы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. II. С. 58–61.
224. Глухова Н. Н., Кудрявцева Р. А. Этнические ценности мари. Тамбов: Грамота, 2013. № 4. Ч. II. С. 44 – 47.
225. Головнев А. В. Этничность и идентичность на Урале. // Уральский исторический вестник. № 2 (31). 2011. С. 40 – 49.
226. Горбатова Л. И. Культурная политика и реформа сферы культуры в условиях общественной трансформации // Вопросы культурологии. 2008. N 9 (сентябрь). С. 58-59. (Культура и управление).
227. Гранин Ю. Д. Человек в поисках идентичности // Вопросы философии. 2011. №6. С.176 – 180.

228. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Роль менталитета в преодолении антропогенных кризисов // Историческая психология и социология истории. 2013. №1. С.166-180.
229. Губанов Н. Н. Менталитет и его функционирование в обществе // Философия и общество. 2006. №4 (45). С. 125-141.
230. Гуревич А. Я. Изучение ментальностей: Социальная история и поиски исторического синтеза // Сов. этнография. 1988. № 6. С. 16 – 25.
231. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101—116
232. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101—116.
233. Дзякович Е. В. Локальная идентичность как социокультурный феномен современной российской провинции // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2010. N 5. С. 24-29.
234. Дымина Е. В. Мир ценностей и проблема осмысления действительности // Ценности и смыслы, 2009. №2. С. 27 – 37.
235. Жигунова Г. В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем. № 8 (52). 2015. С. 56-71.
236. Задорожный В. Н., Тимофеев А. Ю. Механизмы реализации совместных образовательных программ в рамках Ассоциации финно-угорских университетов // Интеграция образования. 2011. №3 С. 9 - 13.
237. Зайцева Т. А. Повседневность как исследовательская проблема // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, № 2 (10). 2013. С. 5-11.
238. Закс Л. А. Культура как производство повседневности// Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета (5-6 апреля 2007 года): [в 2 т.]. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 2007. С. 42 – 55.

239. Звягинцева М. М. Константы региональной культуры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. №. 2. 2007. С. 192-199.
240. Иванов А. Г. Языческие верования марийцев и действия властей в XIX–начале XX вв. // Весна народов: Этнополитическая история Волго-Уральского региона. Cannopo: Slavik Research Center - Hokkaido University. 2002. С. 64-121.
241. Иванов А. Г. Некоторые черты сословного менталитета марийцев (вторая половина XVIII в.) // Финно-угроведение. 1994. № 1. С. 69-78.
242. Игнатенко О. И. К проблеме динамики и трансформации культуры / О. И. Игнатенко // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Т. А. Новгородский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – С. 173 – 176.
243. Ионесов В. И. Культура и трансформация: метаморфозы адаптации и развития // Вопросы культурологии. 2009. №8. С. 4 – 7.
244. Казакова Г. М. Региональная культура: родовидовые признаки и структурно-функциональные характеристики // Вопросы культурологии. 2009. №5. С. 12 – 15.
245. Карлсон Ю. В. Методологические особенности исследования повседневности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. 2010. С. 37-44.
246. Касумова Г. К., Особенности межкультурных взаимодействий в условиях глобализации // Философские науки. 2012. № 2. С. 57-69.
247. Кемеров В. Е. Социальный хронотоп и проблема субъектности социальной онтологии // Вестник Российского философского общества. 2007. N 3 (43). С. 104-105.
248. Кережи А., Сойка Э. Финляндия глазами венгров [Электронный ресурс] // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. №1 С. 60-73. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finlyandiya-glazami-vengrov> (дата обращения: 07.10.2017).
249. Кессиди Ф. Х. Философия, культура, человек. Глобализация и культурная // Вопросы философии. 2003. № 1 С. 76 – 79

250. Константинова Н. С. Культурная идентичность стран Иbero-Америки: мифы и реальность // Латинская Америка. 2015. №12. С. 77-86.
251. Костина А. В. Национально-культурная идентичность как проблема развития современной России // Обсерватория культуры. №2. 2011. С. 37-42
252. Костина А. В., Рахимова М. В. Традиционная культура как фактор сохранения национальной самобытности в условиях глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2008. № 7. С. 118.
253. Кудрявцев А. Ф. Географическое осмысление понятия «Финно-угорский мир» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. №3. С.125-132.
254. Кукоба О. А. Природа и структура этнического менталитета // Философия и общество. 2004. №4. С. 89 – 106.
255. Курцев Т. И. Этническая идентичность в эпоху глобализации // Вестник КазГУКИ. 2014. №4-2. С. 28-30
256. Лавринова Н. Н. Категория «месторазвитие» в концепциях русских мыслителей начала XX века // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2013. № 11. С. 199-202.
257. Лаллукка С. Предпосылки формирования национального самосознания финно-угорских народов в XIX – начале XX в. // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Петрозаводск, 4 – 8 июля 2011 г. / Под ред. В.А. Тишкова и др. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 8 – 16.
258. Леви-Стросс К. Этнолог перед проблемой национальных идентичностей // Вопросы философии. 2010. N 8. С. 111 – 114.
259. Лелеко В. Д. Культурология повседневности: становление и современное состояние// Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. Т. 1: Теория культуры. С. 377 – 389.
260. Лизинский В. М. О культурной идентичности // Народное образование 2018-06 С. 155 – 159.
261. Лобанова Ю. В., Социокультурные последствия глобализации и проблема диалога культур // Философия и культура. 2011. N 4 (40). С. 130-136.

262. Логинова Н. Н., Реброва Т. П. Динамика численности финно-угорских народов// Финно-угорский мир. 2013. №3. С. 89–97
263. Лурье С. В. Восприятие народом осваиваемой территории. // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 72-73.
264. Любчак В. П. Исследование менталитета: двухуровневая структура // Молодой ученый. 2012. № 6. С. 211-214.
265. Мазур Л. Н. Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) / Л. Н. Мазур // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. N 49, вып. 13. С. 180-196.
266. Манкевич Д. В. Менталитет и ментальность: к вопросу о характере и содержании понятий // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2005. №1. С. 12-19.
267. Марков А. П. Мир-система эпохи глобальной турбулентности: геополитические разломы и образы будущего // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы XVIII Международной научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения». Ответственный редактор В.И. Герасимов. 2019. С. 215-219.
268. Марков А. П. Диалог культур в глобальном мире: надежды и разочарования // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Ежегодник. ИНИОН РАН. 2017. С. 745-751.
269. Марков А. П. // Глобальные вызовы и сценарии будущего европейской цивилизации // Культура и образование. 2017. № 2 (25). С. 5-21.
270. Мартынова Е. И., Шумихина Л. А. Двусторонность как сущностная характеристика процесса аккультурации (на артефактах художественной культуры и письменности Киевской Руси). Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 113. № 2. С. 149-156.
271. Маслихин А. В. Методологические проблемы историософского изучения марийского народа // Марийский археографический вестник, 2007, №17. С. 24 – 33.
272. Маслихин А. В., Гаврилов Н. Н. Этнокультурная интеграция финно-угорских народов (конец XX-XXI вв.) // Финно-угроведение. 2013. № 1. С. 3-14.

273. Маслова В. А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2008. № 4. С. 30-37.
274. Маслова В. А. Концепт как способ изучения культуры через язык // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 20-25.
275. Маслова В. А. Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 23-31.
276. Махмудов Т. З. Понятие этноса и других категорий этнических групп // Аналитика культурологии. 2013. №26. С. 35-39
277. Миронов В. В., Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. N 2. С. 27-43.
278. Моисеева Н. А., Уварова Т. Б. Этническая идентичность: современные исследования. (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5, История: Реферативный журнал. 2002. №. 3. С. 163-180.
279. Монаков А. М. Этнос и этническая идентичность // Вестник Московского университета. Сер. 12. Философия. 2008. № 1. С. 72 - 91.
280. Морозов И. А. Локальные традиции и меняющиеся идентичности // Этнографическое обозрение. 2015. №2. С. 5-14.
281. Мурзина И. Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры // Проблемы образования, науки и культуры. Сб. науч. тр. Вып. 15. – Екатеринбург, 2004. С. 60-64
282. Мухамеджанова Н. М. «Расколота личность» как феномен пограничной цивилизации // Вестник ОГУ. 2014. №7 (168). С. 76-81.
283. Мchedлова М. М. Цивилизационная парадигма в изучении политики // Современная политическая наука: Методология: Научное издание. М. 2019. С. 12-37.
284. Мясникова А. Б. Демографические потери финно-угорского мира в конце XX начале XXI веков // Вестник ЧГУ. 2015. №2 С. 96-101.

285. Насипов И. С. О марийских заимствованиях в татарском языке // Вестник ЧГУ. 2009. №4. С. 248-254.
286. Немирович-Данченко П. М. К вопросу о методах изучения ментальности // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2008. №1 (2). С. 88-96.
287. Никитин С. П. Песня - сплав истории, мифологии и философии народа мари: [на примере урал. марийцев Ачит., Артин., Красноуфим. и Нижнесерг. р-нов Свердлов. обл.] // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия: материалы конф. Екатеринбург, 2005. С. 111-116.
288. Никитина И. В. Менталитет в цивилизации и культуре Востока и Запада // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2009. №2. С.72-78.
289. Ноженко Е. В. Лингвокультурология как методология изучения стереотипов национального характера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 5. № 23. С. 67-69.
290. Обри Ч., Культурная трансформация: оценка и совершенствование культуры // Методы менеджмента качества. 2010. N 4. С. 46-49.
291. Попов А. А., Уварова Н. А. К вопросу формирования современного понятия «финно-угорский мир» // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 656 с.
292. Попов Н. С. Трансформация традиционных верований марийцев на современном этапе // IX конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4-8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 143.
293. Протопопова Н. А. Выстраивание национальной идентичности Шотландии в условиях экономической глобализации // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 89-96.
294. Пушкарев Л. Н. Проблемы менталитета // Преподавание истории в школе. 1995. С. 2 – 6.
295. Рожков М. А. Диалог как самоидентификация в культуре // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. №330. С.75-77.

296. Рожков М. А. Диалог как самоидентификация в культуре // Вестник Томского государственного университета. № 330. 2010. С. 75-77.
297. Ромах Н. И., Полякова Т. А. Феноменология менталитета в культуре // Аналитика культурологии. 2004. №2. С.31-35.
298. Саберов Р. А. Финно-угорское жречество XX века: проблемы развития // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2013. №1-1 С.138-148.
299. Семенова Т. А. Наименования меда и продуктов пчеловодства в марийском языке // Вестник Чувашского университета, № 1. 2010. С. 227-231.
300. Сивер А. В. Трансформация традиционной культуры западных адыгов в XX в // Теория и практика общественного развития. 2015. №7. С.139-144
301. Сорокина С. А. Проблемы социальной адаптации коренных народов Севера в условиях общественной трансформации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. N 4. С. 196-207.
302. Сурова Е. Э. Идентификационный принцип в культуре // Международный журнал исследований культуры. 2010. №1. С. 6 – 17.
303. Тарасов А. Н. Категориально-понятийный аппарат аналитики социокультурной трансформации // Исторические, философские, политические и юридические науки, 193 / Фундаментальные исследования, №4, 2013: философские науки: культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 1 (15). Ч. 1. С. 189–191.
304. Тарасов А. Н. Сущность концепта «социокультурная трансформация» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 7 (13). Ч. II. С. 211–213.
305. Тарасов А. Н. Теоретико-методологические аспекты аналитики социокультурной трансформации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8 (14). Ч. II. С. 204 – 206.
306. Труфанова Е. О. Идентичность и Я // Вопросы философии, № 6. 2008. С. 95-105.

307. Тунникова В. А., Карпова Е. М. // Методика описания лингвокультурных стратегий коммуникации // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 3. С. 124-129.
308. Тунникова В. А. Проблема смысла как продукта понимания // Эволюция современной науки. сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. 2016. С. 123-125.
309. Уорф Б. Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Зарубежная лингвистика: пер. с англ. М.: Прогресс. 1999. — 308 с.
310. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика: пер. с англ. М.: Прогресс. 1999. — 308 с.
311. Фаненштиль Т. В. О некоторых особенностях анализа повседневности и ее характеристик в социальной философии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, № 5, 2017, С. 96 — 103.
312. Фаузер В. В. Демографическое развитие финно-угорских народов: общие черты и специфические особенности // Социальная и демографическая политика. 2006. № 3. С. 40–51.
313. Фаузер В. В. Демографическое развитие финно-угорских народов: общие черты, специфические особенности // Социальная и демографическая политика. 2006. №3. С. 40 — 51.
314. Фаузер В. В. Прошлое и настоящее демографического развития финно-угорских народов // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2008. № 3–4. С. 27–36.
315. Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. №3 С. 111 – 125.
316. Фаузер В. В. Финно-угорские народы в современном мире: демографическое измерение // Идентичность и изменяющийся мир: Материалы V Всемирного конгресса финно-угорских народов (Ханты-Мансийск, 2008). Сыктывкар, 2008. С. 150 – 165.

317. Фаузер В. В. Финно-угорские народы: история демографического развития // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: Сборник научных трудов (Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)»). (Сыктывкар, 28 — 30 сентября 2005 г.). Вып. 3. Ч. 4. М. Сыктывкар, 2006. С. 18–30.
318. Фаузер В. В. Этническая динамика финно-угорских народов (1989–2002) // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Материалы IV региональной научно-теоретической конференции (14 апреля 2005 г, Сыктывкар): в 2 ч. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2005. Ч. II. С. 188 — 194.
319. Фененко А. «Национальная идея» и «национальная идентичность» в произведениях Гюстава Лебона // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сб. науч. тр. / [Редкол.: Струкова Т. Г. (отв. ред.) и др.]. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002 (Тип. ВГУ). - С. 239-253.
320. Флоренский П. А. Христианство и культура // Журнал Московской Патриархии. М., 1983. № 4. стр. 53-57.
321. Флоренский П. А. Культ, религия и культура (из богословского наследия) // Богословские труды. М., 1977. № 17. стр. 101—119.
322. Фролова А. В. Трансформации праздничной культуры русских Архангельского Севера в XX — начале XXI в. // Этнографическое обозрение. 2006. N 6. С. 108-124.
323. Херлихи Д. Биология и история: к постановке проблемы // Цивилизации. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 34-44.
324. Цукерман В. С. Культурное пространство рубежа XX - XXI веков: сущность и тенденции развития // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 2 (26). С. 46-51.
325. Чанышева З. З. Понятие эквивалентности с этнокультурных позиций // Вестник Башкирского университета. 2005. Т. 10. № 2. С. 63 – 66.
326. Чернова И. Б. Концептуальные основания исследования идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение:

философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. №4 (167). С. 29 – 39.

327. Черных А. В. Этнический состав населения и особенности расселения в южном Прикамье в XVI – первой четверти XX вв. // Этнические проблемы регионов России: Перм. обл. М., 1998. С. 39-113.

328. Четкарева Р. П. Табу народа мари в системе формирования культуры повседневности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, № 109, 2009, С. 53 – 59.

329. Шабает Ю. П., Шилов Н. В., Садохин А. П. «Финно-угорский мир»: миф, макроидентичность, политический проект? // Общественные науки и современность. 2010. №5. С. 147 – 155.

330. Шафиков С. Г. Лингвокультурология, язык и национальный менталитет // Вестник Башкирск. ун-та. 2013. №3. С. 763 – 777.

331. Шикалева И. А. Современные тенденции решения проблем культурной идентификации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. №38. С. 46 – 49.

332. Шкалина Г. Е. Проблемы этноэкологии в традиционном мировоззрении народа мари // Гуманитарная экология в системе комплексного исследования человека: мат. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Киров, 2011. С. 162 – 170.

333. Шкалина Г. Е. Финно-угорская культура в России: проблемы и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. №20 С. 51 – 55.

334. Шкалина Г. Е. Этноэтические аспекты в традиционном мировоззрении народа мари // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств, № 2, 2012, С. 49 – 53.

335. Шюц А. Структура повседневного мышления/ пер. с англ. Е. Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120 – 136.

336. Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей: Человек в истории. 1991. М.: Наука, 1991. С. 84 – 102.

337. Чарина А. М. Идеология этнонациональных движений финно-угров: значение идейных конструкторов для этнической элиты // Вестник ПАГС. 2009. №2. С. 65-70.
338. Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35 – 49.
339. Шумихина Л. А. Проблема «научности» в науках о культуре // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 4 (40). С. 40 – 45.

Электронные издания

340. Антонова Н. С. Язык как социализирующий фактор личности в процессе активного диалога культур [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2012. №3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-sotsializiruyuschiy-faktor-lichnosti-v-protsesse-aktivnogo-dialoga-kultur> (дата обращения: 12.09.2017).
341. Аполлонов И. А. Этнокультурная традиция в контексте онтологического измерения личностной идентичности [Электронный ресурс] // СИСП. 2012. № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-traditsiya-v-kontekste-ontologicheskogo-izmereniya-lichnostnoy-identichnosti> (дата обращения: 21.04.2018).
342. Беженару Л. Е. Регион как субкультурный локус культурной регионалистики и региональной геопоэтики [Электронный ресурс] // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2019. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/region-kak-subkulturnyi-lokus-kulturnoi-regionalistiki-i-regionalnoi-geopoetiki> (дата обращения: 29.10.2020).
343. Белецкая Е. А., Яковлева Л. В. Воздействие народной художественной культуры на самосознание личности [Электронный ресурс] // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. №3 (40). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-narodnoy-hudozhestvennoy-kultury-na-samosoznanie-lichnosti> (дата обращения: 07.10.2017).
344. Березовая Л. Г. Культура русской эмиграции (1920 30-е гг.) [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2001. № 5. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-russkoy-emigratsii-1920-30-e-gg> (дата обращения: 09.11.2018).
345. Боас Ф. Ум первобытного человека [Электронный ресурс] / Франц Боас // Teonomika. – URL: <https://www.sites.google.com/site/teonomika/teoria-sobstvennosti/ekonomika-dara/boas-f-um-pervobytnogo-celoveka> (дата обращения: 26.04.2018).
346. Боас Ф. История антропологии [Электронный ресурс] // Боас Франц / Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 86 – 96. – URL: https://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2002/no6/Boas_2002_6.pdf (дата обращения: 30.01.2017).
347. Бобрикова Ж. Е. Место диалога в культуре повседневности [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2011. № 20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-dialoga-v-kulture-povsednevnosti> (дата обращения: 21.04.2018).
348. Бобрихин А. А. Марийская идентичность в наивной живописи Эчика Барцева [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. С. 171. – 175. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/65105.htm> (дата обращения: 10.08.2018).
349. Бобрихин А. А. Репрезентации этнической идентичности в современной культуре [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. 2010. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsii-etnicheskoy-identichnosti-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 10.08.2018).
350. Буденкова В. Е., Зайцева Т. А., Савельева Е. Н. Коммуникативный потенциал региональных культур: опыт анализа и развития [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 346. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-potentsial-regionalnyh-kultur-opyt-analiza-i-razvitiya> (дата обращения: 21.05.2018).
351. Вдовыченко Е. В. Проблема самоидентификации наций: особенности украинского менталитета [Электронный ресурс] // Future Human Image. 2014. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-samoidentifikatsii-natsiy-osobennosti-ukrainskogo-mentaliteta> (дата обращения: 05.10.2017).

352. Венгерское правительство защитит традиционные семейные ценности [Электронный ресурс] // Опубликовал: Szofi 2015.07.8. / MyHungary.Net. – URL: <http://myhungary.net/news/628-vengerskoe-pravitelstvo-zaschitit-tradicionnye-semeynye-cennosti.html> (дата обращения: 19.11.2017).
353. Вершинина М. В. Этническая идентичность и индивидуально-психологические характеристики представителей общинных организаций [Электронный ресурс] // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnost-i-individualno-psihologicheskie-harakteristiki-predstaviteley-obschinnyh-organizatsiy-1> (дата обращения: 29.10.2018).
354. Волкова А. Н. Мифологические элементы и проявления синкретизма в народной религии [Электронный ресурс] // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-elementy-i-proyavleniya-sinkretizma-v-narodnoy-religii> (дата обращения: 19.05.2018).
355. Генисаретский О. И. Визуальная антропология, этнокультурные традиции и этнофутуризм [Электронный ресурс]. – URL: <http://prometa.ru/olegen/publications/99/3> (дата обращения 20.03.2019).
356. Говрякова Н. Н., Ржанова С. А. Демографический контекст социально-экономического развития финно-угорских народов [Электронный ресурс] // Регионология. 2011. №3. – URL: <http://regionsar.ru/ru/node/792> (дата обращения: 13.05.2017).
357. Губанов Н. Н. Типология форм менталитета [Электронный ресурс] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2013. № 10. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-form-mentaliteta> (дата обращения: 14.01.2018).
358. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2001. 557 с. [Электронный ресурс] // Гумилев Л. Д. – URL: <http://www.ezobox.ru/gumilev-lev/books/406/read/89.html> (дата обращения 01.12.2012).

359. Даровских О. В. Феномен этнического самосознания молодежи // Социальные процессы в современной западной Сибири. 2002. [Электронный ресурс] – URL: <http://e-lib.gasu.ru/SocPr/2002/> (дата обращения 25.04.1965).
360. Демографическая ситуация в Эстонии – самая стабильная в Европе [Электронный ресурс] // Postimees. 2011. 30 июля. – URL: <http://rus.postimees.ee/514398/demograficheskaia-situacija-v-jestonii-samaja-stabilnaja-v-evrope> (дата обращения: 20.02.2017)
361. Демографический кризис в Венгрии усиливается – Мария Копп [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2010. 28 февр. – URL: <http://ria.ru/world/20100228/211402992.html#ixzz3SHwxifO7> (дата обращения: 20.02.2017).
362. Егле Л. Ю. Тенденции трансформации современной музыкально-религиозной культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 37-2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-transformatsii-sovremennoy-muzykalno-religioznoy-kultury> (дата обращения: 10.12.2017).
363. Иванов В. В. Финно-угорские республики РФ и зарубежный фактор [Электронный ресурс] – URL: http://www.moskvam.ru/publications/publication_1119.html (дата обращения: 07.05.2015).
364. Иванова С. В. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения [Электронный ресурс]. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. — Электрон. версия печ. публикации. Доступ через Электронную библиотеку БашГУ: <https://elib.bashedu.ru/dl/read/Chanisheva.2010.pdf> (дата обращения 30.05.2017).
365. Исаева С. А. Финно-угорская музыкальная культура в научно-образовательной и художественно-творческой деятельности мордовского государственного университета [Электронный ресурс] // Регионология. 2015. №2 (91). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finno-ugorskaya-muzykalnaya-kultura-v-nauchno-obrazovatelnoy-i-hudozhestvenno-tvorcheskoy-deyatelnosti-mordovskogo-gosudarstvennogo> (дата обращения: 06.07.2019).

366. Караимы. «Хан-кюнь», «къанкун» или «кан-кюнь» = «среда» [Электронный ресурс] / Mikhti Hanifi // LiveJournal. – URL: <https://mikhti.livejournal.com/18105.html> (дата обращения 12.10.2017).
367. Касаркина Е. Н. Marriage and family attitudes and premarital values of Finno-Ugric youth in a modern city / Брачно-семейные установки и добрачные ценности финно-угорской молодежи современного города [Электронный ресурс] // Kasarkina, Elena Nikolaevna. Пермский Политех. Научная библиотека. Социология города. 2014 (2):102-114. – URL: <https://elib.pstu.ru/vufind/EdsRecord/edseir,edseir.21733222> (дата обращения 17.13.2017).
368. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция четвертая [Электронный ресурс] / Василий Ключевский полный курс лекций по истории России // Библиотекарь.Ру. – URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/4.htm> (дата обращения: 02.04.2017).
369. Колчева Э. М. – Архетип реки в Марийском изобразительном искусстве [Электронный ресурс] // Вестник Марийского государственного университета. 2012. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-reki-v-mariyskom-izobrazitelnom-iskusstve> (дата обращения: 09.12.2019).
370. Колчева Э. М. Ландшафтный архетип поля/луга в марийском изобразительном искусстве 1950-1980-х гг. [Электронный ресурс] // Финно-угорский мир. 2018. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/landshaftnyy-arhetip-polya-luga-v-mariyskom-izobrazitelnom-iskusstve-1950-1980-h-gg> (дата обращения: 12.05.2019).
371. Колчева Э. М. Репрезентация этнокультурного пространства народа мари в советском изобразительном искусстве 1950-1980-х годов [Электронный ресурс] // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-etnokulturnogo-prostranstva-naroda-mari-v-sovetskom-izobrazitelnom-iskusstve-1950-1980-h-godov> (дата обращения: 04.10.2018).

372. Корсакова Л. Е. Аксиологическое ядро этнокультурной ментальности [Электронный ресурс] // Регионология. 2013. №2 (83). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskoe-yadro-etnokulturnoy-mentalnosti> (дата обращения: 02.04.2017).
373. Костина А. В. Традиционная культура: К проблеме определения понятия [Электронный ресурс] // Культурология. № 4. 2009. / Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/> (дата обращения 12.05.2018).
374. Кулькатова Г. Н. Духовность личности как социально-философская проблема [Электронный ресурс] // Вестник РГАЗУ 2013. Ч.3 – URL: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155431/kulkatova.pdf (дата обращения 01.02.2018).
375. Кулькатова Г. Н. Духовность личности как социально-философская проблема [Электронный ресурс] // Вестник РГАЗУ 2013. Ч.3 – URL: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155431/kulkatova.pdf (дата обращения 01.02.2018)
376. Лазарян С. С. Структура и критерии формирования этнической идентичности личности [Электронный ресурс] // ЧиО. 2008. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-kriterii-formirovaniya-etnicheskoy-identichnosti-lichnosti> (дата обращения: 29.10.2018).
377. Ланкин В. Г. Вариантность смысла и типология культур [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2011. №11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/variantnost-smysla-i-tipologiya-kultur> (дата обращения: 29.10.2018).
378. Лаппо М. А. Лексические средства описания идентичности [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. №2 (14). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sredstva-opisaniya-identichnosti> (дата обращения: 29.10.2018).

379. Лебон Г. Психология народов и масс СПб.: Макет, 1995. [Электронный ресурс] / Лебон Г. //Библиотека Максима Машкова [сайт]. – URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/LEBON/psihologia.txt>
380. Левочкина А. В. Творчество в культуре повседневности [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2012. № 23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo335-v-kulture-povsednevnosti> (дата обращения: 21.04.2018).
381. Леонтьев К. Н. Как надо понимать сближение с народом? / К. Н. Леонтьев. — М.: тип. Е. И. Погодиной, 1881. — 29 с. [Электронный ресурс] //Российская государственная библиотека [сайт]. Онлайн-просмотр документа – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003594093#?page=7> (дата обращения: 28.09.2019).
382. Логинова А. А. Психологический уровень анализа понятия «Идентичность» [Электронный ресурс] // Интеграция образования. 2010. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskii-uroven-analiza-ponyatiya-identichnost> (дата обращения: 29.10.2018).
383. Мазур Л. И. Роль самоидентификации в социализации личности [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2013. №14. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-samoidentifikatsii-v-sotsializatsii-lichnosti> (дата обращения: 09.02.2018).
384. Марийский оберег. Значение символов [Электронный ресурс] / Редакция «Кидшер» // Интернет-журнал Кидшер. – URL: <http://kidsher.ru/ru/archives/455> (дата обращения: 18.05.2018)
385. Обсуждения [Электронный ресурс] / Марийцы России // ВКонтакте. – URL: https://vk.com/topic-92172_5381146 (дата обращения 20. 06. 2016).
386. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб. 1791. 131 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.unatlib.ru/dspace/dsview.html> [дата обращения: 20.02.2020].
387. Миронов В. В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации [Электронный ресурс] // Гуманитарий Юга России. 2012. №1. –

URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-kultury-v-prostranstve-globalnoy-kommunikatsii-1> (дата обращения: 06.01.2018).

388. Музей под открытым небом Сеурасаари [Электронный ресурс] // Museot ja linnat [сайт]. – URL: <http://www.kansallismuseo.fi/en/seurasaari-ru> (дата обращения: 15.02.2017).

389. Мурзин А. А. Визуальные образы народной религиозности горнозаводского Урала: предметная сторона [Электронный ресурс] // Человек в мире культуры. 2012. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-obrazy-narodnoy-religioznosti-gornozavodskogo-urala-predmetnaya-storona> (дата обращения: 19.05.2018).

390. Мурзина И. Я. Прикладные культурологические исследования: проблемные поля [Электронный ресурс] // Человек в мире культуры. 2012. №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prikladnye-kulturologicheskie-issledovaniya-problemnye-polya> (дата обращения: 29.09.2018).

391. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб.: Императорская Академия Наук. В 6 т. Т. 1. 1773-1788. 786 с. [Электронный ресурс] // – URL: <https://runivers.ru/lib/book4739/> (дата обращения: 12/09/2018).

392. Партушев В. С. Этногенез финно-угров России [Электронный ресурс] // Congressus Secundus Historiae Fenno-Ugricae, Tallinn 1998. – URL: <http://www.suri.ee/r/mari/erik/infsr3112.html> // www.suri.ee (дата обращения: 28. 05. 2018).

393. Никитина Э. В. Этноменталитет марийцев [Электронный ресурс] // Национальные менталитеты [сайт] – URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhje/etnomentalitet_marijcev_e_v_nikitina/ (дата обращения: 02.13.2017).

394. Политика семьи и детей в Финляндии/ Министерства социального обеспечения и здравоохранения [Электронный ресурс] // Тампере: Juvenes Print – Suomen Yliopistopaino, 2013. – URL: http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/69926/URN_ISBN_978-952-00-3380-4.pdf?sequence=1 (дата обращения: 02.04.2017).

395. Попов Ю. Марийская традиционная религия перерастает национальные рамки [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.finugor.ru/?q=taxonomy/term/10> (дата обращения: 20. 12. 2018).
396. Разлогов К. Э. Метаморфозы идентичности [Электронный ресурс] / К. Э. Разлогов // Вопросы философии. 2015. № 7. – Режим доступа: <http://vphil.ru> (дата обращения: 02.07.2017).
397. Розенберг Н. В. Повседневная коммуникация в современной культуре: социальные проблемы [Электронный ресурс] // Н. В. Розенберг. Аналитика культурологии. 2007. №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnaaya-kommunikatsiya-v-sovremennoy-kulture-sotsialnye-problemy> (дата обращения: 21.05.2018).
398. Розенберг Н. В. Региональная идентичность: роль природных и культурных факторов [Электронный ресурс] // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-identichnost-rol-prirodnih-i-kulturnyh-faktorov> (дата обращения: 21.04.2018).
399. Розенберг Н. В. Структурирование культуры повседневности: методологические подходы [Электронный ресурс] // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturirovanie-kultury-povsednevnosti-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 21.04.2018).
400. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки капитана Рычкова по разным провинциям российского государства, 1769 и 1770 году. [Электронный ресурс] // Ураловед. Познавайте Урал вместе с нами! – URL: <https://uraloved.ru/biblioteka/richkov-zhurnal-ili-dnevnye-zapiski> (дата обращения: 15.02.2018)
401. Саберов Р. А. К вопросу об институте жречества финно-угорских народов среднего Поволжья в фокусе исторической антропологии [Электронный ресурс] // Вестник Минского университета. № 1-2 (14). 2016. – URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/182> (дата обращения: 25.04.2017)

402. Сильдушкина Н. Е. Особенности этнической идентичности старших школьников марийского этноса [Электронный ресурс] // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. №1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-etnicheskoy-identichnosti-starshih-shkolnikov-mariyskogo-etnosa> (дата обращения: 02.04.2017).
403. Соколовский С. В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках [Электронный ресурс] // Сибирские исторические исследования. 2015. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizika-identichnosti-i-issledovaniya-protsessov-identifikatsii-v-sotsialnyh-naukah> (дата обращения: 29.10.2018).
404. Соловьев С. М. История России с Древнейших времен [Электронный ресурс] // Lib.Ru/Классика: Соловьев Сергей Михайлович: Собрание сочинений. URL: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/ (дата обращения: 02.04.2017)
405. Тейлор Э. Б. Антропология: (Введение к изучению человека и цивилизации). Санкт-Петербург: И. И. Билибин и К°, 1882. 471 с. [Электронный ресурс] // eKNIGI. Гуманитарные науки. Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации). – URL: https://eknigi.org/gumanitarnye_nauki/92795-antropologiya-vvedenie-k-izucheniyu-cheloveka-i.html (дата обращения: 12.08.2017).
406. Традиции финской семьи: обязанности супругов, особенности отношений, быта и воспитания детей [Электронный ресурс] // Terve.su все будет Finland / Традиционная Финляндия. – URL: <https://terve.su/traditsii-finskoy-semi/> (дата обращения: 02.04.2017).
407. Фейблман Д. К. [Электронный ресурс] // Фонд знаний «Ломоносов» [сайт]. – URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0131342:article> (дата обращения: 13.04.2017).
408. Финно-угорские народы [Электронный ресурс] // Россия, Russia [сайт] – URL: <http://russia.rin.ru/guides/4675.html> (дата обращения: 04.12.2017).

409. Финны хотят детей, но не находят партнеров [Электронный ресурс] // Finugor. – URL: <http://finugor.ru/finny-khotyat-detei-no-ne-nakhodyat-partnerov> (дата обращения: 23.04.2017).
410. Флиер А. Я. Эволюционные трансформации культуры [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnye-transformatsii-kultury> (дата обращения: 08.08.2019).
411. Хлыщёва Е. В. Регион как социокультурный феномен современного мира: методология исследования [Электронный ресурс] // Вестник КГУ. 2009. № .3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/region-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-sovremennogo-mira-metodologiya-issledovaniya> (дата обращения: 29.09.2016).
412. Цуканова И. В. Определение специфики феномена «Народная религиозность» [Электронный ресурс] // Наука. Искусство. Культура. 2012. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-spetsifiki-fenomena-narodnaya-religioznost> (дата обращения: 19.05.2018).
413. Чагин Г. Н. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском бассейне в XVII – XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) [Электронный ресурс] // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. №2 (22). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-situatsiya-v-sylvensko-irenskom-basseyne-v-xvii-xviii-vekah-k-probleme-formirovaniya-etnicheskoj-karty-urala> (дата обращения: 29.10.2017).
414. Щипков А. Марийское язычество. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=5889> (дата обращения 17.11.2016).
415. Эстония: куда катится демографическая ситуация? [Электронный ресурс] // Информационный портал Русской Общины Эстонии – Baltija.eu. – URL: <http://www.baltija.eu/news/read/29375> (дата обращения: 20.02.2017).
416. Юзыкайн Э. Некоторые аспекты информационной среды марийцев [Электронный ресурс] – URL: <http://www.suri.ee/r/mari/erik/infosr1.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Труды на иностранном языке

417. Abou, S. (1997). The Metamorphoses of Cultural Identity. *Diogenes*, 45 (177), 3-15. Available at: <https://doi.org/10.1177/039219219704517702>

418. Antcliff Tucker, E. M. (2012). Myth, memory and multiculturalism: Informing cultural identity through genealogical pursuit (Order No. 3537693). Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1323773844). Available at: <https://search.proquest.com/docview/1323773844?accountid=30419> (accessed 02.11.2015).
419. Boas F. University of Chicago Press, 1982 - Social Science - 647 p. // Available at: https://monoskop.org/images/8/8f/Boas_Franz_Race_Language_and_Culture_1940.pdf
420. Duncan S. A. Bell. Mythscapes: Memory, mythology, and national identity // April 2003 British Journal of Sociology 54(1):63-81. DOI: 10.1080/0007131032000045905
421. Eisheuer F. (2016) Franz Boas: Race, Language and Culture, The Macmillan Company: New York 1940, 647 S. In: Salzborn S. (eds) Klassiker der Sozialwissenschaften. Springer VS, Wiesbaden. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-658-13213-2_32
- Hegde, R. S. (2005). (accessed 03.12.2018) Disciplinary spaces and globalization: A postcolonial unsettling. Global Media and Communication, 1(1), 59 - 62. Available at: <https://doi.org/10.1177/174276650500100114>
422. Laakso, Johanna. Back to the roots? Critical reflections on the 'root' in finno-ugric linguistics // Journal of Estonian & Finno-Ugric Linguistics / Eesti ja Soome-ugri Keeleteaduse Ajakiri. 2017, Vol. 8 Issue 1, p. 133-148. 16 p. DOI: 10.12697/jeful.2017.8.1.08.
423. Lie, R. (2003). Spaces of intercultural communication: An interdisciplinary introduction to communication, culture and globalizing localizing identities. Cresskill, N.J.: Hampton Press. URL: <https://iamcr.org/publications/hampton/hampton-lie-2002>
424. Lifton R. J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N. Y., 1993. Available at: <https://archive.org/details/proteanselfhuman00lift> (accessed 12.01.2018).
425. Lükő Gábor (1909-2001) Hímfi és a szarvas: finnugor mítoszok és magyar emlékeik = Hímfi and the stag: Finno-Ugrian myths and their Hungarian relics / Lükő Gábor; [a kötetet szerk. Pozsgai Péter]. - Budapest: Táton, 2003. - 397 p.

426. Kellner, D. (1995). *Media culture: Cultural studies, identity and politics between the modern and the postmodern*. London and New York: Routledge. – Available at: https://www.academia.edu/2194220/Media_culture_Cultural_studies_identity_and_politics_between_the_modern_and_the_postmodern (accessed 02.01.2018).
427. Maslow Abraham H. *Religions, Values, and Peak Experiences*, Columbus, Ohio: Ohio State University Press, 1964. 123 p. – Available at: http://www.bahaistudies.net/asma/peak_experiences.pdf (accessed 08.11.2018).
428. Nichols, B. (1994). *Blurred boundaries: Questions of meaning in contemporary culture*. Bloomington: Indiana University Press. XVIII, 187 p.
429. Oyserman, D., Coon, H., & Kemmelmeier, M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 128, 3-72. DOI: 10.1037/0033-2909.128.1.3
430. Saarinen S. The Myth of a Finno-Ugrian Community in practice // *Nationalities Papers*. 2001. P. 50. DOI: 10.1080/00905990120036376
431. Simonyi E. (1971) *Finnország: útikönyv és térkép, 2004-2005* / Simonyi Erika, Torontáli Zoltán; [fotó Konkoly-Thege György et al.]; [térk. Rémai Csaba]. - Budapest: Tábla és Penna, cop. 2004. - 351 p. – Available at: https://www.researchgate.net/publication/330134368_keramiavizsgalatok_eredmenyeinek_felhasznalasa_10-13_szazadi_telepuleseink_kutatasaban_ii_mezokeresztes_hejokurt_felsozsolca_karos (accessed 04.04.2019)
432. Taylor Donald M. (2002). *The quest for identity: from minority groups to generation Xers*. Publisher by Westport, Conn.: Praeger 2002. – 133 p.
433. Taylor Donald M. *The Quest for Collective Identity: The Plight of Disadvantaged Ethnic Minorities* // *Canadian Psychology*. - Vol. 38, No. 3. August 1997. Available at: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-391712671/the-quest-for-collective-identity-the-plight-of-disadvantaged> (accessed 23.07.2018).
434. Trevor-Roper, H. R. (Hugh Redwald), 1914 – *The crisis of the seventeenth century* / H. R. Trevor-Roper. Originally published: New York: Harper & Row, 1967. – 465 p.

435. Uskul A. K. Culture, mind, and the brain: current evidence and future direction [Text] / A. K. Uskul, S. Kitayma // *Annual Review of Psychology*. 2011. № 62. P. 419 – 449. DOI: 10.1146/annurev-psych-120709-145357.
436. Uskul A. K. Ecocultural basis of cognition: Farmers and fisherman are more holistic than herders [Text] / A.K. Uskul, S. Kitayma, R.E. Nisbett // *Proceedings of the National Academy of the United States of America*. 2008. №105(25). P. 8552–8556. DOI: 10.1073 / pnas.0803874105

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Анкета для опроса

Исследовательский проект по культуре уральских марийцев

Уважаемые господа, просим заполнить данную анкету и оставить свои пожелания и замечания по формулировке вопросов. Ваши замечания, предложения будут учтены при написании исследовательского проекта.

ПРАВИЛА ЗАПОЛНЕНИЯ АНКЕТЫ. Просьба нужные ответы отметить галочкой или обвести кружочком, а в некоторых случаях (они указаны ниже) дать полный ответ.

АНКЕТА АНОНИМНА. О результатах можете узнать по телефону 8-9022744080.

Блок I. Материальная культура

1. Оцените Ваше материальное положение

1. денег не хватает даже на питание и предметы первой необходимости
2. денег едва хватает от зарплаты до зарплаты
3. на самое необходимое денег хватает, но уже покупка одежды и обуви вызывает затруднение
4. денег, в основном, хватает, однако испытываем затруднение при покупке товаров длительного пользования
5. вызывает затруднение только покупка дорогостоящих вещей
6. в настоящее время семья практически может ни в чем себе не отказывать
7. затрудняюсь ответить

2. Каков основной источник вашего материального положения

1. Заработная плата от основной работы по найму
2. Заработная плата от дополнительной работы по найму (по совместительству, контракту и т.п.)
3. Заработок от работы без официального оформления
4. Пенсии (по старости, инвалидности и т.п.)
5. Доход от частного предпринимательства, бизнеса
6. Денежная помощь родственников и друзей
7. Подсобное хозяйство
8. Сбор ягод, грибов, трав, охота, рыбалка.
9. Другое
10. Затрудняюсь ответить

3. Что наиболее важно для вас при выборе места работы?

1. Стабильность работы при среднестатистической заработной плате?
2. Высокий уровень заработной платы, но отсутствие стабильности?
3. Дружеский коллектив, з. п. чуть ниже среднего
4. Руководящие позиции, предпринимательская деятельность?
5. Не определился

4. Имеется ли сейчас крупный рогатый скот в вашем хозяйстве?*(только один ответ)*

1. да

2. нет

5. Каким образом подсобное хозяйство позволяет реализовать ваши материальные возможности?

1. Полностью обеспечивает необходимым для семьи продовольствием
2. Частично покрывает расходы семьи на продовольствие
3. При реализации выращенной продукции остаются деньги на покупку необходимых в хозяйстве товаров.
4. За счет денежных средств, полученные при реализации выращенной продукции создаются накопления.
5. Другое (написать) _____

Блок 2. Культура быта**6. Напишите, какая есть в вашей семье бытовая техника?**

7. Как вы охарактеризуете свое жилье?

1. Благоустроенное

2. Неблагоустроенное

8. Как распределяются ваши обязанности в быту?

Обвести кружком необходимое («М» – мужской труд, «Ж» – женский труд, «Д» – обязанности подрастающего поколения)

1. Работа на приусадебном участке	М	Ж	Д
2. Уход за животными	М	Ж	Д
3. Приготовление пищи	М	Ж	Д
4. Уборка в квартире	М	Ж	Д

9. Кто глава современной семьи? (только один ответ)

1. муж

2. жена

3. затрудняюсь ответить

10. Напишите, насколько изменилось распределение работ в домашнем хозяйстве в последние 10 лет?

11. Возникают ли конфликты по поводу распределения работ в домашнем хозяйстве? Если возникают, то между кем и кем? Напишите:

12. Оцените состояние своего здоровья? (Напишите)

13. Как часто вы обращаетесь к врачам? (Напишите)

14. При каких случаях вы обращаетесь к врачам? (Напишите)

15. Оцените вашу потребность в реализации курсов по оздоровлению:

16. Какие у вас есть традиции по укреплению здоровья? (Напишите)

Блок 3. Культура свободного времени

17. В какой мере в вашей семье вы обладаете свободным временем? (Напишите) _____

18. Занимаетесь ли вы традиционными видами хозяйства, ремесла для марийца?

19. Что больше всего укрепляет связи между членами семьи? (только один ответ)

1. совместная работа для получения дохода	4. совместный домашний труд
2. совместный досуг (написать, какой)	5. беседы за вечерним ужином
3. участие в художественной самодеятельности	6. другое

Блок 4. Духовная культура

20. Насколько для вас важна проблема сохранения марийского населения на селе? Напишите:

21. Какие, по вашему мнению, факторы влияют на отъезд марийцев из села?

1. Это вынужденное переселение из-за отсутствия рабочих мест на селе	4. Городская жизнь дает больше возможности для самореализации
2. В городе жить веселее	5. Больше возможностей для развития детей
3. Городская жизнь более комфортная	6. Другое. Напишите:
-

22. Как вы считаете, у Вас сохраняются родовые связи? В чем они выражаются? В какой степени они носят устойчивый характер? В каких традициях они выражаются?

23. Что может отрицательно повлиять на сохранение устойчивости рода? Напишите:

24. Как вы себя представляете в первую очередь (*только один ответ*)

1. гражданин земли	4. Уральский мариец (марийка)
2. россиянин (россиянка)	5. Житель Свердловской (Пермской) области
3. мариец (марийка)	6. Житель села (название)

25. Кто такие Уральские марийцы?

26. Если вы относите себя к уральским марийцам, то чем они отличаются?

27. Есть ли национальные платья в вашей семье?

(можно выбрать несколько вариантов ответа)

1. нет	4. да, у мужчин
2. да, у пожилых женщин	5. да, всех взрослых членов семьи
3. да, у детей до 14 лет	6. другое (написать) _____

28. Предпочли ли вы для своих детей, внуков школьную форму в национальном стиле?

(только один ответ)

1. да	3. не знаю
2. нет	4. Напишите, почему. _____

29. Владеете ли вы марийским языком? (*только один ответ*)

1. Да, как разговорным, так и литературным.	4. Совсем не говорю, но кое-что понимаю
2. Только разговорным	5. Не владею
3. Говорю плохо, но все понимаю.	

30. Что составляет гордость марийцев Урала? (*Напишите:*)

31. Перед кем несет мариец ответственность за свои поступки?

(можно выбрать несколько вариантов ответа)

1. перед обществом	4. перед будущим поколением
2. перед своей семьей	5. перед самим собой
3. перед ушедшими предками	6. Не знаю

32. В чем основной смысл жизни? (только один ответ)

1. сохранение семьи, воспитание детей	4. накопить как можно больше знаний о мире
2. сделать удачную карьеру, занять положение в социуме	5. в духовном просветлении
3. получить удовольствие от жизни, насладиться ей	6. не задумывался, затрудняюсь ответить

Расскажите, пожалуйста, немного о себе:

33. Место проживания (только один ответ)

1. город до 500 тыс. жителей	2. сельская местность Св. области
3. сельская местность Пермского края	

34. Место рождения (только один ответ)

1. сельская местность	2. город

35. Сколько лет вы живете в данном месте? (написать)**36. Возраст (только один ответ)**

1. с 15 до 18 лет	5. с 31 до 40 лет
2. с 19 до 22 лет	6. с 41 до 50 лет
3. с 23 до 25 лет	7. с 51 - 60
4. с 26 до 30 лет	8. 61 – и старше

37. Пол (только один ответ)

1. мужской	2. женский

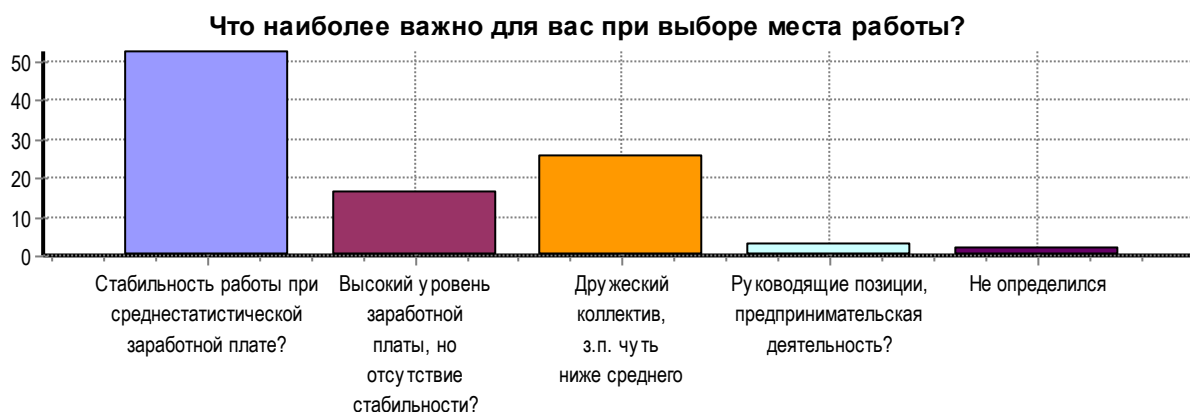
38. Образование (только один ответ)

1. Неоконченное среднее	2. ПТУ
3. Среднее специальное	4. Обучающийся вуза
5. Высшее	6. Ученик (ца) школы
7. Обучающийся колледжа	

Блок I. Материальная культура

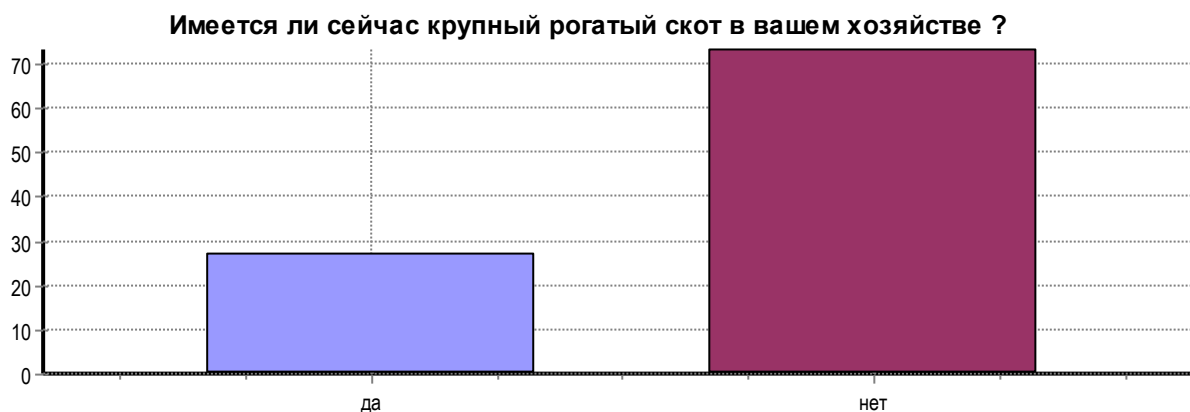
Что наиболее важно для вас при выборе места работы?

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	Стабильность работы при среднестатистической заработной плате?	213	52,6	52,6
	Высокий уровень заработной платы, но отсутствие стабильности?	66	16,3	16,3
	Дружеский коллектив, з.п. чуть ниже среднего	104	25,7	25,7
	Руководящие позиции, предпринимательская деятельность?	13	3,2	3,2
	Не определился	9	2,2	2,2
	Итого ответивших:	405	100,0	100,0
Пропущенные	Нет данных	0		0,0
Итого		405		100,0

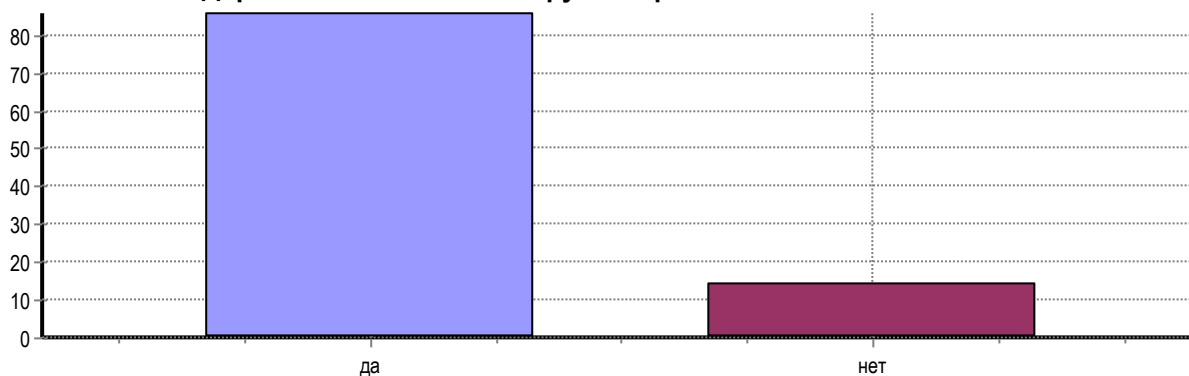
Имеется ли сейчас крупный рогатый скот в вашем хозяйстве?

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	да	35	8,6	8,6
	нет	370	91,4	91,4
	Итого ответивших:	405	100,0	100,0
Пропущенные	Нет данных	0		0,0
Итого		405		100,0

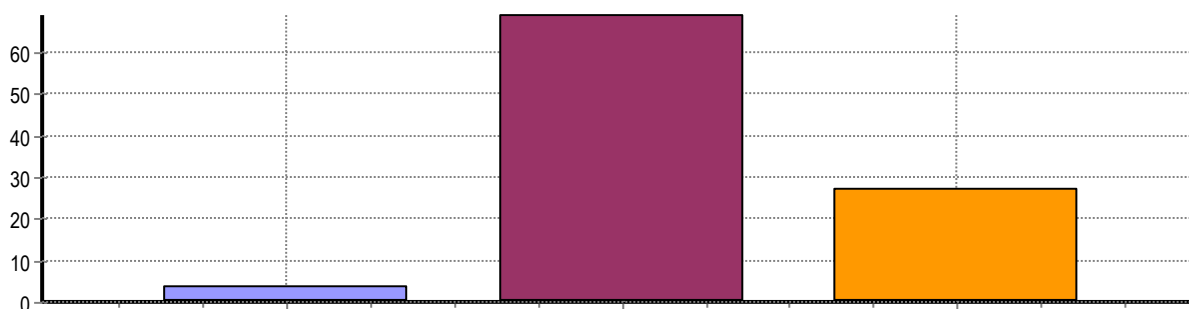

Держала ли ваша семья крупный рогатый скот до 1990-х?

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	да	247	61	61
	нет	158	39	39
	Итого ответивших:	405	100,0	100,0
Пропущенные	Нет данных	0		0,0
Итого		405		100,0

Держала ли ваша семья крупный рогатый скот**Каким образом подсобное хозяйство позволяет реализовать ваши материальные возможности?**

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	Полностью обеспечивает необходимым для семьи продовольствием	15	3,7	3,7
	При реализации выращенной продукции остаются деньги на покупку необходимых в хозяйстве товаров	279	69,1	68,9
	Частично покрывает расходы семьи на продовольствие	110	27,2	27,2
	Итого ответивших:	404	100,0	99,8
Пропущенные	Нет данных	1		0,2
Итого		405		100,0

Блок 3. Культура свободного времени**Занимаетесь ли вы традиционными видами хозяйства, ремесла для марийца?**

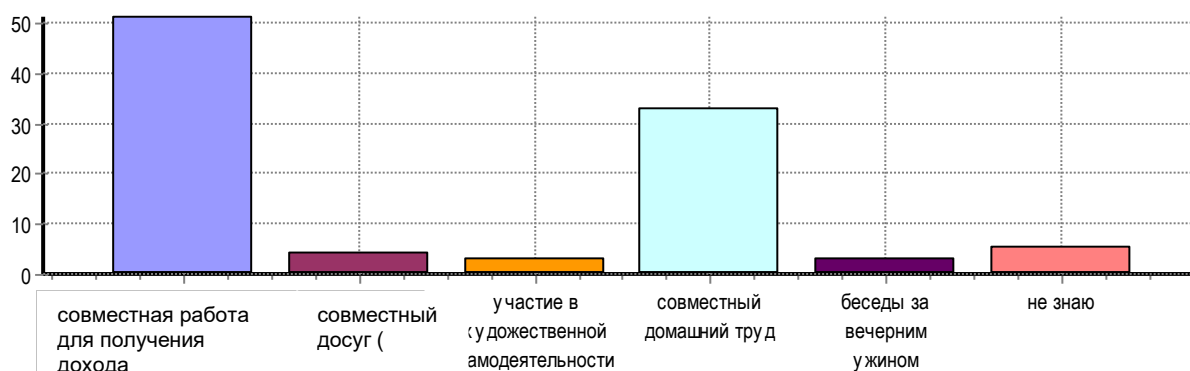
Респондент Иванов, Курки: «Все хозяйственные дела мы стараемся делать в традиционном стиле. Это обеспечивает долговременность результату. Например, при строительстве дома в венец подкладывают обязательно серебряную монету.

Когда складывают матрицу, под нее тоже кладут серебряную монету и овечью шерсть с завитками. Любая вещь, присутствующая на матрице должна быть свернутой. Строители перед началом закладывания матрицы поднимаются вверх как бы под будущую крышу и едят сырники, так как они из свернутого молока. Такая символическая практика при строительстве дома у уральских мари связана с символом ладони с согнутыми («свернутыми») к ней полукругом пальцами, что, как считается, позволяет удержать благо и семейное достояние. Также завитки символизируют бесконечность продолжения жизни. Как только матрица сложена, вся семья собирается уже в доме, и самая пожилая женщина читает молитву о тех, кто в этом доме будет жить».

Респондент Петров, Сызганка, Пермский край, Суксунский район: «Муж – это лицо семьи. Он должен и семью обеспечить и охранять женщин семьи от чужих посягательств. Это совсем не ревность. Это – мужское достоинство. И даже молодой парень, не женатый, не позволит танцевать своей девушке с другим. Это для него будет как оскорбление».

Что больше всего укрепляет связи между членами семьи? (только один ответ)

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	совместная работа для получения дохода	207	51,1	51,1
	совместный досуг	18	4,4	4,4
	участие в художественной самодеятельности	13	3,2	3,2
	совместный домашний труд	133	32,8	32,8
	беседы за вечерним ужином	12	3,0	3,0
	не знаю	22	5,4	5,4
	Итого ответивших:	405	100,0	100,0
Пропущенные	Нет данных	0		0,0
Итого		405		100,0

Блок 4. Духовная культура

Насколько для вас важна проблема сохранения марийского населения на селе?

1. Респондент З. Я. Яметова: «Мы живем в глубинке, до нас все излишки цивилизации или совсем не доходят, или доходят тогда, когда уже многие осознали, что это, действительно, излишки. Но в городах люди забывают свою культуру, свое предназначение. Теряются. А мы, как заповедник для природы. Только для человеческой души. Мы ценны тем, что сберегли настоящую культуру». Мы ответственны не только перед будущими поколениями, но и перед ушедшими. Когда мы встретимся с ними, с нас спросят.
2. Респондент Л. И. Канакаев: «Культура марийцев Урала сохранилась с древних времен. Наши прадеды никогда не отходили от своих убеждений, сохранив все религиозные обряды и традиции. Сейчас к нам приезжают из Йшкар-Олы и учатся тому, как правильно проводить моления в лесу, какие традиции нужно соблюдать и как их правильно соблюдать. Традиции Уральских марийцев более древние. Они имеют иранские корни.
3. Респондент М. Г. Егорова: Наши традиционные верования давние, и так жаль, что сейчас мы это все можем потерять.
4. Респондент Н. И. Шуматова: «Почему у людей несчастья? Они забывают силу и разумность природы, от этого страдают. Вот, например, вода. Вода несет в себе магическую силу, с ней нужно разговаривать, нужно знать ее свойства и характер. Вода особенно влияет на человека. Ведь даже современные ученые доказали, что человек, в основном, состоит из воды. Нельзя мыться в душе и петь песни. Вода всю радость унесет. Нельзя выплескивать воду из дома после заката...»
5. Респондент З. И. Яметова: «Вода может принять человека за своего и утянуть на дно. Также не следует перегибаться через кромку колодца, Водяной может утащить: «Вўдышко шала ўп дене пураш ок йўро — Вўд Ия вўдышко шупшылеш», «Нўрепыш чот кумык лийын ончаш ок йўро — осал вий (Ия) шупшылеш». Нельзя плевать в воду, а когда подъезжаешь к неизвестной, «чужой» реке, нельзя проявлять к ней неуважение, говорить: «Ух–ты, какая глубокая, трудная» – можешь заболеть и умереть и т.п.

85 % респондентов оценили значимость традиций, 12% не вникают в традиционную жизнь марийцев Урала, 3% не смогли ответить на вопрос.

Что составляет гордость марийцев Урала?

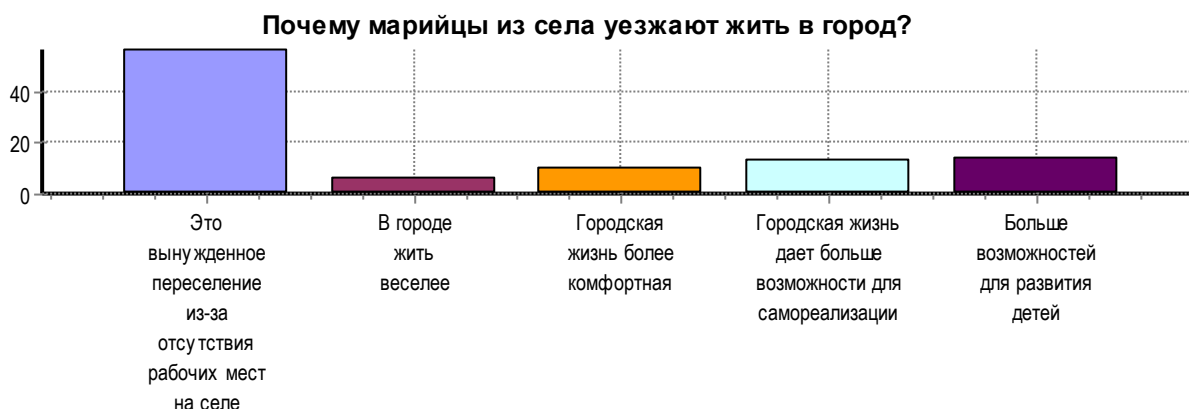
Респондент Шуматов Анатолий: «Наша гордость в особом видении мира. Мы в него как бы вживаемся, и он вживается в нас. Нам не нужно знать ни математику, ни там какие-то инженерные науки, чтобы построить крепкий мост, например. Вот, мой дед, воевал на войне, языка русского не знал. А ведь спас целую дивизию, мосты через переправы строил без всяких там чертежей. А все почему? Природные таинства вещей ему были известны».

Респондент Яметова Зоя: «Гордость марийцев Урала – это сохранившиеся фольклорные песни, которые удерживают еще наши слова и выражения от забывания. Они так красивы, так глубоки. А ведь современная речь порой такая

поверхностная. Жаль, что мы все меньше обращаемся к этому песенному творчеству, почти забываем его. А молодежь уже совсем не поет».

Какие, по вашему мнению, факторы влияют на отъезд марийцев из села?

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	Это вынужденное переселение из-за отсутствия рабочих мест на селе	227	56,2	56,0
	В городе жить веселее	26	6,4	6,4
	Городская жизнь более комфортная	40	9,9	9,9
	Городская жизнь дает больше возможности для самореализации	53	13,1	13,1
	Больше возможностей для развития детей	58	14,4	14,3
	Итого ответивших:	404	100,0	99,8
Пропущенные	Нет данных	1		0,2
Итого		405		100,0

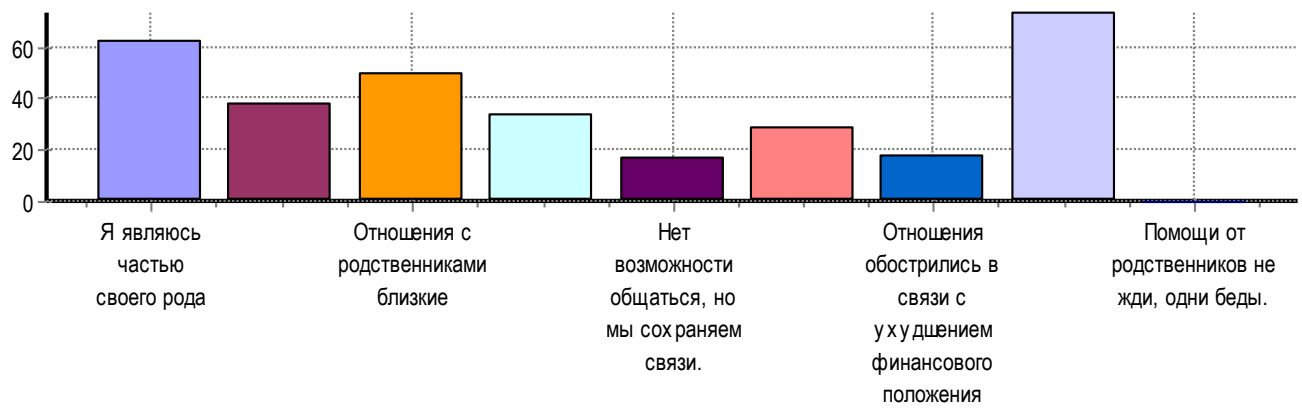

Как вы считаете, у Вас сохраняются родовые связи? В чем они выражаются? В какой степени они носят устойчивый характер? В каких традициях они выражаются?

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	Я являюсь частью своего рода	251	62,0	62,0
	Я лишь член своей семьи (дети, родители, бабушки-дедушки)	154	38,0	38,0
	Отношения с родственниками близкие	202	49,9	49,9
	Отношения с родственниками не близкие, но дружественные	136	33,6	33,6
	Нет возможности общаться, но мы сохраняем связи.	67	16,5	16,5
	Заметны похолодания между родственниками	117	28,9	28,9
	Отношения обострились в связи с ухудшением финансового положения	73	18,0	18,0
	Независимо от всего существует взаимопомощь	296	73,1	73,1
	Помощи от родственников не жди, одни беды.	0	0,0	0,0
	Итого ответивших:	405	320,0*	100,0**
Пропущенные	Нет данных	0		0,0
Итого		405		100,0

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 3,2.

** В данном случае рассчитанна не сумма, а отношение числа ответивших к числу опрошенных.

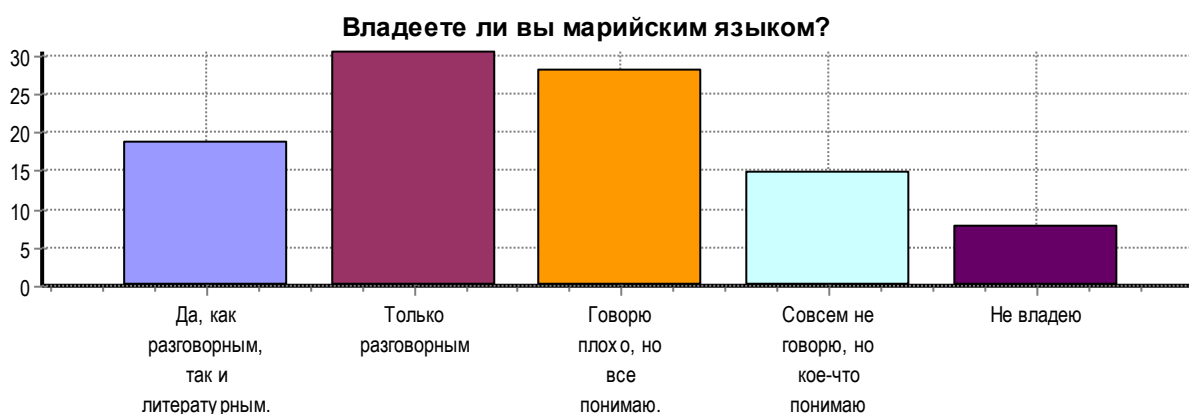

Как вы себя представляете в первую очередь (только один ответ)

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	гражданин земли	10	2,5	2,5
	россиянин (россиянка)	64	15,8	15,8
	мариец (марийка)	84	20,7	20,7
	Уральский мариец (марийка)	153	37,8	37,8
	Житель Свердловской (Пермской) области	21	5,2	5,2
	Житель села (название)	73	18,0	18,0
	Итого ответивших:	405	100,0	100,0
Пропущенные	Нет данных	0		0,0
Итого		405		100,0

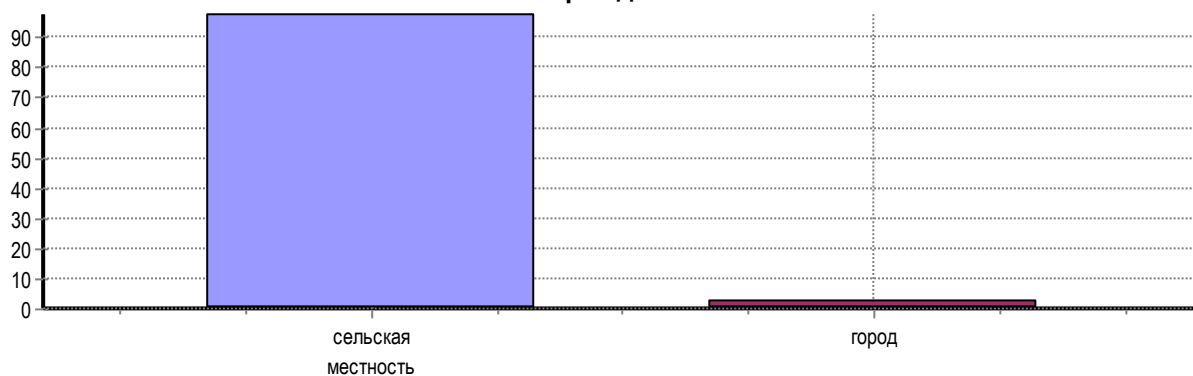
Владеете ли вы марийским языком? (только один ответ)

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	Да, как разговорным, так и литературным.	76	18,8	18,8
	Только разговорным	123	30,4	30,4
	Говорю плохо, но все понимаю.	114	28,1	28,1
	Совсем не говорю, но кое- что понимаю	60	14,8	14,8
	Не владею	32	7,9	7,9
	Итого ответивших:	405	100,0	100,0
Пропущенные	Нет данных	0		0,0
Итого		405		100,0

Место рождения (только один ответ)

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	сельская местность	395	97,5	97,5
	город	10	2,5	2,5
	Итого ответивших:	405	100,0	100,0
Пропущенные	Нет данных	0		0,0
Итого		405		100,0

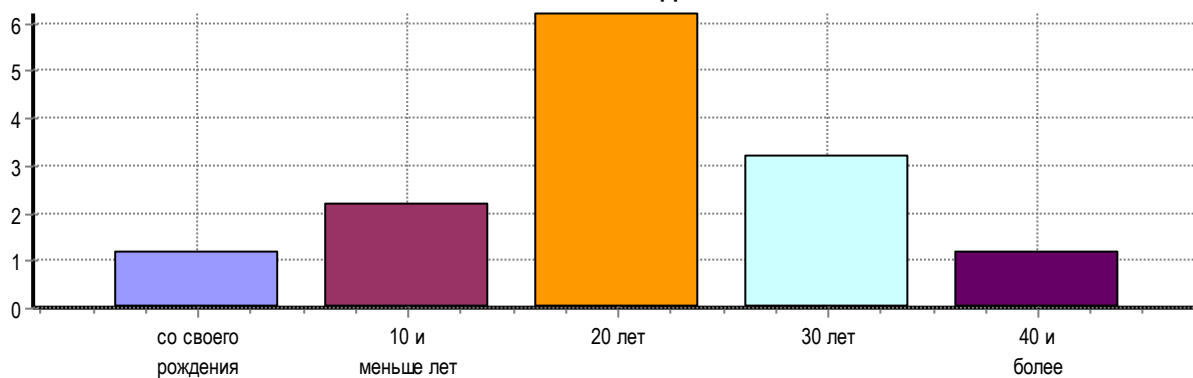
Место рождения

Сколько лет вы живете в данном месте?

	Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Валидные	со своего рождения	5	8,8	1,2
	10 и меньше лет	9	15,8	2,2
	20 лет	25	43,9	6,2
	30 лет	13	22,8	3,2
	40 и более	5	8,8	1,2
	Итого ответивших:	57	100,0	14,1
Пропущенные	Нет данных	348		85,9
Итого		405		100,0

Сколько лет вы живете в данном месте?

- i. Национальным напитком марийцев до сих пор служит свекольное пиво, праздничная еда, в основном, это мясомолочная пища, пироги с калиной, черемшой. В доме обязательно должна быть печь – сердце дома, его стержень. Долгое время марийцы Урала не практиковали консервирование фруктов, ягод и овощей. Варенье варили лишь изредка. Среди заготовок бытовали квашеная капуста, сушеные лесные травы, ягоды, грибы. Сушеный турнепс заменял жевательную резинку. Скорее всего, традиция сушеных заготовок связана с готовностью Уральских марийцев в любой момент изменить место проживания.
- ii. Марийцы считают, что особенно такие болезни скажутся на ногах или руках. Многие обряды и поверья были трансформированы в связи с изменением образа жизни. Так, ни в ванной, ни в душе, ни в бане нельзя петь: вода унесет с собой хорошее настроение. Если хотите, чтоб дорога была счастливой, то на нее следует вылить чистую воду и попросить у Бога счастливого пути.
- iii. По свидетельству респондентки Н. И. Шуматовой из д. Мари Карши Ачитского городского округа Свердловской области. Режут хлеб стоя, так как в ногах сила. Сидят больные и немощные. Если резать хлеб в сидячем положении, то те, кто ест этот хлеб будут болеть.
- iv. Данные практики чаще всего связаны с содержанием домашнего скота. Вот лишь некоторые из них: после отела коровы и поедания молозива воду пить не полагается, иначе корова будет во время дойки мочиться. Нельзя бросать крошки от хлеба, иначе корова будет лягаться.
- v. Магические практики пронизывают даже повседневное надевание одежды. Например, носки надевают одинаковые, чтоб жить с милым в мире и в паре.
- vi. На Урале во время войны 1941 – 1945 гг. в местах компактного проживания марийцев еще не росли такие фруктовые деревья, как яблони и груши. Плоды груши воспринимались, по рассказам старожилов Артинского района Свердловской области и Суксунского района Пермского края (З. Яметова, И. Саватеевна) как заморские фрукты. Так же в повседневной речи (Запад, Восток) не

употреблялись наименования сторон света. Обозначая, например, восточное направление, мари́йцы говорили: «Там, где восходит солнце».

Рис. 1. Этническая мари́йская кукла
(д. Мари Карши, Ачитский городской округ)

Рис. 2. Стилизованная кукла.
(с. Юва, Красноуфимский городской округ)

Рис. 3. Выступление народного коллектива. Праздник Ага-Пайрем. 2016.

Рис. 4. Мари́йский коллектив с. Курки
в национальных костюмах

Рис. 5. Мари́йские моления в священных рощах. Красноуфимский район.

Рис. 6, 7, 8, 9. Женские костюмы марицев Урала (начало XX века)

Рис. 10. Фрагмент женского нагрудного украшения. Яга.

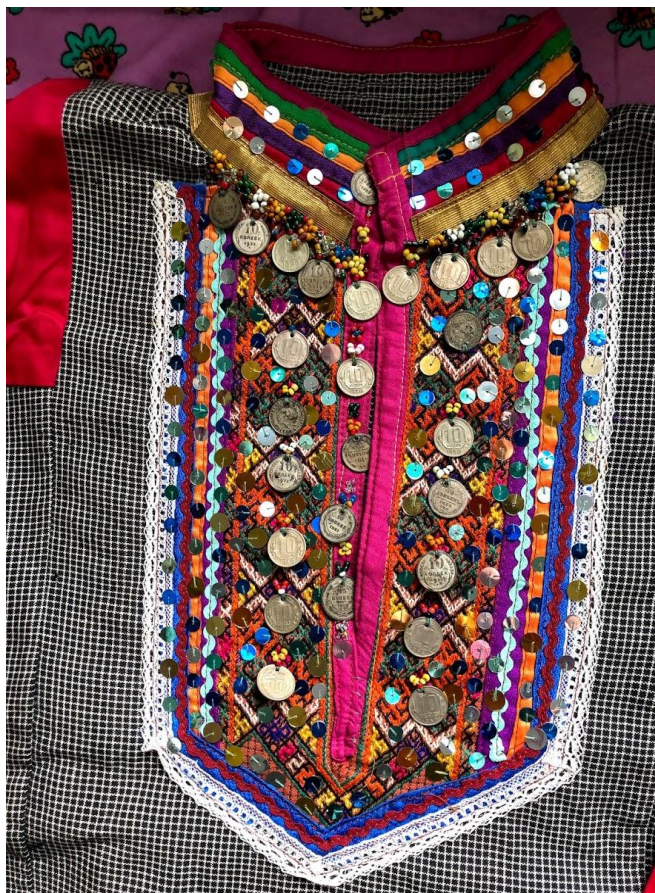

Рис. 11, 12. Орнамент на костюмах марийцев Урала (Суксунский район, Пермский край). XX в.

Рис. 13. Головной убор марийской женщины - шынашовычо